

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2023 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 18

№ 1–2

Главный редактор

Елена Семёновна Узенёва,
к.ф.н., доцент
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко,
д.и.н., зав. отделом истории славянских народов
Юго-Восточной Европы в Новое время
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Ольга Сергеевна Каштанова,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Анна Андреевна Леонтьева,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Наталья Александровна Лунькова,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ксения Валерьевна Мельчакова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Пётр Владимирович Мочечков,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Татьяна Ивановна Чепелевская,
к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Редакционный совет

Дёрль Бебеш,
доктор философии (история), доцент
Печский университет, Печ, Венгрия

Алеш Заржицкий,
доктор философии (история), профессор
Остравский университет, Острава, Чехия
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Наталья Корина,
д.ф.н., профессор
Венский университет, Вена, Австрия
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Христина Марку,
доктор философии (филология), доцент
Фрайбургский университет имени Демокрита, Комотини, Греция
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Пенка Пейковска,
д.и.н., профессор
Институт истории Болгарской академии наук, София, Болгария
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Сузана Раич,
доктор философии (история), доцент
Белградский университет, Белград, Сербия
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Витторио Томеллери,
д.ф.н., профессор
Туринский университет, Турин, Италия
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Штефан Трёбст,
д.и.н., профессор
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия

Сандра Хаджихалилович,
д.ф.н., доцент
Задарский университет, Задар, Хорватия
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издаётся с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 300 экз.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: slavieworld.ru

Ответственный секретарь

Никита Владимирович Евстафьев,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Редакционная коллегия

Ирина Евгеньевна Адельгейм,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Татьяна Ивановна Вединина,
д.ф.н., руководитель Центра ареальной лингвистики
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Александр Игоревич Грищенко,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7170-365X

Оксана Анатольевна Запека,
к.филол.н., зав. кафедры славяноведения и культурологии
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия

Елена Николаевна Ковтун,
д.ф.н., профессор
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Евгений Андреевич Колосков,
к.и.н., доцент
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Константин Васильевич Лифанов,
д.ф.н., профессор
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Сергей Алексеевич Мызников,
д.ф.н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Константин Владимирович Никифоров,
д.и.н., директор
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Владимир Яковлевич Петрухин,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Анна Аркадьевна Плотнокова,
д.ф.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Андрей Николаевич Соболев,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Ольга Юрьевна Соколякина,
д.и.н., доцент
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Ольга Александровна Туфанова,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Артём Акович Улуяня,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Ольга Владимировна Хаванова,
д.и.н., профессор РАН
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Степан Михайлович Шамин,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Алла Геннадьевна Шешкен,
д.ф.н., профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X

SLAVIC WORLD

2025 IN THE THIRD
MILLENNIUM

Volume 18

Issue 1–2

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva,

Ph. D., associate professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya,

Ph. D., associate professor, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Svetlana I. Danchenko,

Doctor of History, Head of the Department of History of Slavic Peoples
in South-Eastern Europe in Modern Times
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Olga S. Kashanova,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Anna A. Leontyeva,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Natalia A. Lunkova,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ksenia V. Melchakova,

Ph. D., senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Petr V. Moshechkov,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Advisory Board

György Bebesi,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović,

Doctor of Letters, associate professor
University of Zadar, Zadar, Croatia
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Natalia Korina,

Doctor of Letters, professor
University of Vienna, Vienna, Austria
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Christina Markou,

Doctor of Philosophy (Philology), Associate Professor
University of Thrace, Komotini, Greece
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Penka Peykovska,

Doctor of History, professor
Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Suzana Rajić,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Vittorio S. Tomelleri,

Doctor of Letters, professor
University of Turin, Turin, Italy
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Stefan Troebst,

Doctor of History, professor
Leipzig University, Leipzig, Germany

Aleš Zářický,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies

Address: Leninsky Prospekt, 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

Executive Editor

Nikita V. Evstafyev,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Editorial Board

Irina E. Adelgeim,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Alexander I. Grishchenko,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7170-365X

Olga V. Khavanova,

Doctor of History, Russian Academy of Sciences professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Evgenii A. Koloskov,

Ph. D., associate professor
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Elena N. Kovtun,

Doctor of Letters, professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Konstantin V. Lifanov,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Sergei A. Myznikov,

Doctor of Letters, Corresponding Member of RAS, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Konstantin V. Nikoforov,

Doctor of History, director
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Vladimir Ya. Petrukhin,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Anna A. Plotnikova,

Doctor of Letters, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Stepan M. Shamin,

Doctor of History, leading research fellow
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Alla G. Sheshken,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Olga Yu. Solodyankina,

Doctor of History, associate professor
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Olga A. Tufanova,

Doctor of Letters, leading research fellow
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Artur A. Ulunyan,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Tatyana I. Vendina,

Doctor of Letters, Head of the Areal Linguistics Center
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Oksana A. Zapeka,

Ph. D., Head of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Животич Александр

Югославское королевство и Советская Россия/Советский союз
(1918–1924). Попытки заключения договора и взаимного признания 9

Стыкалин Александр Сергеевич

Настроения румынской интеллигенции начала 1960-х годов
глазами молодого советского литератора 33

*Матвеева Елена Михайловна,
Шкураток Юлия Анатольевна,
Королёва Светлана Юрьевна*

Исконная лексика и русские заимствования в обрядовой терминологии
коми-пермяков: подготовка покойника к погребению 48

Ващенко Дарья Юрьевна

Словацкий темпоральный диминутив *chvíľka* на фоне немецких
и венгерских эквивалентов (по корпусным данным) 66

*Црняк Дияна,
Савич Биляна*

Генитив времени в говоре Слатинского края около Баня-Луки
(Республика Сербская) 87

Шалаева Татьяна Владимировна

К вопросу о восточнославянских дериватах праслав. **sočiti* / **sakati* ... 103

Памяти Г.К. Венедиктова

Младенова Ольга Максимовна

О библиотеках, картотеках и путях к научному знанию в области
истории языка 120

Кирилов Кирил Пырванов

О развитии семантики некоторых древнеболгарских префиксальных
глаголов 128

К 100-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого

Низаметдинова Надира Хомятовна

О Никите Ильиче Толстом (К 100-летию со дня рождения) 141

Обижаева Марина Геннадиевна

Годоним «Улица Никите Толстоја» на карте города Вршац (Сербия) 152

Публикация исторических документов

Ганин Андрей Владиславович

«На нас, бывших офицеров, смотрят как на материал, который, используя, можно и бросить...». Неизвестное письмо советского военного специалиста об измене штаба 14-й армии в июне 1919 г. 161

О времени и о себе

Гусев Юрий Павлович

«Если мне был отпущен какой-то полетный ресурс, то я в максимальной мере его исчерпал, работая в Институте славяноведения». Воспоминания Ю.П. Гусева 175

Хроника научной жизни

Лунькова Наталья Александровна

Дискуссионный клуб литературоведов (декабрь 2022 — апрель 2023) 215

Шалаева Татьяна Владимировна

XXXIX Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2023» 226

CONTENTS

Articles

Aleksandar Životić

The Yugoslav Kingdom and the Soviet Russia / Union (1918–1924).
Mutual Recognition and Treaty Conclusion Attempts 9

Alexander S. Stykalin

The Mood of the Romanian Intelligentsia in the Early 1960s
Through the Eyes of a Young Soviet Writer 33

Elena M. Matveeva,

Iuliia A. Shkuratok,

Svetlana Yu. Korolyova

Inherited Lexicon and Russian Borrowings in the Ritual Terminology
of the Komi-Permyaks: Preparing the Dead for Burial 48

Daria Yu. Vashchenko

Slovak Temporal Diminutive *chvil'ka* Against the Background of German
and Hungarian Equivalents (According to Corpus Data) 66

Dijana M. Crnjak,

Biljana M. Savić

Temporal Genitive in the Speech of the Slatina Region near Banja Luka
(Republic of Srpska) 87

Tatiana V. Shalaeva

To the Problem of the East Slavic Derivatives of Proto-Slav. **sočiti* / **sakati* 103

In memory of G.K. Venediktov

Olga M. Mladenova

On Libraries, Databases and the Advancement of Knowledge in the Field
of Language History 120

Kiril P. Kirilov

About Evolution of the Semantics of Some Old Bulgarian Verbs
with a Prefix 128

On the 100th Anniversary of the birth of Academician N.I. Tolstoy

Nadiryia Kh. (Nadezhda N.) Nizametdinova

About Nikita Ilyich Tolstoy (On the 100th Anniversary of the Birth) 141

Marina G. Obizhaeva

The *Ulica Nikite Tolstoja* Hodonym on the City Map of Vršac (Serbia) 152

Publication of historical documents

Andrey V. Ganin

“They Look at Us, Former Officers, as Material That, Having Used It,
Can Be Thrown Away...”. An Unknown Letter from a Soviet Military Specialist
about the Betrayal of the Headquarters of the 14th army in June 1919 161

About time and about yourself

Yury P. Gusev

“If I Was Given Some Kind of Flight Resource, then I Exhausted It
to the Maximum Extent, Working at the Institute of Slavic Studies”.
The Memoirs of Yu.P. Gusev 175

Chronicle of scientific life

Natalia A. Lunkova

Discussion Club of Literary Critics (December 2022 — April 2023) 215

Tatiana V. Shalaeva

XXXIX All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas
of the Russian Folk Dialects – 2023” 226

ЮГОСЛАВСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ / СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1918–1924). ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА И ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ

Александр Животич

Доктор исторических наук, профессор,
Кафедра истории Югославии,
Философский факультет Белградского университета
Почтовый адрес: ул. Чика Любина, 18–20,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs
ORCID: 0000-0003-3237-7518

Аннотация

На основе опубликованных и неопубликованных архивных источников югославского и советского происхождения, а также соответствующей мемуарной и историографической литературы в статье рассматривается ход переговоров югославских и советских дипломатических представителей в 1918–1924 гг. о взаимном признании и установлении регулярных дипломатических отношений. Проанализированы обстоятельства, при которых начались переговоры, причины, побудившие к ним обе стороны, влияние заинтересованных держав и югославских союзников по Малой Антанте. Дипломатические шаги, предпринятые Королевством сербов, хорватов и словенцев сразу после окончания Первой мировой войны и направленные на нормализацию отношений с крупнейшей и важнейшей славянской страной, совпали с усилиями революционных властей России выйти из изоляции и занять свое место в международном сообществе. Хотя взаимные интересы диктовали быструю и эффективную нормализацию и возвращение взаимоотношений в нормальное состояние, ряд факторов обусловил провал переговоров. Проявились опасения Югославии, что взаимное признание приведет к усилению роли коммунистов в обществе и что большевистская пропаганда подорвет основания существующего государственного строя. Кроме того, особые подозрения вызывала негласная, а зачастую и прямая поддержка большевиками различных сепаратистских политических группировок в Югославии. Несмотря на ряд существенных политических факторов и на поддержку сближения с Советами значительной части общества, наиболее влиятельные деятели Радикальной партии во главе с Николой Пашичем, а также король Александр Карагеоргиевич относились к этой идее отрицательно.

Ключевые слова

Королевство сербов, хорватов и словенцев, Советский Союз, дипломатия, переговоры, Малая Антанта, король Александр, Никола Пашич, Георгий Чичерин

Статья поступила в редакцию 25 января 2023 г.

Статья доработана автором 3 марта 2023 г.

Статья принята в печать 30 мая 2023 г.

Цитирование: *Животич А.* Югославское королевство и Советская Россия / Советский Союз (1918–1924). Попытки заключения договора и взаимного признания. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 9–32. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.01>

THE YUGOSLAV KINGDOM AND THE SOVIET RUSSIA/ UNION (1918–1924). MUTUAL RECOGNITION AND TREATY ATTEMPTS

Aleksandar Životić

D. Sc., professor,
Department of History of Yugoslavia,
Faculty of Philosophy, University of Belgrade
Postal address: Čika-Ljubina str., 18–20,
Belgrade, 11000 Serbia
E-mail: aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs
ORCID: 0000-0003-3237-7518

Abstract

Based on published and unpublished archival sources of Yugoslav and Soviet origin, as well as relevant memoirs and historiography, the article examines the course of negotiations between the Yugoslav and Soviet diplomatic representatives in 1918–1924 on mutual recognition and establishment of regular diplomatic relations. The circumstances under which the negotiations began, the reasons that prompted both sides to them, the influence of the interested powers and the Yugoslav Little Entente allies are analyzed. The diplomatic steps taken by the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes immediately after the end of the First World War and aimed at normalizing relations with the largest and most important Slavic country coincided with the efforts of the revolutionary authorities of Russia to break out of isolation and take their place in the international community. Although mutual interests dictated the rapid and effective normalization, a number of factors caused the failure of negotiations. There were fears in Yugoslavia that mutual recognition would lead to a strengthening of the role of Communists in society and that Bolshevik propaganda would undermine the foundations of the existing state system. In addition, the tacit and often direct support of various separatist political groups in Yugoslavia by the Bolsheviks was particularly suspicious. Despite a number of significant political factors and support for rapprochement with the Soviets of a significant part of society, the most influential figures of the Radical Party led by Nikola Pašić, as well as King Alexander Karageorgievich, reacted negatively to this idea.

Keywords

Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Soviet Union, diplomacy, negotiations, Little Entente, King Alexander, Nikola Pašić, Georgy Chicherin

Received 25 January 2023

Revised 3 March 2023

Accepted 30 May 2023

For citation: Životić, A., 2023. Jugoslavskoe koroľevstvo i Sovetskaia Rossiia/Sovetskii soiuz (1918–1924). Popytki zakliucheniia dogovora i vzaimnogo priznaniia [The Yugoslav Kingdom and the Soviet Russia/Union (1918–1924). Mutual Recognition and Treaty Conclusion Attempts]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 9–32. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.01>

На начало Первой мировой войны пришелся своего рода пик сербско-российских отношений. Поддержка Россией Сербии в самом начале войны, огромная военная и материальная помощь, которую Россия оказывала в течение двух лет, совместные боевые действия на Салоникском фронте и российская дипломатическая защита сербских интересов обусловили тот факт, что Сербия рассчитывала на поддержку могущественной Российской империи¹. Однако перемены, произошедшие в России в начале 1917 г. и другие события, вызванные Февральской революцией, изменили прежний характер сербско-российских отношений. Революционные события 1917 года и последующий выход России из войны определили дальнейшую судьбу отношений Королевства Сербия, а затем Королевства сербов, хорватов и словенцев с Советской Россией.

Поначалу сербы надеялись, что смогут рассчитывать на поддержку тех, кто пришел к власти в Петрограде в результате революции. Сербское правительство было воодушевлено, когда сам Владимир Ильич Ленин в переговорах с сербскими дипломатическими представителями осудил агрессию Центральных держав в отношении Сербии, выразив уважение к ее борьбе за объединение югославянских народов, а новый министр иностранных дел Чичерин заявил, что советское правительство будет настаивать на полном уважении права народов на самоопределение и, следовательно, — сербского «с целью решения собственной судьбы». Кроме того, позиция большевиков в отношении будущих мирных договоров, основанная на принципе отказа от аннексий и контрибуций, была на руку правительству Сербии, чья национальная территория находилась в то время под австро-венгерской и болгарской оккупацией. Вот почему сербское правительство заняло официальную позицию непротivления провозглашенным принципам русской революции, ибо, как писал Никола Пашич в инструкции посланнику в Пет-

¹ О сербско-российских отношениях в ходе Первой мировой войны и российской политике на Балканах подробнее см.: *Трубецки Г. Н.* Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд: Просвета, 1994; *Шtrandман В.* Балканске успомене. Београд: Жагор, 2009; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд: Српска књижевна задруга, 1984; *Димић Љ., Радојевић М.* Србија у Великом рату (1914–1918). Кратка историја. Београд: СКЗ; Београдски форум за свет равноправних, 2014; *Станковић Ђ.* Никола Пашич, савезници и стварање Југославије. Зајечар: Задужбина «Никола Пашич», 1995; *Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд: Службени гласник, 2007; *Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата / приређ. А. Тимофејев, Д. Кремић.* Београд: Институт за новију историју Србије, 2014; За балканским фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М.: Кучково поле, 2014–2015. Т. I–IV; *Тимофејев А.Ю.* Февральская революция 1917 г. и Сербия. Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 16–40. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40>; *Вишняков Я.В., Тимофејев А.Ю., Милорадович Г.* На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. М.: МГИМО-Университет, 2018; *Романенко С.А.* Советско-югославские отношения в контексте ситуации в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе в 1920-е гг. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 6(80). С. 15. <https://doi.org/10.18254/S207987840005991-9>

рограде Мирославу Спалайковичу, Сербия также борется «за освобождение от немецкой оккупации, чтобы завоевать свободу и право на самоопределение для своего народа». Спалайковичу было поручено установить официальные контакты с советской делегацией, которая вела переговоры в Бресте, и передать точку зрения сербского правительства в форме официального заявления. Он получил заверения, что советские делегаты будут настаивать на защите интересов югославянских народов.

Сербское правительство сочло заключение мира с Германией актом, противоречащим его интересам, поэтому Спалайкович получил приказ прекратить контакты с новым правительством. Поскольку сербы формально не признали советскую власть, можно сказать, что взаимные отношения никогда не устанавливались, но имели место на практике. До подписания мира в Брест-Литовске сербское правительство пыталось поддерживать контакты с новыми властями в интересах югославянского объединения, а также сбора добровольцев и отправки их на Салоникский фронт². Со своей стороны и советское правительство не было заинтересовано в разрыве дипломатических связей. Вследствие германского наступления на Петроград сербское посольство эвакуировалось, а в городе остался поверенный в делах Радослав Йованович³.

Интервенция Антанты, поддержанная сербскими властями, а также деятельность коммунистов-югославян негативным образом сказались на деятельности посольства. В ноябре 1918 г. из России отбыла и военная миссия. Временный поверенный в делах Йованович, получивший от большевиков

² О сборе добровольцев в России подробнее см.: Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 / приређ. Н. Поповић. Београд: Удружење добровољаца 1912–1918, 1977; Јовановић И., Рајковић С., Рибар В. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд: Војно дело, 1954; Максимовић В. Споменица Прве српске добровољачке дивизије 1916–1926. Београд: Просвета, 1926; Добровољци у ратовима 1912–1918. Доживљаји и сећања / уред. Ј. Митровић. Београд: Удружење добровољаца 1912–1918, 1971; Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца: зборник радова са научног скупа одржаног у Кикинди 11. и 12. априла 1996. / уред. П. Качавенда. Београд: Удружење ратних добровољаца 1912–1918, њихових потомака и поштовалаца; Кикинда: Комуна, 1996; Вишняков Ј., Тимофеев А., Милорадовић Г. Армија без государства. От сербског к југославянском добровољаческом корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов. М.: Российский институт стратегических исследований, Российское военно-историческое общество, Институт И. Андрича — Отдел истории, 2014; Мицић М. Српско добровољачко питање у Великом рату 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар; Београд: Радио-телевизија Србије, 2014; Он же. Српски добровољци 1914–1918: животи, сећања. Ново Милошево: Банатски културни центар; Српска Црња: Народна библиотека «Бура Јакшић», 2016; Он же. Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар, 2016.

³ Свои воспоминания о дипломатической службе и революции в России Радослав Йованович оформил в виде донесения министру иностранных дел: Јовановић Р. Ст. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Р. Ст. Јовановић, 1925.

разрешение на использование дипломатических прерогатив, сосредоточился на репатриации соотечественников и недопущении их участия в интервенции. Изменение отношения советских властей к югославским дипломатам последовало в марте 1919 г., что было вызвано образованием Югославского совета рабочих и крестьянских депутатов, присвоившего полномочия югославского консульства. Это поставило под угрозу и без того шаткое положение дипломатов. В течение следующего месяца совет закрыл югославские дипломатические представительства и консульства. Таким образом, 3 марта 1919 г. состоялся и формальный разрыв дипломатических отношений.

При располагавшемся в Омске правительстве адмирала Колчака, признанного Королевством СХС в мае 1919 г., находился консул Йован Миланкович, имевший чин поверенного в делах⁴. До февраля 1920 г. он оставался последним югославским дипломатом в царской России. Эвакуацию югославских граждан завершила военная миссия во Владивостоке вместе с секретарем Божидаром Пуричем. Так закончилось югославское дипломатическое присутствие в России⁵.

Король Александр и югославское правительство твердо стояли на позициях непризнания советской власти и поддержания официальных связей с русской эмиграцией и правительством в Омске. В надежде на победу Белых сил состоялось назначение посланника Маты Бошковича, который в Париже ожидал исхода противостояния и отъезда в Россию. Со своей стороны, союзники Югославии подходили к проблеме более прагматично. Великобритания, стремившаяся установить торговые отношения с Советами, предложила главе югославской дипломатии, находившемуся в Лондоне, встретиться с членами советской делегации. Британское правительство склонялось к установлению постоянных отношений с Советами, потому что такая политика привела бы к миру. К тому же большевики имели реальную власть в стране, что делало их решающим политическим фактором. В Лондоне полагали, что, если советские представители хотят мира с Польшей, то с ними следует наладить связи, а если они будут настаивать на большевизации Польши и распространении своей пропаганды в других европейских странах, то надлежит занять сдержанную позицию и даже

⁴ Архив Југославије (далее — АЈ), Ф. 341 (Посланство у Лондону), К. 31. А. Ј. 104. 5453. (Телеграм Стојана Протића Посланству у Лондону од 27. априла 1919.)

⁵ О разрыве дипломатических отношений с Россией подробнее см.: Поповић Н. Б. Србија и Руска револуција 1917–1918. Београд: Завод за уџбенике, 2014; Он же. Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији. Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века / уред. М. Војводић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2011. С. 185–203; Силкин А. А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году. Славяноведение. 2021. № 5. С. 16–32. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0016742-9>; Silkin A. Delatnost Centralnog jugoslovenskog biroa pri CK RKP(b) u Moskvi 1920–1921. Istorija 20. veka. 2021. № 2. S. 261–278. <https://doi.org/10.29362/ist20veka.2021.2.sil.261-278>

прекратить все контакты, в том числе и экономические. Кроме того, британцы ожидали исхода мирных переговоров с польским правительством в Минске и твердо придерживались линии на установление отношений с Советами при условии, что те не станут нарушать достигнутые мирные договоренности и откажутся от большевистской пропаганды. Такая позиция Альбиона облегчала положение югославской стороны. Что касается находившегося в Лондоне министра иностранных дел Королевства СХС Анте Трумбича, то он, по предложению советских представителей, встретился с ними 18 августа 1920 г. А именно, один из эмиссаров Москвы инициировал контакт с Трумбичем, заявив, что хочет рассмотреть перспективу торговых связей между двумя странами, которые будут установлены после урегулирования отношений между Россией и великими державами, то есть определения ее нового статуса в международном сообществе. Обсуждалась также репатриация югославских подданных — бывших австро-венгерских военнопленных. Министр отметил, что Советам мало известно о новом югославском королевстве и его положении на международной арене. Кроме того, глава МИД не преминул подчеркнуть, что Югославия получила признание со стороны союзных и нейтральных государств — как в ходе мирной конференции, так и путем подписания двусторонних соглашений. Спустя несколько дней новое правительство во главе с Миленко Весничем приказало Трумбичу прервать переговоры с советской делегацией и немедленно вернуться в Белград⁶. Так, по-видимому, из-за вмешательства принца-регента Александра переговоры завершились, едва успев начаться⁷.

Очевидно, опасаясь того, что контакты с Советами могут послужить импульсом к развитию коммунистического движения в стране, а также испытывая давление со стороны королевского двора, югославское правительство, уже столкнувшееся к этому времени с организованными коммунистами беспорядками и забастовками, решило прекратить переговоры с Советами о возможном дипломатическом признании.

Несмотря на срыв переговоров, советская сторона, стремясь выйти из международной изоляции, пыталась установить дипломатические отношения с Королевством СХС. В этой связи пришла кстати инициатива Белграда, направившего в Эстонию специального эмиссара профессора Драголюбa Илича, вернувшегося из России в начале 1920 г. В августе он приехал в Ревель с поручением начать с тамошним советским представителем неофициальные переговоры о взаимном признании. По прибытии

⁶ А. Я. Ф. 334 Министерство иностранных послова Краљевине Југославије. ПО. Фасц. 17. Д. 47, Телеграм Анти Трумбићу од 26. августа 1920.

⁷ О югославско-советских переговорах подробнее см.: *Krizman B. Vanjska politika jugoslovenske države 1918-1941. Diplomatsko-historijski pregled.* Zagreb: Školska knjiga, 1975; *Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919-1929: pitanje priznanja SSSR-a i uspostavljanje jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. Istorija XX veka.* 1965. Knj. VII. S. 93-186; *Idem. Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919-1926). Pregled.* 1967. № 9. S. 221-231.

Илич передал своему визави послание югославского правительства о том, что оно считает необходимым, чтобы советская сторона заявила: хочет она «сближения с Югославией» или нет. В случае положительного ответа предлагалось начать двусторонние переговоры в Москве, Праге или каком-либо другом месте. В ответ нарком иностранных дел Г.В. Чичерин 13 октября 1920 г. обратился с предложением об установлении прочных дружеских связей и обмене полномочными представителями. Чичерин призывал, предав забвению прошлые разногласия, начать переговоры, направленные на решение актуальных проблем⁸. В декабре того же года Советы повторили свое предложение, подчеркивая необходимость близких и дружественных двусторонних отношений. При этом Чичерин не упустил возможность осудить поддержку Югославией белогвардейской эмиграции и ее действий, называя такую политику Белграда противоречащей устремлениям большей части как русского народа, так и югославян, которые желали установления отношений с Советами⁹. В то же время нарком подчеркивал, что советское правительство выступает за независимость малых народов, а также что оно не намерено разрушать Чехословакию или другие государства — члены Малой Антанты¹⁰. Ответа с югославской стороны не последовало. По-видимому, опасаясь, что налаживание регулярных дипломатических контактов с Советами воодушевит местных коммунистов, предпринявших ряд акций по свержению существующего строя, югославское правительство не желало начинать переговоры с представителями Советской России.

После этого переговоры о репатриации проходили при посредничестве Лиги наций. Югославское правительство рассматривало русских эмигрантов в качестве эмигрантов политических, которые, оказавшись в Югославии в силу обстоятельств, имели право при желании остаться в ней. Русские беженцы, которые начали прибывать волнами после победы большевиков в Гражданской войне в России, обрели на Балканах не только временное убежище, но и свое новое отечество. Из двухмиллионного потока около 44 000 оказались в Королевстве СХС. Часть их продолжила свой путь, в основном, в страны Центральной и Западной Европы, а около 27 000 человек навсегда осели среди югославов и сербов.

Традиционная дружба и близость сербского и русского народов, теплота белградской и, в целом, сербской среды, духовное родство побудили

⁸ Советско-югославские отношения, 1917–1941 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. В.В. Зеленин, С. Цветкович. М.: Наука, 1992. С. 103. (Телеграмма наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина представителю Королевства СХС Д. Иличу о желании Советского правительства установить дружеские отношения с Королевством СХС, 13 октября 1920 г.)

⁹ Там же. С. 110. (Радиограмма НКВД РСФСР МИД Королевства СХС о взаимных симпатиях народов обеих стран, поддержке властями Королевства врангелевцам и стремлении Советского правительства к нормализации отношений между двумя странами, 10 декабря 1920 г.)

¹⁰ *Krizman B. Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941... S. 71.*

многих русских эмигрантов избрать Белград и Сербию своим постоянным местом жительства. Работая в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения, армии, промышленности, журналистики и во многих других областях, они оказали неоценимые услуги сербскому и югославскому обществу. Огромное количество памятников, художественных и научных работ наглядно свидетельствуют об их вкладе в развитие нового отечества¹¹.

Последовавшее в конце года требование в адрес Югославии направить запрос на репатриацию своих подданных представляло собой очередную попытку Москвы поднять проблему установления дипломатических отношений. Никола Пашич, формулируя позицию югославской дипломатии, исходил из общеизвестной и неоднократно артикулированной благодарности России за помощь, оказанную на начальном этапе Первой мировой войны. Также подчеркивалось, что официальный Белград не готов признать Советы до тех пор, пока те не подпишутся под принципом суверенитета народов, особенно русского. В связи с вышеизложенным Пашич подвергся резкой критике со стороны оппозиции¹².

Одним из поворотных моментов в отношениях с Советской Россией стала конференция в Генуе по восстановлению мировой экономики, созванная премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем в мае 1922 г. На конференцию была приглашена и советская делегация. Слухи о том, что на югославской территории готовится военная акция против советских властей, особенно осложняли положение Королевства СХС. Ответ Белграда на подобные обвинения не замедлил последовать. Его позиция основывалась на защите принципа нейтралитета и отрицании любого участия Югославии в подготовке военных действий. Не была упущена возможность напомнить большевикам, что Югославия последовательно занимает нейтральную позицию, несмотря на то, что те пытались осуществить революцию на ее территории посредством «террористической акции», что подтвердил в своем заявлении и сам министр Нинчич. Со своей стороны, премьер-министр Никола Пашич в духе своей двойственной политики резюмировал югославское отношение к Советской России крылатой фразой о том, что Королевство СХС не помогает Советам, но и не мстит им.

Перед началом конференции Чичерин заявил, что Советы не вмешиваются во внутрюгославские дела и что он лично хотел установить прямой контакт

¹¹ О прибытии русских беженцев в Югославию подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996; *Он же.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Читоја штампа, 2006; *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд: Тгасо; Институт за савремену историју, 1998; *Он же.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004; *Беломиграција у Југославији 1918–1941 / приређ. Т. Миленковић, М. Павловић.* Београд: Институт за савремену историју, 2006. Т. I–II.

¹² Никола Пашић у Народној скупштини / приређ. Ђ. Станковић. Београд: Службени лист СРЈ, 1998. Књ. IV. С. 255–257.

с югославскими эмиссарами в Вене, но югославское правительство отказалось. Он открыто сказал, что хочет встретиться с сербами, но они не должны помогать русской эмиграции. Советская дипломатия использовала конференцию для масштабного проникновения в Европу, однако требование Москвы о представительстве Черногории на конференции, отражавшее непризнание упразднения ее суверенитета, еще более осложнило отношения с Белградом. На это заявление отреагировал Коста Кумануди¹³, в то время как секретарь Чичерина, стремясь сгладить негативное впечатление, заявил, что сказанное его шефом следует воспринимать как реакцию на югославскую поддержку русской эмиграции. Озвучив желание наладить коммуникацию с Белградом, советские представители тут же в ультимативной форме потребовали прекратить оказание помощи русской эмиграции. Как красная тряпка на быка, на югославскую сторону подействовали утверждения Чичерина, что в Королевстве СХС угнетению подвергаются черногорцы, македонцы и хорваты.

В ходе самой конференции состоялась встреча Чичерина с главой МИД Момчило Нинчичем, которому соответствующее разрешение по телеграфу дал премьер-министр Пашич, полагавший, что Югославия из политических соображений не может отказывать Советскому Союзу в установлении контактов¹⁴. При этом Нинчич назвал ложными толки о каких-то военных приготовлениях в Югославии, а Чичерин подтвердил стремление СССР установить дипломатические отношения. Было решено, что Нинчич передаст это своему правительству, а Чичерин опровергнет слухи о поддержке Югославией военных действий. Обе стороны договорились о проведении встреч в третьих странах до официального взаимного признания.

Сам министр Нинчич, докладывая Народной скупшине о гипотетическом признании Советского Союза, вынужден был преподносить проблему в общем, отвлеченном ключе. Дескать, в экономическом отношении Россия не представляет особого интереса для Югославии, так как и до Первой мировой войны югославянские предприниматели не имели там крупных торговых или промышленных предприятий, интересы которых теперь следовало бы защищать, а насущные потребности в импорте Королевство СХС может удовлетворить при помощи иных стран. Почти оправдываясь, он сказал, что югославская сторона настороженно восприняла известие о приезде советских представителей на конференцию в Генуе, что международный статус Советов в результате остался неизменным и что возглавляемая им делегация твердо стояла на своих позициях и ничего не изменила в своем отношении к Советам. Нинчич также заявил, что Советы послали представителей на конференцию не для установления экономических связей, а в надежде на широкое международное признание, что, по его словам, и произошло на самой конференции.

¹³ Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд: БИГЗ, 1995. С. 175.

¹⁴ Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929. S. 119.

Выводы, которые глава МИД озвучил в конце выступления, представляли собой своего рода послание советской стороне и открывали простор для возможного продолжения переговоров. Заявив, что отношение к Советам останется таким же, как и до конференции, Нинчич подчеркнул, что Югославия не станет вмешиваться во внутренние дела Советской России и будет неизменно придерживаться заявленного принципа нейтралитета. Он повторил, что югославское королевство не участвовало ни в военной интервенции, ни в международном бойкоте, организованном великими державами в отношении Советской России, и что югославское государство ни в коем случае не будет центром каких-либо действий, предпринимаемых против нее¹⁵. Хотя во многих моментах речь носила нейтральный и даже покаянный характер, она ясно отражала югославскую позицию и открывала возможность для новых контактов.

Реагируя на вышеописанное выступление, белградская общественность принялась спекулировать относительно скорого установления дипломатических отношений, на что правительству пришлось официально заявить, что его дальнейшие шаги будут согласовываться с правительствами союзных стран. Такая позиция Югославии оставляла достаточно пространства для будущих переговоров, которые не нарушили бы ее отношений с традиционными союзниками по прошлой войне.

Переговоры продолжились в Берлине в конце 1922 г. Обсуждалось учреждение института правительственных делегатов, которые занимались бы репатриацией и торговлей и имели бы статус дипломатических представителей. Югославское правительство не возражало, поначалу соглашаясь с наделением советского представителя лишь статусом делегата Красного Креста. В основу советского предложения был положен принцип создания временных представительств, которые занимались бы репатриацией и пользовались дипломатическими правами и привилегиями, полагавшимися миссиям СССР в странах, не признавших Советский Союз, — Норвегии, Италии, Великобритании, Чехословакии. Советы не настаивали на подписании отдельного договора и соглашались на обмен нотами, в которых уточнялся бы дипломатический статус представительств¹⁶. Также Москва не требовала учреждения дипломатических миссий и предлагала ограничить взаимные сношения обменом торговыми представителями. При этом Советы считали этот уровень отношений минимально допустимым, утверждая, что миссия Красного Креста не может заменить дипломатическое или торговое представительство, обладающее полной дипломатической дееспособностью¹⁷.

¹⁵ Нинчић М. Спољна политика Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца у год. 1922–24. Говори и експозе у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924. С. 10–12.

¹⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 13. П. 76. Д. 1096. Л. 111. (Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полномочному представителю в Германии Н.Н. Крестинскому, 28 октября 1922 г.)

¹⁷ Там же. Л. 130. (Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полномочному представителю в Германии Н.Н. Крестинскому, 5 ноября 1922 г.)

На конференции в Лозанне в 1922 г. М. Нинчич встретился с советскими делегатами. Те пытались расположить к себе собеседников, акцентируя намерение своего руководства установить более тесные контакты с югославским правительством, ссылаясь на исторические связи и традиции. Точно так же они подчеркивали решимость Москвы проводить политику невмешательства во внутренние дела Югославии. Советские прогнозы были крайне оптимистичны и внушали уверенность, что в ближайшем будущем взаимные отношения будут урегулированы. Сам Чичерин произвел на членов югославской делегации очень выгодное впечатление. По свидетельству Милана Антича, он произнес замечательную речь, поэтому все делегации искали возможность с ним встретиться.

Непосредственный контакт с министром Нинчичем был установлен через профессора Драголюбa Илича¹⁸. По-видимому, тогда же удалось достигнуть договоренности об обмене делегатами, которая вскоре была сорвана усилиями российского представителя в Белграде В.Н. Штрандтмана, добившегося высочайшего вмешательства. В результате Н. Пашич поручил югославской дипломатии поддерживать контакты с Советами исключительно за границей. Однако было дано официальное согласие на приезд советского представителя Красного Креста Корешкова, прибывшего в Белград из Софии, дабы договориться о репатриации югославских подданных и некоторых русских эмигрантов. Прибытие делегации советского Красного Креста в Белград получило в России особую огласку. Московская пресса открыто писала, что, хотя официальные переговоры еще не начались, белогвардейская эмиграция в Югославии опасается возможного сближения двух стран в случае успеха переговоров¹⁹. Белградская общественность с удвоенным интересом следила за происходившим, а Штрандтман не замедлил обратиться за поддержкой ко двору, премьеру Н. Пашичу и помощнику главы МИД Милану Гавриловичу.

Советы придавали этой миссии особое значение, утверждая, что после первых неудачных попыток по установлению дипломатических отношений конференция в Генуе стала важным шагом к дальнейшему сближению. Они подчеркивали, что русский народ питает особую симпатию к своим югославянским братьям, и что единственным препятствием для сближения является русская эмиграция. Однако неизменность советской позиции, расценивающей установившийся порядок в Европе как выражение «версальского диктата» и акцентирующей внимание на том, что народы Черногории, Македонии, Далмации и Хорватии были включены в состав югославского государства без проведения специального плебисцита, только усилила недоверие и подозрительность югославских дипломатических кругов в отноше-

¹⁸ Архив Српске академије наука и уметности (далее — АСАНУ), 14387 — Оставштина Милана Антића. 8500. (Белешка о југословенско-совјетским односима).

¹⁹ Советско-югославские отношения... С. 141. (Сообщение газеты «Известия» о прибытии миссии Российского Красного креста в Белград, 15 декабря 1922 г.)

нии Советов. Последние, стремясь преодолеть международную изоляцию, придавали особое значение установлению дипломатических отношений с Югославией как важной славянской страной. Самому Чичерину было непонятно, почему югославская сторона, начавшая переговоры о взаимном признании и достигшая соглашения об обмене делегациями, не выполнила его, несмотря на явную договоренность. Москва внимательно следила за событиями в Югославии и констатировала повышенный интерес белградской общественности к урегулированию отношений с Советами. По мнению Чичерина, достижение консенсуса с Югославией открывало возможность проникновения на Балканы, а также участия в решении «восточноевропейских вопросов». Он ожидал реакции Югославии на советские инициативы, но ответ постоянно откладывался под предлогом внутривластных проблем или, чаще всего, по вполне тривиальным причинам²⁰.

Хотя начало 1923 г. принесло Югославии ряд внешнеполитических успехов, осень того же года ознаменовалась новыми проблемами. Все чаще звучали разговоры об окружении и региональной изоляции Югославии и необходимости налаживания связей с Советами. Сам Никола Пашич говорил, что в сложившихся обстоятельствах нужно установить торговые отношения с Россией, а министр Нинчич заявил чехословацкому представителю, что югославское королевство установит полуофициальные контакты с Советами, как это сделала Чехословакия²¹. Чичерин особенно недоумевал, почему югославское государство, находившееся в трудном международном положении и постоянно опасавшееся за свою безопасность, не желало расширять свою внешнеполитическую базу путем урегулирования спорных вопросов с Советами и достижения соглашения с ними²². Боясь возможных последствий внутри страны, столкнувшись с внешним давлением, югославское правительство, не желая рисковать в щекотливый момент, решило отклонить предложение министра Нинчича начать переговоры с советскими представителями в Берлине с целью установления дипломатических отношений между Королевством СХС и Советским Союзом²³.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 6: 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. / ред. колл. Г.К. Деев, А.Ф. Добрынин, П.И. Ершов, М.А. Костылев, Н.В. Матковский, М.В. Попов. С. 403. (Письмо народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР в Австрии В.В. Левицкому, 3 августа 1923 г.)

²¹ *Vinaver V. Pašić, radikali i pitanje...* S. 223.

²² Советско-югославские отношения... С. 145. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина полномочному представителю СССР в Австрии М.В. Левицкому по вопросу об отношении Королевства СХС к СССР, 13 сентября 1923 г.)

²³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных архивов начала — середины 1920-х годов) / под ред. Р.П. Гришиной. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1. С. 88–89. (Письмо М.В. Левицкого Г.В. Чичерину о возможности приезда в Болгарию новой миссии РОКК и об отклонении Советом министров Югославии предложения начать переговоры с СССР, 16 августа 1923 г.)

Конец 1923 г. был отмечен новой инициативой по урегулированию отношений с СССР. Парламентский запрос депутатов от Земледельческой партии придал новый импульс старым дебатам. Многие политики, журналисты и бывшие дипломаты расценили это как повод начать дискуссию на страницах белградской прессы. Хотя ожидалась «поучительная и интересная» дискуссия в парламенте, прозвучало предостережение, что вопрос нужно понимать, а затем рассматривать не как вопрос текущей партийной политики, а как значимую государственную проблему. Авторитетный дипломат и бывший член Югославянского комитета Франо Цветиша, реагируя на начавшиеся дебаты, подверг резкой критике высокомерную позицию Югославии в отношении советского правительства и ее курс, характеризовавшийся поддержкой различных представителей прежних властей в России даже после того, как они потерпели поражение. Речь шла, в частности, о «г. Штрандтмане — главе русского посольства здесь с его многочисленными секретарями». Цветиша назвал «политической фикцией» помощь «старой России» и игнорирование того факта, что «Россией правят большевики». Однако он объяснял это не намерением поддержать старый режим, а благодарностью тем, кто помогал сербскому народу в самые трудные минуты²⁴. Выступая за установление регулярной дипломатической связи с Советским Союзом, он перечислил ряд практических и традиционных преимуществ такой договоренности, подчеркивая при этом необходимость для Югославии держаться подальше от любых дискуссий о продолжительности большевистского режима в России и попыток смены власти в ней. Цветиша был твердо уверен, что в решении этих вопросов следует полагаться исключительно на «политическую зрелость русского народа», а Югославии надлежит поддерживать существующий статус русских беженцев. Вот почему он считал, что югославскому правительству не надо бежать впереди своих союзников, а надлежит, подобно Чехословакии, восстановить торговые связи и тем самым создать подходящую основу для будущего всеобъемлющего урегулирования двусторонних отношений²⁵.

Несмотря на понимание необходимости решения спорного вопроса, правительство все же колебалось. Это объяснялось особым мнением короля Александра, опасениями возможного распространения большевизма, а также позицией союзников Королевства СХС, в первую очередь Франции и Великобритании, и партнеров по Малой Антанте — Румынии и Чехословакии.

Советы добились довольно значительных успехов в борьбе за выход из изоляции уже в начале 1924 г. Последовало их признание Великобританией, Италией и Францией, анонсированное в конце предыдущего года, что облегчило положение СССР, ставшего полноправным партнером в между-

²⁴ *Цвјетиша Ф.* Односи са Совјетском Русијом. Прилог дискусији у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924. С. 9–10.

²⁵ Там же. С. 13–16.

народных отношениях. Чехословацкие официальные лица заблаговременно проинформировали Николу Пашича о грядущем франко-советском сближении²⁶. Это произвело на того сильное впечатление, заставив в силу самого характера югославо-французских связей несколько скорректировать свое отношение к Советскому Союзу. Давление со стороны белградской общности, авторитетных интеллектуальных кругов и Демократической партии, побуждавших присоединиться к процессу признания Советского Союза и тем самым последовать политике великих держав и бывших военных союзников, было очень сильным.

Соответственно встал вопрос о признании Советского Союза странами Малой Антанты. Готовясь к конференции союзников в конце 1923 г., министр Нинчич предписал посланнику в Праге Любомиру Нешичу установить официальный контакт с советским представителем Юренёвым. В ходе беседы Нешич отрицал наличие у него полномочий вести официальные переговоры, но выразил уверенность, что вопрос будет решен на предстоящей конференции стран — участниц Малой Антанты и что официальные переговоры начнутся в Праге в начале следующего года²⁷. Реагируя на югославскую инициативу, Чичерин проинформировал Юренёва о ходе предыдущих переговоров, сообщив детали, которые в настоящее время не могут быть полностью проверены. Он передал своему представителю в Праге, что у него было несколько коротких случайных встреч с югославским министром Нинчичем, а также один конфиденциальный ужин, в ходе которого удалось договориться об обмене репатриационными или торговыми миссиями. При этом речь шла о государственных миссиях, а не миссиях Красного Креста, как изначально хотел Нинчич. По словам Чичерина, во время той же встречи говорилось о настроениях югославского общества, которое все больше склонялось в пользу нормализации отношений с Советами. Как утверждал нарком, Нинчич тогда жаловался, что белоэмигранты в Югославии вооружены, и обещал, что они будут разоружены, а страна перестанет быть центром их сбора. Главы внешнеполитических ведомств встретились и в Лозанне, обсудив обмен делегациями, общие усилия по взаимному сближению и желание югославского правительства дистанцироваться от белой эмиграции. Чичерин симпатизировал Нинчичу, считал его человеком искренним, но не обладающим реальной властью и самостоятельностью в принятии далеко идущих решений.

Со своей стороны, британская дипломатия полагала, что в югославском правительстве, как и в обществе в целом, превалирует убеждение, что отношения с Москвой должны быть установлены. При этом Никола Пашич,

²⁶ Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. Praha: Historický ústav, 2016. S. 233.

²⁷ Советско-югославские отношения... С. 149. (Телеграмма представителя СССР в Чехословакии К.К. Юренёва зам. наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинову о возможности переговоров по нормализации отношений между СССР и Королевством СХС, 4 декабря 1923 г.)

по оценке британцев, не хотел предпринимать ничего, что не соответствовало бы конкретным шагам великих держав в этом вопросе. Бросались в глаза и правительственные меры, направленные на ограничение активности русской эмиграции на территории Югославии, что расценивалось как акт доброй воли и особый сигнал Советам в том духе, что югославская сторона желает нормализации взаимоотношений²⁸.

Инициатива Нинчича получила продолжение и по другим каналам. В Одессу прибыл профессор Белградского университета Стеван Димитриевич с целью проверки работы югославского представителя по оказанию помощи голодающим в России²⁹. Он передал послание Нинчича о том, что тот остается решительным сторонником нормализации отношений с Советами и что он сделает все, чтобы восстановить их как можно скорее³⁰. Никола Пашич также поручил ему, среди прочего, сообщить советской стороне, что Югославия не будет вмешиваться во внутренние дела СССР, считая всех русских «братьями», независимо от их политической принадлежности. Все это должно было послужить сигналом югославской готовности к дальнейшим переговорам³¹. Нинчич подчеркнул, что сербские патриотические круги крайне раздражает тот факт, что чехословаки, особенно чехи, используют свои связи с Советами в международных контактах, намереваясь добиться не только установления своей гегемонии внутри Малой Антанты, но и навязать себя в качестве посредника между Югославией и СССР. Советской стороне такое поведение чехословаков казалось особенно подозрительным³². Обоснованность этих подозрений подтвердилась и

²⁸ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji 1921–1930. Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938 / prired. Ž. Avramovski. Zagreb: Globus, 1986. S. 176. Knjiga prva (1921–1930).

²⁹ Большая кампания помощи голодающим в России началась в 1921 г. В Загребе и Белграде были образованы специальные комитеты, при этом белградский комитет имел полуофициальный статус. Среди общественности развернулось широкое движение, которое особенно поощрялось прессой Радикальной партии. С одобрения министра Нинчича, несмотря на противодействие правительственного делегата в Лиге Наций в Женеве, в Россию был направлен специальный представитель Народного комитета помощи голодающим. В Югославию он вернулся на исходе 1923 г. С конца 1921 г. на средства Королевства СХС было собрано продовольствие для 25 000 человек в 22 населенных пунктах. Только в Белграде было собрано около 4,2 млн динаров помощи. См.: *Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929...* S. 120.

³⁰ Советско-югославские отношения... С. 150–151. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина представителю СССР в Чехословакии К.К. Юренёву по вопросу нормализации отношений между СССР и Королевством СХС, 5 декабря 1923 г.)

³¹ *Vinaver V. Pašić, radikali i pitanje...* S. 224.

³² Советско-югославские отношения... С. 150–151. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина представителю СССР в Чехословакии К.К. Юренёву по вопросу нормализации отношений между СССР и Королевством СХС, 5 декабря 1923 г.)

в ходе состоявшихся 3 января 1924 г. переговоров советского посланника в Праге Юренёва с чехословацким министром иностранных дел Бенешем. Тот открыто заявил, что, по его мнению, Югославия не имеет какой-либо стабильной политической линии по отношению к Советскому Союзу и что ее позиция зависит от исхода «борьбы между различными группами карьеристов». Он предложил Советам не спешить с установлением отношений с Белградом и дожидаться признания великими державами, затем Чехословакией, а после этого признание Югославией произойдет естественным образом. Бенеш также предупредил, что предстоящая конференция Малой Антанты не принесет никаких результатов по «русскому вопросу»³³.

Одновременно с этим представитель Чехословакии в Белграде Ян Шеба, по его собственным словам, работал над сближением Югославии и Советского Союза. Апеллируя к той роли, которую царская Россия играла для Королевства Сербия, он пытался внушить влиятельным белградским политикам идею сближения с СССР. Он считал необходимым побудить к более решительным выступлениям приверженцев нормализации югославско-советских отношений, а именно, лидера демократов Любу Давидовича и молодое (по сравнению с Пашичем. — *Прим. переводчика*) поколение радикалов, таких как Милош Трифунович, Веля Вукичевич и Момчило Нинчич. Шеба считал, что король Александр, получивший образование в царской России, в силу ряда личных причин, в том числе из-за проблем его сестры Елены с большевиками, а также ввиду ярко выраженного влияния русских эмигрантов при дворе, не может сделать более решительный поворот в сторону Советов. Что касается Пашича, то он, будучи стариком, твердо верил в восстановление старых порядков в России. При этом дипломат отмечал, что под влиянием новых политических событий и личных впечатлений племянника Петра, только что вернувшегося из Советского Союза, Пашич постепенно начал менять свое непримиримое отношение к советской власти. Он также считал, что в процессе сближения с Советским Союзом важную роль должна сыграть Хорватская республиканская партия Степана Радича, которая была единственной гражданской политической партией, выступавшей за это. Препятствием на этом пути Шеба называл республиканскую программу партии, которая не могла вызывать доверия у короля Александра³⁴.

Советы внимательно отслеживали отношение югославских и особенно сербских общественных кругов к проблеме взаимного признания. Позиция влиятельных сербских Демократической и Земледельческой партий, высту-

³³ Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 7: 1 января — 31 декабря 1924 г. / ред. колл. Г.К. Деев, В.Ф. Клочко, А.И. Лаврентьев, В.З. Лебедев, С.Л. Тихвинский. С. 13. (Сообщение Представителя СССР в Чехословакии о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Бенешем 3 января 1924 г.)

³⁴ Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. S. 188–190.

павших за разрешение конфликта с Советами, вселяла в них надежду. Однако Москву насторожило известие, что правительство, приступив по предложению министра Нинчича к рассмотрению вопроса, решило отложить его до возвращения Н. Пашича, непримиримая позиция которого считалась главным препятствием к установлению регулярного дипломатического общения. До советского посольства в Праге доходили слухи, что король Александр категорически против переговоров с Советами, и поэтому открытие югославо-советских переговоров «висит в воздухе»³⁵.

Интересующий нас вопрос поднимался на совещании министров иностранных дел Малой Антанты, но сразу выяснилось, что взгляды правительств трех стран на этот счет расходятся. Поэтому было решено, что каждое из государств должно подойти к вопросу с позиции своих интересов и принять соответствующее решение самостоятельно. Эта позиция была подтверждена на совещании министров иностранных дел Малой Антанты в Любляне³⁶. На практике признание Советского Союза было временно отложено, но сам Никола Пашич считал, что следует наладить какие-то связи с Советами. Таким образом, предложение чехословацкого министра Бенеша об установлении отношений с СССР было отклонено. При этом его правительство ни в коем случае не хотело налагать на себя какие-либо ограничения, связанные с конфликтом Румынии и СССР по проблеме Бессарабии³⁷. Чехословацкая дипломатия считала М. Нинчича одним из самых ярых сторонников сближения с Советским Союзом. А в публичных заявлениях бывшего сербского посланника в России Мирослава Спалайковича — принципиального противника нормализации югославо-советских отношений — чехословаки усматривали недовольство Пашича работой Нинчича. Из этого вытекало предположение, что Спалайкович может заменить Нинчича на посту министра иностранных дел³⁸.

Перспектива восстановления дипломатических связей с Советским Союзом вызывала противоречивую реакцию югославских дипломатов. С одной стороны, считалось, что присутствие в Москве значительного числа иностранных представителей увеличит возможности влияния на принятие большевиками внутри- и внешнеполитических решений. Раздавались голоса, что следует всячески пресекать возможность советской пропаганды, то есть невзирая на постоянные советские обещания не вести политической агитации в странах, с которыми они установят дипломатиче-

³⁵ Советско-югославские отношения... С. 151–153. (Письмо представителя СССР в Чехословакии К.К. Юренёва зам. наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинову о противоборстве политических сил в Королевстве СХС по вопросу признания СССР, 5 декабря 1923 г.)

³⁶ *Krizman B. Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941... S. 70.*

³⁷ О расхождении стран-членов Малой Антанты по проблеме признания СССР подробнее см.: *Sládek Z. Malá dohoda 1919–1938. Praha: Karolinum, 2000. S. 31–33.*

³⁸ *Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. S. 191–192.*

ские отношения, следует настаивать на твердых гарантиях, закрепленных в межгосударственных соглашениях. Это позволило бы активно пресекать большевистскую пропаганду, если бы она имела место. Звучало опасение, что ее мишенью станут «слабые места» в государстве, что существующие межпартийные трения будут использоваться, дабы вызвать «смуту и беды в стране», а также поощрить существующие межэтнические противоречия.

Прогнозы относительно будущего советской власти строились на основе иллюзий и незнания реального положения вещей. Многие выражали мнение, что большевистское правительство, несмотря на несомненную способность приспосабливаться к обстоятельствам, не может продержаться более нескольких лет, поскольку настаивает на «протivoестественном союзе рабочих и крестьян». Невозможность такого союза объяснялась тем, что их интересы «больше конфликтуют, чем совпадают». Также считалось, что плохое экономическое и финансовое положение не позволит сформировать «постоянный и устойчивый государственный и общественный аппарат» и что в этом главная причина лавирования большевистского режима, его апелляций к русскому патриотизму и поиска союзников среди бескомпромиссных русских националистов³⁹. Страхи, вызванные террористическими актами и убийствами, совершенными коммунистами, смешивались с предубеждениями, неизвестностью и непроверенной информацией, что вызывало замешательство у югославской стороны. Понимание необходимости восстановить традиционные связи натолкнулось на опасения по поводу характера большевистского режима и его возможных действий на Балканах.

В такой обстановке министерство иностранных дел Югославии приняло важный шаг в направлении установления дипломатических отношений с Советским Союзом. А именно, 6 марта 1924 г. русскому депутату Штрандтману было сообщено, что его миссия окончена и что в дальнейшем он будет рассматриваться исключительно как делегат по вопросу о русских беженцах в Югославии⁴⁰. Многие были склонны интерпретировать этот шаг как предвестие быстрого урегулирования спорных вопросов. Однако с советской стороны поступали противоречивые сигналы. Хотя Москва официально поддерживала территориальную целостность Югославии, Коминтерн на V конгрессе озвучил позицию, согласно которой югославское государство как детище «западноевропейского империализма» должно было быть уничтожено. Советское правительство пыталось

³⁹ А.Л. Ф. 388. Посланство Краљевине Југославије у Паризу. Фасц. 105. 80. (Извештај генералног конзулата Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца у Финској Министарству иностраних послова од 20. августа 1923.)

⁴⁰ А.Л. Ф. 334. Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. ПО. Фасц. 17. Д. 47. (Писмо Момчила Нинчића Василију Штрандману од 4. априла 1924.); *Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927). *Россия/СССР и државност Србије/Југославије = Русија/СССР и државност Србије/Југославије* / отв. ред. С. Рудич, К.В. Никифоров. Белград: Историјски институт; М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 319–342.

сгладить негативное впечатление, обнаружив декларацию по международным вопросам, в которой решительно выступило за реорганизацию югославского государства на федеративной основе (Словения, Хорватия, Далмация, Сербия, Черногория и Македония), что позволило бы избежать войны в будущем⁴¹. Хотя речь шла о более миролюбивом варианте, создавалось ощущение, что имело место явное вмешательство во внутренние дела суверенного государства, которое только усиливало исключительную настороженность Белграда по отношению к Советам. Спустя несколько месяцев, 30 марта 1925 г., сам Сталин в своем выражено полемическом выступлении заявил, что в контексте национального вопроса в Югославии право на отделение не должно трактоваться как неизбежное образование независимого государства. Он также подверг резкой критике некоторые прозвучавшие с советской стороны требования, что «хорваты должны образовать независимое государство». Для него это была «неправильная точка зрения, которую необходимо отвергнуть»⁴². Однако даже прямое вмешательство Сталина не смогло смягчить негативное впечатление, сложившееся у югославских официальных лиц.

Дипломатические шаги, предпринятые Королевством СХС сразу после окончания Первой мировой войны и направленные на нормализацию отношений с крупнейшей и важнейшей славянской страной, совпали с усилиями революционных властей России выйти из изоляции и занять свое место в международном сообществе. Хотя взаимные интересы диктовали быструю и эффективную нормализацию и возвращение взаимоотношений в нормальное состояние, ряд факторов обусловил провал переговоров. Неоднократно начинавшиеся переговоры дипломатических представителей, аккредитованных в европейских столицах, непосредственные встречи глав дипломатических ведомств, а также специальные формы межгосударственной коммуникации — все перечисленное разбивалось о непреодолимое препятствие. А именно, опасения Югославии, что взаимное признание приведет к усилению роли коммунистов в обществе и что большевистская пропаганда подорвет основания существующего государственного строя. Кроме того, особые подозрения вызывала негласная, а зачастую и прямая поддержка Советами различных сепаратистских политических группировок в Югославии. Хотя большая часть общества, а также ряд авторитетных политических факторов решительно поддерживали сближение с Советами, наиболее влиятельные деятели Радикальной партии и особенно Никола Пашич относились к этой идее настороженно.

Перевод с сербского А.А. Силкина

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 2-5. (Протоколы 4, 19 июня 1924 г.)

⁴² Dragović V. SSSR. Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika. Beograd: Nolit, 1940. S. 118.

Источники

- Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 13. П. 76. Д. 1096.
- Архив Југославије. Ф. 334 (Министарство иностраних послова Краљевине Југославије). ПО. Фасц. 17. Д. 47.
- Архив Југославије. Ф. 341 (Посланство у Лондону). К. 31. А.Ј. 104. 5453.
- Архив Југославије. Ф. 388. Посланство Краљевине Југославије у Паризу. Фасц. 105. 80.
- Архив Српске академије наука и уметности. 14387 — Оставштина Милана Антића. 8500.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 2–5.
- Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов. М.: Российский институт стратегических исследований; Российское военно-историческое общество; Институт И. Андрича — Отдел истории, 2014.
- Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 6: 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. / ред. колл. Г.К. Деев, А.Ф. Добрынин, П.И. Ершов, М.А. Костылев, Н.В. Матковский, М.В. Попов. С. 403.
- Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 7: 1 января — 31 декабря 1924 г. / ред. колл. Г.К. Деев, В.Ф. Клочко, А.И. Лаврентьев, В.З. Лебедев, С.Л. Тихвинский. С. 13.
- Јовановић Р. Ст.* Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Р. Ст. Јовановић, 1925.
- Максимовић В.* Споменица Прве српске добровољачке дивизије 1916–1926. Београд: Просвета, 1926.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных архивов начала — середины 1920-х годов) / под ред. Р.П. Гришиной. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1.
- Никола Пашић у Народној скупштини / приређ. Ђ. Станковић. Београд: Службени лист СРЈ, 1998. Књ. IV.
- Нинчић М.* Спољна политика Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца у год. 1922–24. Говори и експозе у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924.
- Советско-югославские отношения, 1917–1941 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. В.В. Зеленин, С. Цветкович. М.: Наука, 1992. С. 103.
- Трубецки Г.Н.* Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд: Просвета, 1994.
- Цвјетиша Ф.* Односи са Совјетском Русијом. Прилог дискусији у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924.
- Штрандман В.* Балканске успомене. Београд: Жагор, 2009.

- Britanci o Kraljevini Jugoslaviji 1921–1930. Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938 / priređ. Ž. Avramovski. Zagreb: Globus, 1986. Knjiga prva (1921–1930).
- Dragović V. SSSR. Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika. Beograd: Nolit, 1940. S. 118.
- Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. Praha: Historický ústav, 2016.

Литература

- Айранетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М.: Кучково поле, 2014–2015. Т. I–IV.
- Белоемиграција у Југославији 1918–1941 / приређ. Т. Миленковић, М. Павловић. Београд: Институт за савремену историју, 2006. Т. I–II.
- Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Димић Љ., Радојевић М. Србија у Великом рату (1914–1918). Кратка историја. Београд: СКЗ; Београдски форум за свет равноправних, 2014.
- Добровольци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца: зборник радова са научног скупа одржаног у Кикинди 11. и 12. априла 1996. / уред. П. Качавенда. Београд: Удружење ратних добровољаца 1912–1918, њихових потомака и поштовалаца; Кикинда: Комуна, 1996.
- Животић А. Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927). Россия/СССР и государственность Сербии/Югославии = Русија/СССР и државност Србије/Југославије / отв. ред. С. Рудич, К.В. Никифоров. Белград: Историјски институт; М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 299–322.
- За балканским фронтима Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002.
- Јовановић И., Рајковић С., Рибар В. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд: Војно дело, 1954.
- Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996.
- Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006.
- Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 / приређ. Н. Поповић. Београд: Удружење добровољаца 1912–1918, 1977.
- Миленковић Т. Калмици у Србији 1920–1944. Београд: Трасо; Институт за савремену историју, 1998.
- Миленковић Т. Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004.
- Митровић А. Србија у Првом светском рату. Београд: Српска књижевна задруга, 1984.
- Мицић М. Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар, 2016.

- Мицић М.* Српски добровољци 1914–1918: животи, сећања. Ново Милошево: Банатски културни центар; Српска Црња: Народна библиотека «Ђура Јакшић», 2016.
- Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар; Београд: Радио-телевизија Србије, 2014.
- Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд: Службени гласник, 2007.
- Поповић Н.Б.* Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији. Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века / уред. М. Војводић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2011. С. 185–203.
- Поповић Н.Б.* Србија и Руска револуција 1917–1918. Београд: Завод за уџбенике, 2014.
- Романенко С.А.* Советско-југославске одношенија в контексте ситуацији в Централно-Восточној и Југо-Восточној Европе в 1920-е гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. № 6(80). С. 15. <https://doi.org/10.18254/S207987840005991-9>
- Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата / приређ. А. Тимофејев, Д. Кремић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2014.
- Силкин А.А.* «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году. *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 16–32. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0016742-9>
- Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд: БИГЗ, 1995.
- Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар: Задужбина «Никола Пашић», 1995.
- Тимофеев А.Ю.* Февральская революция 1917 г. и Сербия. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 3(54). С. 16–40. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40>
- Krizman B.* Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941. *Diplomatsko-historijski pregled*. Zagreb: Školska knjiga, 1975.
- Silkin A.* Delatnost Centralnog jugoslovenskog biroa pri CK RKP(b) u Moskvi 1920–1921. *Istorija 20. veka*. 2021. № 2. S. 261–278. <https://doi.org/10.29362/ist20veka.2021.2.sil.261-278>
- Sládek Z.* Malá dohoda 1919–1938. Praha: Karolinum, 2000.
- Vinaver V.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929: pitanje priznanja SSSR-a i uspostavljanje jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. *Istorija XX veka*. 1965. Knj. VII. S. 93–186.
- Vinaver V.* Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926). *Pregled*. 1967. № 9. S. 221–231.

References

- Airapetov, O.R., 2014–2015. *The Particpance of the Russian Empire in World War I (1914–1917)*. Moscow: Kuchkovo pole. Vol. I–IV. (in Russian)
- Đimić, Lj., Radojević, M., 2014. *Serbia in the Great War (1914–1918). A Short History*. Belgrade: SKZ; Beogradski forum za svet ravnopravnih. (In Serbian)

- Jovanović, I., Rajković, S., Ribar, V., 1954. *Yugoslav Volunteer Corps in Russia. A Contribution to the History of the Volunteer Movement (1914–1918)*. Belgrade: Vojno delo. (In Serbian)
- Jovanović, M., 1996. *Immigration of the Russian Refugees to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes*. Belgrade: Stubovi kulture. (In Serbian)
- Jovanović, M., 2006. *Russian Emigrants in Balkans (1920–1940)*. Belgrade: Čigoja štampa. (In Serbian)
- Kačavenda, P., ed., 1996. *Volunteers in Liberation Wars of Serbs and Montenegrins: Proceedings from the Scientific Conference Held in Kikinda on April 11 and 12, 1996*. Belgrade: Udruženje ratnih dobrovoljaca 1912–1918, njihovih potomaka i poštovalaca; Kikinda: Komuna. (In Serbian)
- Krizman, B., 1975. *Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled*. Zagreb: Školska knjiga.
- Mićić, M., 2014. *The Question of Serbian Volunteers in the Great War 1914–1918*. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar; Belgrade: Radio-televizija Srbije. (In Serbian)
- Mićić, M., 2016. *An Unforgettable Battle. Serbian Volunteers in Russia 1914–1918*. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar. (In Serbian)
- Mićić, M., 2016. *Serbian Volunteers in 1914–1918: lives, memories*. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar; Srpska Crnja: Narodna biblioteka “Žura Jakšić”. (In Serbian)
- Milenković, T., 1998. *Kalmyks in Serbia 1920–1944*. Belgrade: Traco; Institut za savremenu istoriju. (In Serbian)
- Milenković, T., 2004. *Teaching of Children of the Emigrants from Russia in Yugoslavia 1919–1941*. Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. (In Serbian)
- Milenković, T., Pavlović, M., eds., 2006. *White Russian émigrés in Yugoslavia 1918–1941*. Belgrade: Institut za savremenu istoriju. Vol. I–II. (In Serbian)
- Mitrović, A., 1984. *Serbia in World War I*. Belgrade: Srpska književna zadruga. (In Serbian)
- Popović, N., ed., 1977. *Yugoslav Volunteers in Russia 1914–1918*. Belgrade: Udruženje dobrovoljaca 1912–1918. (In Serbian)
- Popović, N., 2007. *Serbia and Tsarist Russia*. Belgrade: Službeni glasnik. (In Serbian)
- Popović, N.B., 2011. Jovan Milanković, the Last Serbian Diplomat in Tsarist Russia. In: M. Vojvodić, ed., 2011. *Serbian-Russian Relations from the Beginning of XVIII Century to the End of XX Century*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti, pp. 185–203. (In Serbian)
- Popović, N.B., 2014. *Serbia and the Russian Revolution 1917–1918*. Belgrade: Zavod za udžbenike. (In Serbian)
- Romanenko, S.A., 2019. Soviet-Yugoslav Relations in the Context of Situation of the Central-Eastern and South-Eastern Europe in 1920s. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, 10, 6(80), p. 15. <https://doi.org/10.18254/S207987840005991-9> (In Russian)
- Timofejev, A., Kremić, D., eds., 2014. *Russian Military Assistance during World War I*. Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije. (In Serbian)

- Silkin, A., 2021. Delatnost Centralnog jugoslovenskog biroa pri CK RKP(b) u Moskvi 1920–1921. *Istorija 20. veka*, 2, pp. 261–278. <https://doi.org/10.29362/ist20veka.2021.2.sil.261-278>
- Silkin, A.A., 2021. “At night VChK arrested comrade head of the Bureau”: liquidation of the Central Yugoslavian Bureau under the Central Committee of the RCP(b) in 1921. *Slavic Studies*, 5, pp. 16–32. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0016742-9> (In Russian)
- Sládek, Z., 2000. *Malá dohoda 1919–1938*. Praha: Karolinum.
- Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić and the Croats (1918–1923)*. Belgrade: BIGZ. (In Serbian)
- Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić, the Allies and the Creation of the Yugoslav State*. Zaječar: Zadužbina “Nikola Pašić”. (In Serbian)
- Timofeev, A. Iu., 2017. The February Revolution of 1917 and Serbia. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3(54), pp. 16–40. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40> (In Russian)
- Vinaver, V., 1965. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929: pitanje priznanja SSSR-a i uspostavljanje jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. *Istorija XX veka*, VII, pp. 93–186.
- Vinaver, V., 1967. Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926). *Pregled*, IX, pp. 221–231.
- Vinogradov, V.N., ed., 2002. *Behind the Balkan Front Lines of World War I*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Vishniakov, Ia.V., Timofeev, A.Iu., Miloradovich, G., 2018. *On Distant Boundaries: Russia and Serbia in the Years of World War I*. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian)
- Životić, A., 2018. Attempt at Establishing Diplomatic Relations Between Yugoslavia and the Soviet Union (1923–1927). In: S. Rudich, K.V. Nikiforov, eds., 2018. *Russia/USSR and the Nation-Building of Serbia/Yugoslavia*. Belgrade: Istorijski institut; Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 299–322. (In Serbian)

НАСТРОЕНИЯ РУМЫНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА 1960-Х ГОДОВ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТОРА

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Аннотация

В фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся отчеты советских литераторов и деятелей культуры, выезжавших в 1950-е — 1980-е годы в творческие командировки в социалистические страны. Пока еще недостаточно востребованные исследователями, они вместе с тем представляют несомненный интерес как исторический источник, поскольку в них находит отражение информация, касающаяся налаживания двусторонних и многосторонних культурных связей, развития литературы и искусства зарубежных (в частности, восточноевропейских) стран, а также настроений зарубежной интеллигенции. Вниманию читателя предлагается отчет о двухнедельном пребывании в Румынии весной 1962 г. молодого в то время драматурга Михаила Филипповича Шатрова (1932–2010). Искренний сторонник подлинного обновления и демократизации советского строя, М. Шатров был доволен приемом, оказанным ему в Румынии, высоко оценил уровень театральной жизни в этой стране. В то же время на основании общения с румынскими собеседниками (писателями и театральными деятелями) у него сложилось впечатление, что румынское общество отстает от советского в своей готовности к разрыву со сталинским наследием. По его наблюдению, лица, ответственные за культурную политику, предпочитали перестраховаться, когда речь заходила о постановке в Румынии советских пьес, в которых содержалась критика культа личности Сталина, так как они могли бы натолкнуть зрителя на проведение нежелательных параллелей с современной ситуацией в Румынии. Более того, по наблюдению М. Шатрова, в Румынии продолжала процветать атмосфера страха, «страшное наследие эпохи культа личности». С другой стороны, он обратил внимание на нежелание некоторых румынских деятелей культуры афишировать перед лицом общественного мнения свои старые советские связи, поскольку они опасались быть скомпрометированными в глазах коллег в условиях начавшего дистанцирования румынского коммунистического режима от СССР.

Ключевые слова

Румыния в 1960-е годы, десталинизация в СССР, советско-румынские литературные и культурные связи, имагология, восприятие Румынии в СССР

Статья поступила в редакцию 2 марта 2023 г.

Статья доработана автором 5 апреля 2023 г.

Статья принята в печать 25 июня 2023 г.

Цитирование: *Стыкалин А.С.* Настроения румынской интеллигенции начала 1960-х годов глазами молодого советского литератора. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 1–2. С. 33–47. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.02>

THE MOOD OF THE ROMANIAN INTELLIGENTSIA IN THE EARLY 1960S THROUGH THE EYES OF A YOUNG SOVIET WRITER

Alexander S. Stykalin

Ph. D., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Abstract

The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) contains reports of Soviet writers and cultural figures who traveled in the 1950s–1980s on creative business trips to socialist countries. Not yet in high demand by researchers, they are at the same time of undoubted interest as a historical source, since they reflect information related to the establishment of bilateral and multilateral cultural ties, the development of literature and art in foreign (in particular, Eastern European) countries, as well as the mood of foreign intelligentsia. The article deals with the report on the trip to Romania in the spring of 1962 by the young playwright Mikhail Filippovich Shatrov (1932–2010). A sincere supporter of the genuine renewal and democratization of the Soviet system, M. Shatrov was pleased with the reception given to him in Romania and highly appreciated the state of theatrical performances in this country. At the same time, he got the impression based on communication with Romanian interlocutors (writers and theatrical figures) that the Romanian society was lagging behind the Soviet one in its readiness to break with the Stalinist legacy. In his view, those responsible for cultural policy preferred to play it safe when it came to staging the Soviet plays in Romania that were critical of Stalin's personality cult, as they might lead the public to undesirable parallels with the current situation in Romania. Moreover, according to M. Shatrov, an atmosphere of fear continued to flourish in Romania, "a terrible legacy of the era of the cult of personality". On the other hand, he drew attention to the reluctance of some Romanian cultural figures to advertise their old Soviet connections in the face of public opinion, because they were afraid of being compromised in the eyes of their colleagues in the conditions when the Romanian communist regime began to keep distance from the USSR.

Keywords

Romania in the 1960s, de-Stalinization in the Soviet Union, Soviet-Romanian literary and cultural contacts, imagology, perception of Romania in the USSR

Received 2 March 2023

Revised 5 April 2023

Accepted 25 June 2023

How to cite: Stykalin, A.S., 2023. Nastroeniia rumynskoi intelligentsii nachala 1960-kh godov glazami molodogo sovetского literatora [The Mood of the Romanian Intelligentsia in the Early 1960s Through the Eyes of a Young Soviet Writer]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 33–47. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.02>

Среди информативных, но до сих пор еще мало востребованных исследователями источников по истории многообразных советско-румынских связей в 1950–1980-е годы можно назвать отчеты советских писателей и деятелей культуры по итогам творческих командировок в Румынию. В соответствии со сложившейся в СССР бюрократической практикой каждый советский гражданин, выезжавший в заграничную командировку (в том числе в социалистические страны), должен был по окончании поездки представить в вышестоящие инстанции подробный отчет о своих контактах и впечатлениях. Отчеты научных работников хранятся в фондах Архива Российской академии наук. Что же касается литераторов, представлявших свои отчеты в Иностранную комиссию Союза писателей СССР, то их докладные записки находятся в фондах этой комиссии в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹ — как и отчеты лиц, сопровождавших делегации зарубежных писателей и деятелей культуры, приезжавших в СССР. О поездках в Румынию (как и в другие социалистические страны) отчитывались и руководители гастролировавших в ней музыкальных и театральных коллективов, и выезжавшие в творческие командировки художники. В 1960-е годы заметно активизируются связи советских и румынских кинематографистов, предпринимается выпуск ряда фильмов совместными усилиями, что также находит отражение в отчетах, подготовленных по итогам поездок по линии Госкино и Союза кинематографистов СССР.

Наиболее информативные отчеты о поездках советских литераторов и кинематографистов пересылались в отдел культуры ЦК КПСС — в силу этого они доступны сегодня не только в РГАЛИ, но и в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Очень показательна в этом плане записка заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» писателя Саввы Дангулова (1912–1989), проведенного три недели в Румынии в августе 1964 г. Дангулов имел за плечами личный опыт дипломатической службы — в 1944–1946 гг. он служил в Румынии в качестве сотрудника Союзной контрольной комиссии (СКК), а затем пресс-атташе советской дипломатической миссии. Он имел возможность узнать страну, овладел до некоторой степени румынским языком, обзавелся связями в среде интеллигенции. В силу этого в свой приезд 1964 г. Дангулов мог узнать о положении в Румынии куда больше, чем другие посетившие в те же годы страну советские литераторы. Его записка, сочетавшая в себе описание впечатлений с попыткой дать анализ текущей внутривосточной ситуации и представить широкую гамму настроений румынской интеллигенции в связи с проявившимися осложнениями между Москвой и Бухарестом (причем на фоне углублявшегося советско-китайского конфликта), была тут

¹ Иностранная комиссия Союза писателей была образована еще в 1935 г., через год после создания Союза советских писателей. Первоначально, в эпоху Сталина, ее функция заключалась в формировании благожелательного отношения влиятельных западных литераторов к СССР.

же переслана из Иностранной комиссии Союза писателей в аппарат ЦК КПСС и легла на стол сначала секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева, а затем и главного идеолога КПСС М.А. Суслова².

Первые творческие командировки советских писателей в Румынию, вошедшую по итогам Второй мировой войны в советскую сферу влияния, относятся к концу 1940-х годов. В знаменитых мемуарах Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» есть небольшая глава о посещении Румынии, встречах с Михаилом Садовяну, другими литераторами. Она отражает неоднозначные впечатления писателя от увиденного в стране в первые годы существования коммунистического режима. В середине 1950-х годов выезжающих стало больше. Среди них особое место занимали высокопоставленные функционеры Союза писателей СССР, так называемые «литературные генералы», отправлявшиеся в одну из стран советского лагеря в целях поддержания официальных литературных, культурных связей³. Как и другие страны советского блока, Румынию посещали также писательские делегации с ознакомительными целями (имелись соответствующие соглашения об обмене делегациями). Наконец, практиковались и творческие командировки писателей по поручению «Литературной газеты» или литературных журналов — их результатом были, как правило, не только отчеты, адресованные в Иностранную комиссию Союза писателей, но прежде всего путевые очерки и заметки, опубликованные в литературной периодике СССР.

Среди выезжавших в Румынию (как и в другие страны) писателей были и люди, не знавшие этой страны, и своего рода литераторы-страноведы, в той или иной мере обладавшие знаниями культуры, языка, представлениями о литературной жизни (консультанты Иностранной комиссии Союза писателей; профессиональные переводчики; в случае с Румынией также писатели из советской Молдавии, владевшие румынским языком как родным). Отчеты этой категории литераторов дают, как правило, гораздо больше содержательной информации, пусть тенденциозно интерпретированной. В любом случае, в отчетах советских писателей так или иначе находили отражение, хотя и не всегда адекватное, настроения творческой интеллигенции, ее отношение как к внутривосточным процессам, происходившим в стране, так и к некоторым событиям международной жизни.

Согласно отчетам, большинство советских писателей, приезжавших в какую бы то ни было страну (и в том числе в Румынию), воспринимало увиденное сквозь призму официальной советской идеологии и устояв-

² См.: *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат). В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. Н.М. Куренная ред. Москва, 2011.

³ Так, в августе 1959 г., когда в Румынии отмечалось 15-летие разрыва с нацистской Германией и перехода на сторону антигитлеровской коалиции, в числе гостей был секретарь Союза писателей СССР, руководитель Иностранной комиссии СП Борис Полевой. См. его отчет о поездке: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2424. Л. 1-5.

шихся стереотипов о превосходстве советского опыта социалистического строительства над опытом других стран. И вместе с тем многое зависело от личностей самих посещавших страну гостей. Ведь среди них были как жесткие коммунистические ортодоксы вроде вышеупомянутого Бориса Полевого, так и те, кто с искренним энтузиазмом воспринял решения XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) и особенно XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), вновь осудившего сталинские методы и постановившего вынести тело усопшего вождя из мавзолея на Красной площади, а город Сталинград переименовать в Волгоград. Среди талантливых молодых литераторов, увидевших в веяниях хрущевской «оттепели» и происходивших в те годы в Советском Союзе переменах реальный шанс на глубинное обновление и демократизацию советской системы, был и 30-летний драматург Михаил Шатров, чей отчет о двухнедельном пребывании в Румынии в апреле–мае 1962 г. предлагается вниманию читателя.

Михаил Филиппович Маршак (1932–2010), который, став профессиональным литератором, избрал себе творческий псевдоним Шатров, был не только родственником выдающегося детского поэта Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964), но имел родню в среде высшей кремлевской партийно-государственной номенклатуры. Его тетя (старшая сестра отца) Нина Маршак была первым браком замужем за видным деятелем Коминтерна Осипом Ароновичем Пятницким, а вторым — за Алексеем Ивановичем Рыковым, членом Политбюро ЦК ВКП(б) и председателем Совета министров СССР в 1924–1930 гг., ставшим в 1938 г. вторым по значимости обвиняемым после Н.И. Бухарина на третьем большом московском показательном судебном процессе. Как и оба ее мужа, Нина Маршак пала жертвой сталинских репрессий. Та же судьба постигла и ее младшего брата, московского инженера, отца будущего драматурга Шатрова (он был расстрелян в 1938 г.), а его мать, хотя и провела долгое время в заключении, но выжила и в 1954 г. вернулась домой по амнистии. Успешно окончив среднюю школу, Михаил поначалу выбрал путь инженера, поступив в Московский горный институт, но очень быстро в нем перевесил интерес не только к художественному творчеству, но и к совсем недавней истории, которая сильно «перепахала» жизнь и быт всей его семьи и которую молодой человек, с юности увлеченный театром, собрался исследовать художественными методами, попытавшись воспроизвести основные коллизии советской эпохи на театральной сцене. Первую свою пьесу «Чистые руки» Шатров написал в 22 года, а в 26 лет уже был избран в Союз советских писателей, его пьесы к этому времени шли на сценах нескольких советских театров. Несколько позже их стали ставить на подмостках других социалистических стран, включая Румынию, где они также оказались созвучными происходившим и там, хотя и в разных условиях, процессам десталинизации. За долгие годы творческой деятельности Михаил Шатров написал множество пьес, по его сценариям было снято около десятка фильмов. Наиболее известный

из них — «Шестое июля» (1968, режиссер Ю. Карасик), в котором был показан острый конфликт между большевиками и левыми эсерами. Эти партии, как известно, вместе сформировали правительство после октябрьского переворота 1917 г., однако в дальнейшем их пути разошлись — осудив заключенный по инициативе В.И. Ленина Брестский мир с Германией, левые эсеры вышли из советского правительства, а 6 июля 1918 г. предприняли попытку захвата власти. Постоянное стремление коммуниста-идеалиста Шатрова⁴ противопоставить более поздним сталинским «извращениям» благородство и искренность помыслов целой плеяды выдающихся русских революционеров и обратиться к чистым, незамутненным истокам русской революции 1917 г. (в его видении — одного из грандиозных событий мировой истории) было «не ко двору» в эпоху Брежнева, когда культурная политика стремилась затушевать любые противоречия внутри большевистской традиции. «Шатров — это Крупская сегодня», — полуиронически заметила как-то великая актриса Фаина Раневская, намекая на верность драматурга «ленинским» революционным идеалам в противопоставлении их позднейшим «сталинским искажениям». Некоторые его пьесы с трудом проходили цензуру, как и фильмы по его сценариям. Начало горбачевской перестройки вызвало в Шатрове прилив энтузиазма и оптимизма, он активно включился в общественную жизнь, но ненадолго, поскольку исповедуемые им до конца жизни социалистические идеалы в условиях 1990-х годов, после падения СССР, казались анахронистическими многим его недавним соратникам в борьбе за улучшение советского строя.

Поездка в Румынию оставила у молодого драматурга в целом хорошие впечатления, в своем отчете он отмечал не только гостеприимство принимающей стороны, радушие румынских коллег, но и довольно успешное экономическое развитие страны, растущий материальный достаток населения, что проявлялось и в отсутствии очередей в магазинах, и в одежде румын. Сходное впечатление растущего благополучия сложилось, кстати говоря, не только у Шатрова, но и у других советских деятелей культуры, посетивших в то время страну. Так, выдающегося кинорежиссера Михаила Ромма, прибывшего в Бухарест всего через 4 месяца после Шатрова, в августе 1962 г., особенно поразили масштабы жилищного строительства: «строительство в Румынии производит сильное впечатление. Новые кварталы Бухареста элегантны при простоте конструкции домов. <...> В окраску введено стекло, специальные материалы, поэтому не выглядит грубо. Пожалуй, новые жилые массивы красивее, чем где бы то ни было в странах народной демократии, строятся буквально все города». Не меньше, чем столица, понравились ему морские курорты Мамая и Эфорие: «Только что выстроенные, абсолютно современные курорты, состоящие из многоэтажных отелей с превосходно организованным обслуживанием. На курортах

⁴ Молодой человек вступил в КПСС в 1961 г. на волне «второй десталинизации», вызванной решениями XXII съезда КПСС.

множество иностранных туристов»⁵. Такого рода впечатления, свидетельствующие о неуклонном повышении жизненного уровня населения в Румынии (во многом благодаря продуманным внешнеэкономическим связям), довольно резко контрастировали с описаниями первой половины 1950-х годов. Так, в относящихся к лету-осени 1953 г. донесениях сотрудников аппарата Коминформбюро (он располагался, как известно, в Румынии) отмечался острый дефицит продовольствия в стране⁶.

Насыщенной и интересной показалась молодому советскому драматургу М. Шатрову румынская театральная жизнь. Он отмечал и сохраняющийся интерес румынской интеллигенции к СССР и советской культуре. Правда, здесь не обошлось и без впечатлений иного рода, Шатров, в частности, описывает конкретный случай, свидетельствующий о нежелании некоторых румынских интеллигентов слишком афишировать перед лицом общественного мнения свои старые советские связи — весьма показательный штрих в условиях, когда коммунистическое руководство Румынии, дистанцируясь от Москвы, стало делать все больший акцент на национальное своеобразие и собственный путь развития, что нашло выражение в программном документе, принятом в апреле 1964 г., так называемой Декларации Румынской рабочей партии по вопросам международного коммунистического и рабочего движения⁷.

Интересно читать о том, какой показалась общественная атмосфера в Румынии весны 1962 г. 30-летнему советскому литератору, искреннему стороннику демократического обновления советской системы, при этом ничуть не склонному отбрасывать социалистические ценности. На фоне того, что происходило в те же самые месяцы в СССР — публикации в том же 1962 г. повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», выхода ряда фильмов антисталинского содержания и т.д. — эта атмосфера ему показалась пронизанной страхом и менее свободной, чем в Советском Союзе, это проявлялось среди прочего в нежелании румын публично слишком резко высказываться о Сталине и его преступлениях. Румынские собеседники Шатрова, впрочем, давали этому свое объяснение, связывая необходимую осторожность с тактической игрой и умением румын создавать шлюзы на пути проникновения в страну извне всех тех веяний, которые могли бы стать причиной внутренней дестабилизации. Один из них напомнил в той же связи Шатрову о том, какую роль сыграли в насаждении в Румынии культа личности и других негативных явлений те

⁵ РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1678. Л. 9-10.

⁶ См., например, записку «Некоторые данные о продовольственном положении в Бухаресте»: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 272. Л. 278-280.

⁷ Подобные примеры нежелания людей демонстрировать свои старые советские связи приводит и Савва Дангулов в записке по итогам поездки 1964 г. См.: *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. С. 345-350.

коммунисты коминтерновской выучки во главе с Анной Паукер, которые, прибыв из Москвы, довольно усердно пытались перенести на румынскую почву советский опыт. Осторожность обнаруживалась и в культурной политике — не только в записке Шатрова, но и в некоторых других советских источниках тех лет упоминается о сдержанности румынских функционеров, когда речь заходила о постановке в Румынии советских пьес, в которых поднималась тема культа личности Сталина. Очевидно, что сама эта тема воспринималась как довольно болезненная и в эпоху, когда во главе партии и страны стоял Георге Георгиу-Деж, и позже, при Николае Чаушеску — вероятно, существовали опасения, что критика советских порядков может натолкнуть некоторых зрителей (как и читателей) на проведение нежелательных параллелей. Люди, причастные к культурной политике, предпочитали перестраховаться, лишний раз не акцентируя проблему культа личности⁸. Говоря о мотивах их позиции, нельзя не учитывать и современный китайский контекст, ведь характерное для румынской партийной элиты с начала 1960-х годов балансирование между все более расходившимися советской и китайской линиями по самым принципиальным вопросам международного коммунистического движения проявлялось среди прочего и в неготовности однозначно занять позицию одной из сторон в вопросе об отношении к Сталину и его наследию («В мировом коммунистическом движении раскол по вопросу о Сталине. Куда повернется — неизвестно»).

Развивая тему осторожности и перестраховок в румынской культурной политике, стоит заметить, что через месяц после отъезда Шатрова, в июне 1962 г., в Румынии прошли мероприятия по случаю 50-летия смерти великого драматурга Иона Луки Караджале (1852–1912). С советской стороны в них приняли участие драматург Исидор Шток и выдающийся театральный режиссер Георгий Товстоногов. По отчету Штока в не меньшей мере, чем по отчету Шатрова можно судить о том, сколь большое внимание в двусторонних культурных связях уделялось отбору пьес советских авторов для постановки в румынских театрах. По наблюдению Штока, в Румынии противоборствовали две точки зрения: согласно одной, «нужно показывать румынской публике только такие произведения, которые не отражают ничего плохого в жизни советского общества. Другая — нужно показывать все, что талантливо и правдиво рассказывает о нашей жизни».

⁸ Можно сказать больше: ослабление пропаганды в Румынии советского опыта, на которое, особенно в сопоставлении с 1950-ми годами, обращали внимание гости из СССР, приезжавшие в 1963–1965 гг., предполагало не только отсутствие прежнего восхваления советской действительности, но и замалчивание более темных ее сторон — критике подвергались лишь определенные гегемонистские проявления во внешней политике СССР, но гораздо реже внутренние порядки страны Советов. Так, членам советской писательской делегации, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., было хозяевами сказано в ходе одной из бесед: румынские театры не собираются ставить советские пьесы, содержащие критику эпохи «культа личности», так как они могут оказать дурное влияние на румынскую молодежь. См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 182.

Как пишет Шток, исходя из первой точки зрения, некоторые функционеры румынского Министерства культуры приостановили постановку ряда пьес советских авторов. Драматург считал такие бюрократические перестраховки совсем неэффективными, поскольку заинтересованные румынские читатели могли узнать о новых веяниях в театральной жизни СССР из все еще широко распространявшейся советской прессы. В ходе встречи Товстоногова и Штока с театральными деятелями Румынии ряд ее участников признал склонность некоторых румынских драматургов к украшательству и бесконфликтности. Приняв сказанное к сведению, советские гости решили не углубляться в тему, чтобы не создать впечатление вмешательства во «внутренние румынские дела». Они предпочли побольше рассказать о советской театральной жизни⁹.

Комментируя описание Шатровым общественной атмосферы в Румынии, нельзя не обратить внимание на определенную идеализацию им положения дел на родине — ведь в начале июня того же 1962 г., через считанные недели после посещения драматургом Румынии, в городе Новочеркасске силовики расстреляли демонстрацию рабочих, протестовавших против повышения цен. Румыния начала 1960-х не знала подобных эксцессов, на фоне которых нисколько не удивительно, что прибывшему из СССР (причем из советской столицы, Москвы!) Шатрову уровень жизни в Румынии показался достаточно высоким в сравнении со средними советскими стандартами. А что касается свободы творчества, то некоторая эйфория, очевидно, порожденная решениями XXII съезда КПСС о десталинизации, должна была очень скоро развеяться — после того как Н.С. Хрущев несколько раз обрушился на молодую творческую интеллигенцию — сначала (в декабре все того же 1962 г.) при посещении художественной выставки в московском Манеже, а затем уже в 1963 г. на ряде партийных собраний и на встречах с деятелями культуры.

Румыния искала свой собственный путь, и в ее развитии в этот период наблюдались противоречивые тенденции. Они находили отражение и в отчетах советских наблюдателей. Глубоко веривший в перспективы обновления социализма Михаил Шатров не увидел в румынском обществе прозападных ориентаций в качестве альтернативы просоветским настроениям. Схожие наблюдения зафиксировал и куда более опытный, 60-летний Михаил Ромм: «Настроение интеллигенции в отношении советской делегации и вообще Советского Союза я бы назвал превосходным. Времена, когда румынская интеллигенция тяготела к западу и, в частности, к Франции, по-моему, миновали. Повсюду мы встречали исключительно сильный интерес ко всему, что происходит в Советском Союзе, к советской литературе, к советскому кинематографу и т.д.»¹⁰. Однако у Саввы Дангулова, посетившего Румынию через два года, сложились совсем иные впечатления: «усилия Румынии, на-

⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2457.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1678. Л. 12.

правленные к улучшению отношений с Западом, все заметнее. Очевидно, дело не ограничивается новыми торговыми и культурными соглашениями. Много делается, чтобы привлечь из Европы поток туристов. В течение недели я прожил на черноморском курорте Румынии в Мамайе, близ Констанцы. Курорт полон туристами с Запада. <...> Чтобы стимулировать приток туристов, Румыния установила льготный курс и значительно облегчила оформление въезда в страну (въезд оформляется непосредственно на границе). Кстати, близ Констанцы введен в эксплуатацию огромный международный аэропорт и, таким образом, черноморское побережье Румынии связано с важнейшими центрами непосредственно»¹¹.

К лету 1964 г. в советско-румынских межгосударственных отношениях обнажаются острые противоречия, в момент приезда Шатрова и Ромма еще не видные невооруженным глазом. Они нашли отражение в большой записке Дангулова, человека, несравнимо глубже знавшего румынские реалии и, кроме того, обладавшего опытом дипломатической работы, а значит политической аналитики. И дело, по его наблюдению, отнюдь не сводилось к усилению западного влияния в противовес советскому. Продолжал углубляться советско-китайский раскол, требовавший от румынской партийной элиты еще более искусного маневрирования. По оценке Дангулова, «в нынешний острый момент советско-румынских отношений Румыния из тактических соображений ищет поддержки Китая, при этом ведет себя достаточно осторожно». Ведь однозначно встать на сторону Китая означает осложнить отношения не только с СССР, но и с Западом, тогда как «заявить о своем несогласии с Китаем — значит отказаться от известных возможностей тактической игры». При этом, если для румынской коммунистической элиты стремление периодически разыгрывать китайскую карту было проявлением внешнеполитической тактики, то для румынской интеллигенции, недовольной прежним насаждением и былым засильем всего советского, симпатии к Китаю и его независимой линии носили скорее эмоциональный характер, ведь все собеседники Дангулова независимо от их отношения к советскому опыту выражали острое несогласие с официальной китайской позицией по вопросам мирного сосуществования¹².

После отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. и кончины в марте следующего года Г. Георгиу-Дежа с советской стороны была предпринята попытка «произвести перезагрузку» двусторонних отношений, начав их «с чистого листа». Она не имела перспектив, поскольку преемник Георгиу-Дежа Николае Чаушеску стремился в диалоге с Москвой еще более последовательно отстаивать национальные приоритеты, как он их понимал, и новый этап в развитии отношений между СССР и Румынией оказался еще более сложным, чем предыдущий.

¹¹ *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. С. 397–398.

¹² Там же. С. 396–397.

**Отчет драматурга М.Ф. Шатрова о пребывании в Румынии в 1962 г.
25 мая 1962 г.**

В Иностранную Комиссию Союза писателей СССР
Отчет о пребывании в Румынской Народной республике
с 26 апреля с. г. по 9 мая с. г.

Я находился в Румынской Народной республике согласно соглашению об обмене писателями (поездка за свой счет). Целью моего пребывания в Румынии было ознакомление со спектаклем «Именем революции» (моя пьеса)¹³ и работа с переводчиком и режиссером спектакля «Современные ребята»¹⁴, который готовится по моей пьесе в Молодежном театре, а также знакомство с театральной жизнью Бухареста (краткую сводку прилагаю).

Считаю своим долгом поделиться личными впечатлениями о поездке.

На аэродроме меня встречала делегация Союза писателей Румынии во главе с Хорией Ловинеску¹⁵. Поместили меня в гостинице «Атене Палас». Ко мне прикрепили в качестве переводчика члена Союза писателей Румынии Аду Аркадьевну Штайнберг (бывшую советскую гражданку, переводчицу с русского, большого и искреннего друга нашей страны). Прием со стороны Союза писателей Румынии был очень радушный, дружеский. Мне была предоставлена возможность побывать везде и посмотреть все, что я захочу. Очень большую роль в организации моего приема сыграли товарищи Моника Галан — директор дома литераторов и Троян Шелмару — редактор журнала «Театр» (о нем ниже).

1 мая я был приглашен на парад и демонстрацию, находился на правительственной трибуне. После парада мне предложили отдохнуть два дня в доме творчества «Синая» — в высокогорном курорте¹⁶. Все остальное время было занято просмотром спектаклей, посещениями музеев, многочисленными встречами с деятелями литературы и искусства Румынии.

Вообще должен отметить, что такая частная поездка дала мне возможности куда больших и искренних контактов с людьми, нежели поездка официальная. Во всяком случае, так мне кажется.

Какие впечатления сложились у меня от двухнедельного пребывания? Начну по порядку.

¹³ Пьеса 1957 года.

¹⁴ Пьеса 1962 года.

¹⁵ Хория Ловинеску (1917–1983), сценарист, драматург, театральный деятель, племянник крупного литературного критика и эссеиста, пропагандиста современной западной (особенно французской) культуры Эуджена Ловинеску (1881–1943). Дочь Эуджена и двоюродная сестра Хории Моника Ловинеску (1923–2008), эмигрировавшая в 1947 г. во Францию, была ключевой фигурой в румынской редакции «Радио Свобода» и выступала с острой критикой коммунистического режима в Румынии.

¹⁶ В Синае находилась летняя резиденция румынских королей.

Люди живут материально хорошо. Мне пришлось беседовать с представителями различных слоев, бывать на квартирах, и везде я отмечал относительный достаток. В магазинах изобилие продуктов как продовольственных, так и промтоварных. Никогда не было разговоров о каких-либо трудностях экономического порядка. Закончилась коллективизация, которая прошла, по словам румынских товарищей, спокойно, без эксцессов. Деревня стала жить значительно лучше. Но даже гуляя по улицам, можно заметить, что люди живут хорошо: одеваются ярко, красиво, современно; нет очередей и т.д.¹⁷

Искусство, особенно театр, очень быстро развивается. Румыны страстные любители театра. Только за последние полтора года в Бухаресте открыли три новых театра. Билеты на спектакли не достать. Существуют записи на билеты на спектакли. Мне, как драматургу, это было особенно приятно. На театре идет борьба двух направлений: академического и современного. Это чувствуется и в работе режиссеров, и в игре актеров. Очень много интересных спектаклей.

Интерес к Советскому Союзу — огромен (в среде интеллигенции). Но в то же время существует ряд факторов, которые отравляли мое пребывание в Румынии. Я расскажу о них на основании бесед с видными представителями румынской интеллигенции, среди которых — писатель Галан¹⁸, режиссер и руководитель театра комедии Раду Белиган¹⁹, режиссер Национального театра, лауреат государственной премии Мони Гелертер²⁰, режиссер Раду Пенчулеску²¹, драматурги Александр Миродан²², Дорел Дориан²³, Хория Ловинеску, Владимир Колин²⁴, выдающийся художник Жюль Перахим²⁵, редактор Троян Шелмару и другие.

¹⁷ Драматург И. Шток, который провел в Румынии две недели в творческой командировке в июне 1962 г., в отличие от М. Шатрова посетил страну не впервые и в своем отчете отметил заметный прогресс, достигнутый ею в развитии экономики и культуры за годы, прошедшие со времени его предыдущего приезда. Командировка Штока совпала с недельным визитом Н.С. Хрущева в Румынию, и он писал в отчете о внимании румынской публики к итогам этого визита (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2457).

¹⁸ Валериу Эмиль Галан (1921-1995) был автором романов в духе социалистического реализма, писал о крестьянском восстании 1907 г. и современных преобразованиях на селе.

¹⁹ Актер и режиссер Раду Белиган (1918-2016) был на протяжении нескольких десятилетий одной из центральных фигур румынской театральной жизни.

²⁰ Мони Гелертер (1905-1979), актер и режиссер.

²¹ Раду Пенчулеску (1930-2019) принадлежал к поколению М. Шатрова.

²² Драматург Александру Миродан (1927-2010) эмигрировал в 1977 г. в Израиль.

²³ Дорел Дориан (1930-2014) известен не только как драматург, но и как автор научно-фантастических произведений, переведившихся и на русский язык.

²⁴ Владимир Колин (1921-1991) был известен как новеллист, автор научно-фантастических произведений, писал и для детей.

²⁵ Жюль Перахим (1914-2008) получил международную известность картинами и рисунками в духе сюрреализма. Выступал как театральный художник и книжный иллюстратор.

В Румынии процветает атмосфера страха — страшное наследие эпохи культа личности. Люди все время предупреждают: только это между нами, причем разговор идет о самых невинных вещах; боятся разговаривать в комнатах, предпочитают на воздухе. Это происходило каждый раз, когда румынские товарищи расспрашивали меня о XXII съезде партии²⁶ и ликвидации последствий культа личности Сталина. Все время мне приходилось слышать: «У нас особые условия, мы не можем так резко говорить о Сталине, у нас и памятник сняли совсем недавно...» и т.д. В Молодежном театре мне сказали еще определеннее. Все ваши пьесы, в которых хотя бы немного задевается культ Сталина, мы «слегка редактируем». Так, например, произошло с пьесой Штейна «Океан»²⁷. Наши произведения литературы и искусства, в которых резко и определенно ставятся вопросы общественные и гражданские, как правило, не переводятся. Пьеса И. Куприянова «Сын века»²⁸, которая вообще не затрагивает проблем культа, еле-еле прошла на румынскую сцену. Органы Министерства культуры усмотрели в ней какие-то слишком острые положения. Каждый, кто знаком с этой пьесой, дико удивится, узнав, что пьесе «Сын века» чинились какие-то препятствия.

Когда я откровенно спросил у румынских товарищей о причинах такого положения, мне ответили примерно так: «Румыны — хитрые люди. Мы не хотим делать никаких определенных шагов. В период культа личности у нас не было таких репрессий, как в СССР. Анну Паукер, которая была типичной “сталинисткой” и требовала проведения жестких репрессий, так представили Сталину, что она сама попала в немилость»²⁹. Вообще все явления культа, которые имели у нас место, насаждались людьми из Москвы, т.е. теми, кто жил и работал во время войны в Москве и появились в Румынии после 23 августа 44 года³⁰. Поскольку у нас тогда не было ничего особенно страшного, мы и сейчас не хотим спешить. Есть негласная директива: в мировом коммунистическом движении раскол по вопросу о Сталине. Куда повернется — неизвестно. Спешить не надо. У нас есть по-

²⁶ XXII съезд КПСС состоялся 17–31 октября 1961 г.

²⁷ Пьеса драматурга Александра Штейна «Океан» была написана в 1961 г.

²⁸ Пьеса 1959 года.

²⁹ Анна Паукер (1893–1960) — деятель румынского коммунистического движения. С 1941 г. представитель румынской компартии при Исполкоме Коминтерна, в 1943–1944 гг. возглавляла в СССР загранбюро Румынской компартии. Вернувшись на родину после свержения в августе 1944 г. режима Антонеску, была членом Политбюро и секретарем ЦК Румынской компартии (с 1948 г. Румынской рабочей партии). В 1947–1952 гг. министр иностранных дел Румынии. Уступив во внутрипартийной борьбе Г. Георгиу-Дежу, была в 1952 г. смещена со всех должностей, в начале 1953 г. арестована, а после смерти Сталина переведена под домашний арест. В последние годы жизни, находясь под домашним арестом, занималась переводами на румынский язык политической литературы. Вопрос о степени личной ответственности А. Паукер за репрессии начала 1950-х годов и попытки насаждения в Румынии сталинской модели социализма продолжает дискутироваться в научной литературе.

³⁰ То есть свержения режима Антонеску.

словица, которая довольно точно определяет нашу суть: когда идет война, житель маленького города рассуждает так: наши уходят — наши приходят. Все наши: вот почему мы осторожничаем».

Все товарищи говорили об этом с большой болью и недовольством. В среде интеллигенции я почувствовал большую тягу к нам, люди жаждут той же духовной свободы, которой живем мы, когда каждый человек не боится высказать свою личную точку зрения. В Румынии пока этого нет.

С кем бы я ни встречался, какие бы разговоры ни были, я ни разу не почувствовал «западной» ориентации, наоборот, мне много раз приходилось слышать шутки по поводу так называемых «выборов», которые кое-кто на Западе хочет провести в Румынии и других странах Восточной Европы. «Результат такого голосования только один — за социализм!»

В отчете трудно написать о тех мелочах, нюансах, словах, из которых у меня создалось такое тревожное впечатление, но я в этом убежден абсолютно.

Поразил меня и такой факт. Мой московский товарищ послал со мной своему приятелю в Бухарест записку с просьбой помочь мне познакомиться с городом, с театрами и т.д. Вместе с переводчиком мы поехали по указанному адресу. Адресат, узнав, что записка из Москвы, отказался принять ее. Он говорил, что у него нет в Москве знакомых, что это провокация и т.д. После 15-минутных переговоров он взял наконец эту записку и долго плакал, умоляя не рассказывать его московскому другу, что он так некрасиво вел себя. Почему так произошло — я не знаю.

Главный редактор журнала «Театр» Троян Шелмару — светлая личность, большой друг молодежи, страстный пропагандист нашей страны и искусства. Однако он все время терпит всякие ущемления, дискриминации, и, если бы мы его поддержали твердо и решительно, пригласив что ли в Москву, напечатав его статью в наших газетах, это остановило бы кое-кого в Бухаресте. Без такой поддержки я боюсь, что вскоре мы лишимся большого и хорошего друга во главе театрального журнала³¹.

Все румынские товарищи как один жаловались на то, что наше посольство очень плохо связано с интеллигенцией, очень мало контактов — только приемы и официальные встречи.

Я провел ряд встреч с руководством Союза писателей, Министерства культуры, во время которых мы обсуждали вопросы наших контактов.

Лично для меня эта поездка закончилась очень интересно и в творческом плане: вместе с драматургом Дорелом Дорианом мы начали работать над совместной румыно-советской пьесой³².

³¹ Критик и редактор Траян Шелмару (1914–1999) продолжал и далее сохранять влияние в румынской культурной жизни, отнюдь не позиционируя себя большим другом Советского Союза.

³² Замысел, по нашим сведениям, остался невоплощенным.

Таков краткий отчет о моей поездке в Румынию³³.

Член Союза писателей СССР, член КПСС

Михаил Шатров

25 мая 1962 года

*Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 631. Оп. 26. Д. 2456. Л. 1–5*

Источники

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2424.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2456.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2457.

РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1678.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 150.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 272.

Литература

Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат). В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. Н.М. Куренная ред. Москва, 2011.

References

Stykalin, A.S., 2011. What Romanians Thought About the USSR in 1964 (Soviet Diplomat Testifies). In: N.M. Kurenayaya, ed. *Looking for New Ways. Power and Society in the USSR and Eastern European Countries in the 1950s — 1960s*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 367–398. (In Russian)

³³ Далее приложен список посещенных М. Шатровым театральных спектаклей (не публикуется).

ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА И РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ПОДГОТОВКА ПОКОЙНИКА К ПОГРЕБЕНИЮ

Елена Михайловна Матвеева

Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
Почтовый адрес: ул. Сибирская, 24,
Пермь, 614990, Россия
Электронный адрес:
elenagordeeva2012@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1060-3262

Юлия Анатольевна Шкураток

Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Почтовый адрес: ул. Букирева, 15,
Пермь, 614990, Россия
Электронный адрес: shkurotok@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2786-8734

Светлана Юрьевна Королёва

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Почтовый адрес: ул. Букирева, 15,
Пермь, 614990, Россия
Электронный адрес: petel@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4246-907X

Аннотация

В статье рассматривается коми-пермяцкая лексика, отражающая обрядовую подготовку умершего к погребению. Основное внимание уделяется ритуалу обмывания, его агентам, атрибутам и их вербальным описаниям, возникающим в устной речи диалектоносителей в ходе тематической беседы. Для сопоставления приводятся данные русских говоров, в том числе контактных по отношению к коми-пермяцким. Основной материал был собран авторами в экспедициях 2022 г., привлекаются и более ранние полевые записи. Полученные данные показывают, что в условиях продолжительного межэтнического взаимодействия происходит лексическое сближение двух неродственных культурно-языковых традиций. Оно проявляется в многочисленных заимствованиях из русского языка в коми-пермяцкий (*покойник*, *живой*, *простой ва* ‘простая вода’ и *покойнишдой ва* ‘покойничья вода’, и др.). Можно говорить о единстве многих стоящих за обрядовой лексикой культурных смыслов: для обеих традиций в ситуации обмывания характерно противопоставление «твердого» и «мягкого» тела покойника, хрупкости — прочности материала, из которого сделана емкость для обмывания. Предметы, соприкасающиеся с покойником, и аномальные случаи, произошедшие в ходе ритуала, наделяются негативной семантикой и т.д. Влияние коми-пермяцкой традиции на русскую менее очевидно, но тоже прослеживается. В условиях повсеместного билингвизма коми-пермяков их язык воздействует на лексикон русских монолингвов — жителей смешанных поселений. В частности, в южной части Коми-Пермяцкого округа, на территории расселения кудымкарско-иньвенских коми-пермяков, в речи носителей обоих языков не обнаруживаются некоторые обрядовые термины, выраженные отглагольными существительными со значениями действия и деятеля, типичные для русских диалектов на других территориях Пермского Прикамья.

Ключевые слова

Коми-пермяцкий язык, русские пермские говоры, межэтническое пограничье, похоронный обряд, обмывание покойника, агенты и атрибуты ритуала

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)

Статья поступила в редакцию 2 декабря 2022 г.

Статья доработана автором 8 марта 2023 г.

Статья принята в печать 16 мая 2023 г.

Цитирование: *Матвеева Е.М., Шкураток Ю.А., Королёва С.Ю.* Исконная лексика и русские заимствования в обрядовой терминологии коми-пермяков: подготовка покойника к погребению. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 1–2. С. 48–65. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.03>

INHERITED LEXICON AND RUSSIAN BORROWINGS IN THE RITUAL TERMINOLOGY OF THE KOMI-PERMYAKS: PREPARING THE DEAD FOR BURIAL

Elena M. Matveeva

Ph. D., Associate Professor,
Perm State Humanitarian
Pedagogical University
Postal address: Sibirskaya st., 32A,
Perm, 614990, Russia
E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1060-3262

Iuliia A. Shkuratok

Ph. D., Associate Professor,
Perm State University
Postal address: Bookirev st., 15,
Perm, 614990, Russia
E-mail: shkuratok@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2786-8734

Svetlana Yu. Korolyova

Ph. D., Senior Researcher,
Perm State University
Postal address: Bookirev st., 15,
Perm, 614990, Russia
E-mail: petel@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4246-907X

Abstract

The article examines the Komi-Permyak lexicon that reflects the ritual preparation of the deceased for burial. The main attention is paid to the washing ritual, its agents, attributes and their verbal descriptions in the oral speech of dialect speakers during the thematic survey. For comparison, we used the data on Russian dialects, including contact dialects with Komi-Permyak. The main part of dialect material was collected by the authors during expeditions in 2022; we also used earlier field records. The findings suggest that in the conditions of long interethnic interaction there is a lexical convergence of two cultural and linguistic traditions. It is reflected in numerous borrowings from Russian into Komi-Permyak (pokoinik ‘dead’, zhivöy ‘alive’, prostöy va ‘plain water’ and pokoinishnöy va ‘dead water’, etc.). We can also talk about the unity of many cultural concepts behind the ritual lexicon: both traditions in the situation of ritual washing are characterized by the opposition of the “hard” and “soft” deceased body, “fragility”

and “strength” of the bowl for washing. Objects in contact with a deceased body and anomalies during the ritual are endowed with negative semantics, etc. The influence of the Komi-Permyak tradition on the Russian one is less strong, but also noticeable. In the context of the pervasive bilingualism of the Komi-Permyaks, their language affects the vocabulary of Russian monolinguals in mixed settlements. In particular, in the southern part of the Komi-Permyak district, on the territory of the settlement of Kudymkar-Inven Komi-Permyaks, in the speech of speakers of both languages we did not find some ritual terms (the verbal nouns with the meanings of action and figure) typical for Russian dialects in other territories of the Perm region.

Keywords

Komi-Permyak language, Russian Perm dialects, interethnic borderland, funeral rite, washing the dead, agents and attributes of the ritual

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00484 “Slavic-non-Slavic borderlands: a funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage” (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)

Received 2 December 2022

Revised 8 March 2023

Accepted 16 May 2023

How to cite: Matveeva, E.M., Shkuratok, Iu.A., Korolyova, S.Yu., 2023. Iskonnaia leksika i russkie zaïmstvovaniia v obriadovoi terminologii komi-permiakov: podgotovka pokoinika k pogrebeniiu [Inherited Lexicon and Russian Borrowings in the Ritual Terminology of the Komi-Permyaks: Preparing the Dead for Burial]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 48–65. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.03>

Проживая в контакте с русскими уже около пяти столетий, коми-пермяки переняли у славяноязычных соседей значительный пласт мифологических представлений, семейных и календарных обрядов, фольклорных сюжетов. На характер контактов влияет конфигурация расселения этносов: кроме небольших кустов сел и деревень, населенных русскими, — «островков» в обширном иноэтничном пространстве — в центре Коми-Пермяцкого округа располагается крупный русский остров: территория проживания юрлинцев¹. Сложное по структуре пограничье, с одной стороны, создает условия для активного влияния русского языка на коми-пермяцкий (которое усиливается воздействием официальной культуры, масс-медиа, русскоязычного школьного образования). С другой стороны, соседство двух народов становится фактором консервации традиционной культуры и языка, способствует сохранению в них архаичных элементов, своих и заимствованных. Это делает коми-пермяцкий лингвистический материал интересным для финно-угроведения, славистики и славяно-неславянской контактологии.

¹ Власова И.В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы). Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981 / отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1984. С. 3–11; Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Пермь: ПГПИ, 2008. С. 4–10.

Лексика смерти² относится к той семантической области культуры, где традиционные представления наиболее устойчивы, многие термины похоронно-поминального обряда заключают в себе архаичные метафоры³. Применительно к Пермскому Прикамью, частью которого является Коми-Пермяцкий округ, диалектная обрядовая терминология изучена неравномерно. Исследователям лучше известна русская языковая традиция: отдельные наименования ритуальных действий, погребальной одежды и поминальных блюд⁴, темпоральная лексика⁵, номинации агентов ритуала⁶. Имеется опыт подробного лексикографического описания «мортальной» сферы региональной культуры⁷. Похоронно-поминальная обрядность коми-пермяков подробно изучена в этнографическом аспекте⁸, однако названия обрядовых реалий, как и вербальное воплощение представлений о загробном мире, зафиксированы лишь фрагментарно.

Материалом для нашей работы послужили полевые записи, сделанные в 2022 г. в экспедициях под руководством Ю.А. Шкураток (беседы с коми-пермяками) и С.Ю. Королёвой (обследование русских в смешанных поселениях и на смежных территориях). Также привлекаются тексты на коми-пермяцком языке из архивов двух университетов. Это данные 2014–2018 гг., собранные в ходе фольклорной практики студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (руководитель Е.М. Матвеева), и записи 2016–2021 гг., хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии Пермского государственного национального исследовательского университета. Обращаясь к обрядовым ситуациям, направленным на подготовку покойника к погребению, мы подробно рассмотрим ритуал омовения (обмывания) умершего. Основ-

² Под лексикой смерти понимается обширная тематическая группа, включающая как обрядовые термины, так и общеупотребительные слова, с помощью которых реализуются представления о смерти и обслуживается похоронно-поминальный обряд, см.: *Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 4.*

³ Подробнее о таких метафорах см.: *Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2000. С. 21, 125–141.*

⁴ *Подюков И.А., Свалова Е.Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья. Научный диалог. 2019. № 11. С. 46–60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>*

⁵ *Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В. «Время» в пермской похоронной лексике. Свое — чужое: опыт культурного взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» — XVI / ред. колл. И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых. Усолье: [б. и.], 2020. С. 20–37.*

⁶ *Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В. «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности Пермского Прикамья. Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 29–39. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/4>*

⁷ *Подюков И.А. и др. Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / ред. И.А. Подюков. СПб.: Маматов, 2020.*

⁸ *Чугаева С.В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков). М.: Триумф, 2015.*

ные этапы этого ритуала и их традиционная семантика подробно описаны на славянском материале⁹, однако применительно к коми-пермяцкой традиции выявлены и охарактеризованы далеко не все значимые элементы. Нас интересует обслуживающая этот ритуал исконная и заимствованная обрядовая лексика коми-пермяков. Текстологический анализ речевых контекстов позволит также выявить представления об этапах ритуала, агентах, действиях и предметах¹⁰, не всегда имеющих собственно терминологическое обозначение, однако наделяемых такими характеристиками, в которых проявляются значимые параметры традиционной культурно-языковой картины мира.

Ритуал и его агенты: обмывание и обмывальщики. О подготовке покойного к погребению у коми-пермяков во второй половине XIX в. писал этнограф и краевед Николай Рогов. Он, в частности, заметил, что обмыванием не занимаются родственники: «...кто бы ни был покойник, семья тотчас приглашают постороннего человека, смотря по полу умершего, мужчину или женщину, приготовить его “под святые”, то есть обмыть, одеть и расчесать волосы»¹¹. Три десятилетия спустя И.Н. Смирнов в историко-этнографическом очерке «Пермяки» тоже упомянул этот обычай: когда человек «испустит дух, <...> зовут кого-нибудь из родственников, живущих отдельными домами, или посторонних людей обмыть покойника и сделать гроб»¹². По свидетельству исследователя, впоследствии обмывальщик принимает участие в так называемых «проводах души» и именно он берет на себя роль «умершего»: «Когда поминальная трапеза оканчивается, человек, обмывавший умершего и представляющий его своей особой, встает и выходит первый из избы»¹³.

⁹ Плотникова А.А. Обмывание покойника. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 4. С. 464–466.

¹⁰ Идея о синонимичности в обряде реального (предметного), акционального (действенного) и вербального (речевого) планов высказывалась в работах Н.И. Толстого. С близких позиций погребальная обрядность рассмотрена в работе О.А. Седаковой (дополнительно выделившей в обрядовом действии собственно акциональный и агентный планы): Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный университет, 1982. Вып. 576: Типология культуры. Взаимное воздействие культур / отв. ред. Ю. Лотман. (Труды по знаковым системам. XV). С. 57; Седакова О.А. Поэтика обряда... С. 29–30. Этот подход стал традиционным и учитывается при изучении обрядовой терминологии, в т.ч. в собственно диалектологическом ключе, см. например: Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ... С. 7–8, 257.

¹¹ Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. Пермский сборник / ред.-сост. Д.Д. Смышляев. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 122.

¹² Смирнов И.Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1891. С. 240. (Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете; Т. 9. Вып. 2).

¹³ Там же. С. 244.

Устойчивость традиционных обрядовых правил подтверждает исследование С.В. Чугаевой, основанное на современном полевом материале. По ее данным, для выполнения ритуальных действий, связанных с обмыванием, «выбираются люди из числа дальних или близких родственников, знакомых умершего, реже посторонних»¹⁴. Как и раньше, обмывальщик «символически сопровождает душу умершего в “иной” мир», что дает основание считать его если не «самой значимой фигурой среди участников обрядовых действий»¹⁵, то определенно одной из них. На то, что обмывальщик у северных коми-пермяков может выступать ритуальным заместителем умершего, указывается и в других работах¹⁶ (аналогичным образом обстоит дело у русских-юрлинцев¹⁷). В северных районах округа считается, что каждый человек при жизни должен обмыть хотя бы одного умершего: он «и грехи его снимет, и от кары умерших предков оградит»¹⁸.

Процесс обмывания на коми-пермяцком языке обозначается многозначным глаголом *миссьӧтны*, что буквально означает ‘умывать’. Это слово (без какой-либо вариативности) используют все опрошенные жители, рассказывая об омовении умершего.

У русских, проживающих в тесном контакте с кудымкарско-иньвенскими коми-пермяками, в терминологии погребального и поминального обрядов значительное место также занимает глагольная лексика. Обмывание умершего обозначается словом *мыть* и производными от него приставочными глаголами (*помыть, вымыть*): *Потом, значит, чё, моют, одевают <умершего>. <...> То родственники моют у нас, то соседей попросят* (Кува Куд.); *Вот, моют. Могут и на досках, могут и на кровати. Маму на кровати мыла вот эта вот бабушка, старушка* (Кува Куд.); *Женщина умерла, сын-то позвонил. Я говорю: «Я ж не буду мыть, я боюсь! Мне жутко». Ну чё, мы поехали. <...> Но моют-то как — обтирают* (Кува Куд.)¹⁹. В селе Кува, имеющем смешанное население, отглагольные существительные со значением действия (типа «обмывание») и деятеля (типа «обмывальщица») в разговорной речи русских жителей не зафиксированы, хотя в говорах других территорий Пермского Прикамья они имеются.

¹⁴ Чугаева С.В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 14.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Королёва С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья). Антропологический форум. 2014. № 23. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 55–57.

¹⁸ Климов В.В. Олан вужжез (корни бытия): этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2007. С. 291.

¹⁹ Обрядовый термин *мыть* фиксируется и в архангельских говорах (вместе с приставочными глаголами *обмыва́ть, намыва́ть, замыва́ть, вымыва́ть*). См.: Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ... С. 209–210.

«Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья» дает примеры таких существительных со значением действия: *обмыванье, обмывка, омыванье*, — но все они записаны далеко от мест проживания коми-пермяков, на юге Пермского края²⁰. Зафиксированы и существительные со значением деятеля, они имеются в том числе у русских-юрлинцев, живущих к северу от кудымкарско-иньвенских коми-пермяков: *мо́йщик, обмывальщик, обмыльщик, умывальщик, умыльщик, мо́йщица: Приносят чашечку, кружечку, которую надо подавать обмывальщику* (Пож Юрл.); *Подают еще из одёжи что осталось умывальщику* (Юм Юрл.); *Кто обмывал, умыльщики, потом, когда душу провозжают, им дают одёжу — и рубаху, и костюм* (Липухина Юрл.)²¹.

В коми-пермяцком языке с помощью суффиксального способа тоже можно образовать отглагольное существительное *миссьёттӧм* ‘умывание’, однако в разговорной речи коми-пермяков активно оно не используется. Не употребляется и другое производное от глагола *миссьётны* слово, обозначающее обмывальщика, — *миссьётись*. Эта лексема отсутствует в этнографических очерках XIX — начала XX в., не встречается она и в современных исследованиях. Тем интереснее единичное упоминание, обнаруженное в полевых материалах, о том, что в деревне мог быть специальный человек, занимавшийся обмыванием умерших: *Кӧркӧ вӧи морт, миссьётис специальнӧй морт, ветвӧтвыис по деревне* [Когда-то был человек, обмывал специальный человек, ходил по деревне] (Пихтовка Куд.). Но даже в том случае, когда речь идет о ритуальной «специализации», особое наименование для нее не фиксируется.

Вместо использования специального обрядового термина коми-пермяки чаще всего называют конкретное лицо, принимавшее участие в процессе обмывания: *Аслас жӧ кинкӧ* [Свой же кто-то]; *Рӧднясис ассис* [Из своей родни] (Кукушка Коч.); *Родственникес вермисӧ миссьётнытӧ* [Родственники могли обмыть] (Дёмино Коч.); *Миссьётис соседка Тамара да ӧшӧ ӧтик соседка*. [Обмывала соседка Тамара да еще одна соседка] (Валькова Куд.); *Близкӧйӧсь миссьётны, абу некин дак* [Близкие обмывают, нет никого дак] (Парфёнова Куд.); *Покойниксӧ долженӧсь миссьётны родственникес* [Покойника должны обмывать родственники] (Москвина Куд.). Как видно из примеров, обмывальщиками становятся «свои». В одном случае обмывальщика так и называют: *аслас* ‘свой’. Кто это такие, раскрывается в приведенных речевых контекстах: во-первых, те, кто знал умершего, таким лицом чаще всего становится соседка; во-вторых, те, кто состоял в родстве с умершим, они обозначаются лексемами *рӧдня, родственникес, близкӧйӧсь*. Слово *близкӧйӧсь* ‘близкие’ многозначное, оно может указывать как на друзей, так и на родных, в приведенном примере лексема употребляется именно в значении ‘родственники’.

²⁰ Подлюков И.А. и др. Словарь мортальной лексики... С.144-145.

²¹ Там же. С.131-132.

По традиции, на разных этапах обмывания умершего близкие родственники исключаются из круга активных участников обрядового действия. Однако имеются случаи, когда кровный родственник все же должен обмыть покойного. Такая ситуация возникает прежде всего в связи с просьбой самого умершего²²: *А кинѳс мортыс желайтѳ — сѳа* [А кого человек желает — он <обмывает>] (Дёмино Коч.); *Кыдз закажет ведь покойникыс. Вот, например, мукѳдыс висьтаас, чтоб **ныввевѳ** миссьѳтисѳ, чтоб некин эз миссьѳт. **Ныввес сѳйѳ** миссьѳтѳнѳ... Не должна вѳи ме участвуйтны. Вот, что роднѳйес не должны, если не заказала сѳя. Ме токо видзви, бергѳтви. Сѳя быдѳс миссьѳтисѳ* [Как закажет ведь покойник. Вот, например, некоторые скажут, чтоб ее **дочери** обмыли, чтоб никто <другой> не обмывал. **Дочери** ее обмывают... Не должна была я участвовать. Вот, что родные не должны, если она не заказала. Я только держала, поворачивала. Она всю обмыла] (Кува Куд.). В этих примерах родство обмывальщика конкретизировано: используется исконный термин родства по крови *ныв* 'дочь'.

Традиционные запреты и предписания, тем не менее, устойчивы. Некоторые носители коми-пермяцкой культуры по-прежнему не допускают мысли о том, что умершего может обмывать родственник. Такой запрет особенно распространен на территории Кудымкарского района, у кудымкарско-иньвенских коми-пермяков: *Не в коем случае **родственниккесвѳ** оз туй миссьѳтны кудѳсѳ, токо йѳзвѳ* [Ни в коем случае нельзя **родственникам** обмывать умершего, только чужим] (Москвина Куд.); ***Родственниккесвѳ** миссьѳтны оз туй. Сѳж, бытьтѳ бы, родственникыс рад, что мортыс куис* [**Родственникам** обмывать нельзя. Тогда будто бы родственник рад, что человек умер] (Корчѳвня Куд.).

Для обозначения обмывальщика используется лексема во множественном числе *пѳрисьжыккес* 'старшие' и заимствованный термин родства *бабка* в значении 'старый человек'. По мнению наших собеседников, обмывальщиками должны быть люди старшего поколения, имеющие жизненный опыт и ранее уже наблюдавшие исполнение обрядов: *Миссьѳтѳны **пѳрисьжыккесыс*** [Обмывают **старшие**] (Батина Куд.); *Ме кори вот сѳтчинись **бабкасѳ** вот* [Я позвала вот оттуда **бабку** вот] (Кукушка Коч.).

Считается, что умерший «деревенеет» и не дает себя мыть, если выполняющий это действие ему «не к сердцу»²³. При сборе полевого материала удалось зафиксировать предписание, которому нужно следовать, чтоб не рассердить покойного. Обмывальщик должен быть одного пола с покойным: *Если мужик <кулис>, то миссьѳтѳны **мужиккес**, если женскѳй, то **женщинаэз**...* [Если мужик <умер>, то обмывают **мужики**, если женщи-

²² Практика еще при жизни выбирать того, кто будет обмывать человека после смерти, является у коми-пермяков довольно распространенной, см.: Чугаева С.В. Человек и Смерть... С. 54.

²³ Там же. С. 54.

на, то **женщины**...] (Паняшор Куд.); *Мыжыккесö мыжыккес миссьöтöны, женскöйесö — женскöйез* [Мужчин **мужчины** обмывают, женщин — **женщины**] (Верх-Юсьва Куд.); *Меам тай кöзяиныс кулис. Мужиккес локтисö, миссьöтисö, да и сё* [У меня вот муж умер. **Мужики** пришли, обмыли, да и всё] (Кукушка Коч.). В примерах для выражения предписания используются заимствованные из русского языка слова, указывающие на половую принадлежность: *женскöйес, женицинаез, мыжыккес, мужиккес*.

Покойник как адресат ритуальной речи. Телесность умершего. Обратимся к лексемам, связанным с другим участником процесса обмывания — покойником. Находящийся в доме умерший наделяется способностью слышать и чувствовать, поэтому считается, что он реагирует на выбор обмывальщика и его действия. Еще в этнографических работах XIX в. встречается упоминание, что, обмывая умершего, с ним разговаривают: «Лицо, призванное обмывать покойника, обращается к нему с просьбой не сердиться: “не сердись на меня; я тебя хочу ополоскать”»²⁴.

Практика разговора с умершим сохраняется и сейчас. Вот как ее отражают материалы, собранные нами в 2022 г. у северных и южных коми-пермяков: *Ну-ко, вай китö, лэбты, эн чорзьöтчы, небзьöтчы, небзьöтчы* [Ну-ка, дай руку, поднимай, **не затвердевай, помягче стань, помягче стань**] (Кукушка Коч.); *Давай-давай, миссьöтам вот...* [Давай-давай, обмоем вот...] (Кува Куд.); *«Эн чорзьöтчы! Сет миссьöтны бытшöмика»*. <...> *Ниа озö тулдö вот кыздз, сиа мукöдчид этö керö, кыздз вот, кыздз тиянлö висьталны, нуовöй, а сидз сиа вөрö* [«**Не затвердевай!** Отдайся хорошо обмыть тебя». Они **не оцепеневают** вот так, он иногда это делает, как вот, как вам сказать, **деревянным** <становится>, а так он шевелится] (Дёмино Коч.); *Кыздз вот живöй. Вот ськöt баитан...* «*Мийö тэнö миссьöтамö, вот пасьтöтамö басöка, миянлö давай сетчы, эн лöгал*». — *И сиа вот кыздз живöй, а кöда если не сы сьöртöт, сиа пукяс ли мылли, султöтан, некыздз сийö он вермы пасьтöтны* [**Как вот живой**. Вот с ним разговариваешь... «Мы тебя обмоем, вот оденем красиво, нам давай отдайся, не злись». — И он вот **как живой**, а которое если не по нему, он сядет, что ли, поставишь, никак его не можешь одеть] (Дёмино Коч.); *Представляете, кыздз баитöнö? Но, небзьöтчы пö, китö пö эд сюшитны коö. Этадз баитöны, кыздз пасьтöтны да мый да. Но, эн лöгась пö, видзöт, кыздз тэнö пасьтöтимö. Что живöйкöt баитöнö* [Представляете, как разговаривают? Ну, сделайся мягче, говорят, руку твою ведь засунуть надо, говорят. Так говорят, как одеть <надо>, да что да. Ну, не злись, говорят, смотри, как тебя одели. Что <как> с **живым** разговаривают] (Кува Куд.); *Миссьöтан: «Китö видз, коктö чышка, коккетö видз. Синнэтö осьт, миссьöтам, синнэтö ли кунь ли сэтчин, чтоб кокнитжык вöи»*. *Живöй морткöt кыздз, ну...* [Обмываешь: «Свою руку держи, твою ногу обтираю, свои ноги держи. Глаза свои открой, обмоем,

²⁴ Смирнов И.Н. Пермяки... С. 244.

глаза свои ли закрой ли там, чтоб легче было <обмывать>». **Как с живым человеком** <разговариваешь>, да...] (Пихтовка Куд.).

В этих выражениях нас интересуют лексемы, характеризующие покойника. Сразу отметим, что при обмывании лексема *покойник* не употребляется, напротив, к нему относятся как к живому. На это указывают слова, которые используют опрошенные нами жители, описывая ритуал. Обычно для этого они выбирают заимствованную лексему *живой* 'живой'. В коми-пермяцком языке имеется исконное прилагательное, обозначающее живого: *ловья*. Оно образовано от существительного *лов* 'душа' с помощью суффикса *-а*, то есть «живым» является человек, у которого есть душа («одушевленный»). Существует немало фразеологических единиц с лексемой *лов / дол*, семантика которых связана со смертью: *лов босьтны* (букв. «душу взять») со значением 'убить', *лолыс абу ни* (букв. «души уже нет») 'умер', *лолыс петис* (букв. «душа вышла») 'умер' и др.²⁵ Это слово хорошо известно и понятно носителям языка. Однако в рассказах об обмывании вместо исконного прилагательного *ловья* 'живой' в сравнительных оборотах, характеризующих покойника, используется русское заимствование: *кыдз вот живой* (как вот живой), *живой морткот кыдз* (как с живым человеком), *и сия вот кыдз живой* (и он вот как живой).

На признаки «живого» указывают и просьбы обмывальщика, адресованные покойнику: *небзьотчы* «мягче стань», *эн чорзьотчы* «не затвердевай», *китё видз* «свою руку держи», *коккетё видз* «свои ноги держи», *синнэтё осьт* «свои глаза открой». Глаголы *небзьотчы* «мягче стань», *эн чорзьотчы* «не затвердевай» связаны с физическим состоянием умершего. По мнению информантов, разговор с покойным необходим для того, чтобы процесс обмывания проходил без затруднений. Если не следовать этому предписанию, то покойник начинает очень быстро твердеть, на что указывают лексемы *тувдыны* 'оцепенеть', *пуовой* 'деревянный', *чорзыны* 'затвердеть'.

Причиной быстрого окончания тела покойного считаются неправильные действия обмывальщика или других людей, присутствующих при омовении. Покойник может стесняться своей наготы, реагировать на наличие посторонних²⁶. Подобные примеры содержатся и в наших полевых материалах: *Сіа пё логасьё. А мыйкё неладно сылё. Мыйкё оз гленитчы, видно, ну. Но вот сійё ме кыллі, что сіа чорзьотчё, кёр сылё мыйкё неладно, оз гленитчы мыйкё. А потом, видимо, мыйкё шуллёнё ли мылли* [Он, говорят, начинает злиться. А что-то неладно ему. Что-то не нравится, видимо, да. Но вот это я слышала, что он **затвердевает**, когда ему что-то

²⁵ Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. (Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII). С. 106-107.

²⁶ Чугаева С.В. Человек и Смерть... С. 54.

неладно, что-то не нравится. А потом, видимо, что-то говорят ли, что ли] (Дёмино Коч.); *А кин не сійӧ керӧ, сіа сідз тулӧйтчас, и даже исся сійӧ он вермы и вӧрзӧйтны...* [А кто не то делает, он так **оцепенеет**, и даже потом его не сможешь и сдвинуть...] (Дёмино Коч.); *Шуӧны тай, кӧда не хочет кинкӧ сэтӧн вӧлі, присутствовал при этом процессе, сіа этӧ керыштӧ, тулӧдӧ* [Говорят же, который не хочет, чтоб ты там был, присутствовал при этом процессе, он это делает немного, **оцепеневает**] (Кукушка Коч.); *Если неправильно кин мый миссьӧттӧ, дак оз сетчы, оз небзьӧйтчы, кисӧ да кок-кесӧ пӧ чегзавны коӧ* [Если неправильно кто что моет, дак не дается, **не становится мягче**, его ноги и руки, говорят, ломать надо] (Парфёнова Куд.).

Практика разговора с умершим ранее была зафиксирована у юрлинцев, эти данные известны специалистам²⁷. Исследование 2022 г. показало, что подобный обычай есть и у русских, проживающих в южном районе округа, по соседству с кудымкарско-иньвенскими коми-пермяками: *Ну вот говорят: «Ты прости, мы тебя вымоем, всё такое. Помогни нам...» Становится такой податливый* (Кува Куд); *Вот она <бабушка> умерла через сколько-то лет после мамы. Мы пришли, и мне отец говорит: «Мой». Я, меня трясет, я говорю: «Как?!» — «Как умеешь, так и мой!» <...> «Бабушка, — говорю, — чё умею, как умею». Отец помогал держать* (Кува Куд.). Пример развернутой реконструкции подобного разговора записан в смешанной русско-коми-пермяцкой семье: *Мыть надо покойника-то. Водой. <...> «Ну, Андреевна, — говорю, — повернись, повернись, спинку помоем чистенько». Пока они еще не затвердели, надо. Да, она не зачерствела. <...> Говорю: «Ну-ко, повернись немножко. Давай, — говорю, — Андреевна, личико помоем, чтобы чистенькая была». Как будто спящая. «Чтобы пришла на порог к Господу Богу, дак чтобы чистенькая была. Личико чистенько с мылом вымоем, всё, под мышками всё. Чистенько вымоем мы тебя. Ты, — говорю, — нам помогай. Мы, — говорю, — с дочкой твоей Машенькой вымоем тебя. <...> «Давай, — говорит, — мама, руку-то давай. Мама, руку дай». Она чё-то бы как делает. А когда она скажет: «Мама, руку-ту дай», — вроде как она и обмякнет, рука-то. <...> Будешь разговаривать, дак у них тело-то делается. Слабее, значит, это. А может, когда покойник-то и стесняется. «Ты, — гээрю, — Андреевна, не стесняйся. Мы, — говорю, — хорошие с Машей знакомые. Мы, — говорю, — тихонечко тебя вымоем. Мужиков нету... никого нету у нас посторонних. Помогни, говорю, нам, помойся чистенько»* (Кува Куд.). В этом тексте для описания тела умершего, его «твердости» (*затвердеть, зачерстветь*) или «мягкости» (*обмякнуть*) используются лексемы, семантика которых близка коми-пермяцким словам, употребляемым в аналогичном контексте. Одной из участниц ритуала, как видим, является дочь умершей.

²⁷ См. краткий обзор источников и примеры: Королёва С.Ю. Обряд «проводов души»... С. 55-56.

О потенциальной опасности обмывания свидетельствует формульная фраза, зафиксированная у косинских коми-пермяков. Завершив процесс, обмывальщики должны насухо вытереть руки и сказать: *Кӧдзытсӧ менчим нуӧт, меным шоньт сет*²⁸ [Холод у меня заberi, мне тепло дай]. Адресатом этой фразы, по-видимому, тоже выступает покойник.

Ритуальные атрибуты обмывания. Если обмывание осуществляется в домашних условиях, умершего укладывают на лавку, кладут на пол либо сажают на табурет. В ритуале участвуют два-три человека, один из которых совершает основные действия, остальные помогают держать покойного²⁹. Его обмывают теплой водой из горшка или глиняной чашки, процедура является в большей степени символической: тело умершего протирают мягкой тряпкой, смоченной в воде, начиная с лица³⁰ и двигаясь к ногам.

Выделим основные атрибуты обмывания: это емкость для воды, тряпка, мыло. В наших полевых материалах емкость, которую используют для обмывания умершего, имеет несколько наименований: *посудина (посуда), гырнич, доз, кринка, банка, горшок, кастрюляэз (кастрюлька), ведёркаэз, кашник*. Практически все термины заимствованы из русского языка. Однако в стилистическом и в функциональном плане между ними имеются различия. Лексема *посудина* употребляется в разговорной речи. *Посуда* — стилистически нейтральное слово, оно имеет эквивалент на коми-пермяцком языке — *доз* ‘емкость’. Среди перечисленных лексем можно выделить архаичные слова: *кашник, кринка, горшок* (глиняный сосуд), *гырнич* ‘горшок’. В рассказах коми-пермяков о ритуале обмывания им прямо противопоставляются современные предметы быта: *банки, кастрюли, ведёрки*.

В связи с этим возникает противопоставление «глиняный — стеклянный / пластмассовый», указывающее на материал, из которого изготавливаются емкости, выбиравшиеся для обмывания в прошлом и используемые сейчас. Об этом рассуждают и сами носители языка: *А вот и матшкабыс сэж и шуис, что кӧркӧ пӧ ня бьюшӧй этӧэс вӧлисӧ, посудинаэс. А час эд кастрюляэз да ведёркаэз да этӧ керӧны да. Ме ог тӧд, мый час* [А вот и свекровь тогда и сказала, что когда-то, говорит, они **бьющиеся**, эти **посудины**, были. А сейчас ведь **кастрюли** да **ведерки** да это делают да. Я не знаю, что сейчас] (Кукушка Коч.); *Кӧркӧ вӧисӧ, этӧ, кашниккезӧн миссьӧтисӧ да, сӧйӧ пӧ коӧ жуэгдыны, чтобы сӧйӧн эз пользуйтчы некин не... Пластмассойӧн да мый да, глинойӧсӧ некин озӧ, абу некинвӧн* [Когда-то были, это, из **кашника** мыли да, его, говорят, сломать надо, чтобы им не пользовался никто не... **Пластмассовым** да что да <пользуются>, **глиняным** никто <сейчас> не <пользуется>, нет ни у кого] (Верх-Юсьва Куд.).

²⁸ Чугаева С.В. Человек и Смерть... С. 55.

²⁹ Там же. С. 55.

³⁰ Климов В.В. Олан вужжез... С. 284.

Иногда наименование емкости отсутствует, его заменяет описание какого-либо важного атрибута. В отдельных случаях прямо указывается наиболее значимый признак, которым должен обладать предмет: *Сійӧ пӧ кӧд миссьӧтнытӧ, чтоб жугаис кӧда посудайс, сэтшиӧм посудасинь миссьӧтныт* [Его, говорят, надо мыть, чтоб **разбивалась** которая посуда, из такой посуды обмывать] (Пихтовка Куд.); *Чтоб сја посудайс жугаис* [Чтоб **эта посуда разбивалась**] (Б. Сидорова Куд.). Как видно, таким значимым признаком емкости для обмывания становится ее способность разбиться. Как и у других народов, в культуре коми-пермяков соприкоснувшиеся с умершим предметы наделяются опасной магической силой, поэтому от них нужно как можно быстрее избавиться. После завершения ритуала сосуд разбивают и выбрасывают.

У русских и русскоязычных уроженцев смешанных семей в с. Кува также зафиксированы упоминания о глиняной посуде для обмывания и необходимости ее разбить: *Обычно вот раньше мыли в небольших этих глиняных корчажках. [И что с ними делали?] Их разбивали, на свалку отправляли. <...> Стараются, чтобы эту воду никто не взял. Это опасно. Если выпьешь, говорят, может быть рак крови или что. Людей портят* (Кува Куд.). В «Словаре мортальной лексики...» на заголовочное слово «ломать» подается пример из русских говоров Чердынского района, где тоже упоминается горшок: *Ломали горшок, из которого обмывали умершего* (Усть-Уролка Черд.)³¹. Когда обмывание производится из пластмассовой емкости, воду выплескивают со всей силы, а сосуд выбрасывают: *А потом эту посудину-ту, говорят, надо брать глиняную. Чтобы сломать <...> За домом надо пӧ. Вышла, тут у нас ведь получается за дом, и швѣрнула это ведро...* (Кува Куд.)

Кроме емкости, для обмывания необходимы тряпка и мыло. Большой вариативности их названий мы не выявили. Чаще всего используется заимствованная из русского языка лексема *тряпка*, реже — словоформа *тряпочка*; встретился вариант фонетической адаптации слова к родному языку *трепич*: *А мый тэ сійӧ понан ванас шолльыны-миссьӧтны?! Тряпочка-нас, — пӧ, — этадз чышкы, чышкы этӧэсӧ, кытӧн сълӧн потнӧй местасэ этӧ керӧны вот, кытӧн запахыс вермас лоны* [А что ты будешь ее мыть, обильно поливая водой?! **Тряпочкой**, — говорит, — так протри, протри эти, где ее потные места это делают вот, где запах может быть] (Кукушка Коч.); *Трепичсӧ сійӧ, кӧдӧ керим, сійӧ сотимӧ, кӧдӧн миссьӧтим* [**Тряпку** эту, которую сделали, ее сожгли, которой мыли] (Ошиб Куд.). Мыло называют *матег*. По-видимому, в ритуале его используют не всегда, поскольку некоторые опрошенные нами рассказчики отрицают употребление мыла при обмывании покойника: *Матегнас эдӧ миссьӧтлӧ* [**Мылом** не мыли] (Кукушка Коч.); *Эсся матегнас эдӧ миссьӧтӧ* [Потом **мылом** не мыли] (Ошиб Куд.).

³¹ Словарь мортальной лексики... С. 299.

В процессе обмывания разные наименования получает вода. До начала ритуала ее называют *простой ва* «простая вода»: *Прстой вайн просто* <миссьотисö> [**Прстой водой** просто <обмывали>] (Кукушка Коч.). Такая вода лишена каких-либо особых качеств. После обмывания она приобретает магические свойства, и тогда ее называют уже *покойнишной ва* «покойничная вода»: *Вот этён ванас пö ойшö, но кона тöдиссес, юктаасö если мортсö, сия шогавны поннö, куö тожсо. Покойнишной ванас пö юктаамась, сийö баитнö* [Вот этой водой, говорят, еще, но которые знающие, напоят если человека, он болеть начинает, умирает тоже. **Покойничной водой**, говорят, напоили, это говорят] (Кува Куд.).

Емкость, тряпочка, мыло и вода, использованные для обмывания умершего, входят в число так называемых покойницких предметов, бывших в контакте с умершим. Действия с ними требуют осторожности и осуществляются по определенным правилам. Над некоторыми из таких вещей производят очистительные ритуалы, остальные предметы требуется уничтожить, чтоб избежать их использования во вредоносной магии³². Заслуживают внимания лексемы, обозначающие действия, производимые с покойницкими предметами в конце обмывания. От емкости, которую применяли в ритуальном процессе, следует избавиться. В полевых записях встречаются разные глаголы, указывающие на это действие: *паздыны* ‘разбить’, *шентны*, *чапкыны* ‘бросить’, *желльыштны* ‘ударить о стенку’, *жуготны* ‘сломать’, *шупкыны* ‘выкинуть’. Выбор лексемы зависит от материала, из которого сделан предмет. Если емкость можно разбить, то ее разбивают, ударяют о стенку, ломают. Если разбить нельзя, то бросают, выкидывают: *Миян батикоö кулис да, и ниа сийö вот эта сьöд гырничö этö керисö, и сийö потом паздисö* [Наш свекор умер да, и они его вот в этот черный горшок это сделали <т.е. обмыли>, и его потом **разбили**] (Кукушка Коч.); *А дозсö тожсо шентим* [А ёмкость тоже **бросили**] (Ошиб Куд.); *Дозсö желльыштнöны тожсö стена бердас* [Ёмкость **ударяют** о стену тоже] (Поносова Куд.); *Дозсö тишöктнöны жуготны, чтоб сийö некин эз босьт* [Ёмкость просят **сломать**, чтоб ее никто не взял] (Кува Куд.); *Сийö тожсо дозсö шупкыны, жуготны* [Ее тоже, ёмкость, <надо> **выкинуть, сломать**] (Пихтовка Куд.); *Сийö, по-моому, чапкöны кытчöкö* [Её, по-моему, **выбрасывают** куда-то] (Дёмино Коч.).

О важности заключительного этапа ритуала говорят приметы, связанные с уничтожением емкости и воды, использованных для обмывания покойника³³. Если человек не может избавиться от них (что воспринимается

³² Плотникова А.А. Покойницкие предметы. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 124–127.

³³ Правильному уничтожению предметов, которыми обмывали покойника, придается большое значение и в традиционной культуре славянских народов. См.: Плотникова А.А. Обмывание покойника... С. 465–466.

как аномалия), то в скором времени рискует умереть сам: *Настакöт пет-кöтiмö васö сийö да. Ся тайнö банкасö шупкис стоб бердö ванас, швыргис — ся эз жугау: трин-трин-трин чеччöутiс, тараис. Бöра босьтiс да шупкис, бöра эз жугау. Мыля ся эз жугау? Настаыс скоро и куис. Сы-бöрын ме босьтi да кыздз бряккйышитi <...> ськауис токо. Вот ме верми жугдыны, а ся — эз. Два раза шупкыис и эз жугау. Меым ся диво вöи. И народыс тожо шуöнö: мый, бытьтö, мыля банка стекляннöй эз жугау? А ся скоро и куис вежаньö бöрын, Настаыс [С Настой вынесли эту воду да. Она, оказывается, выбросила банку с водой о столб, кинула — она не разбилась: со звуком отскочила, брякнулась. Снова взяла да бросила, снова не разбилась. Почему она не разбилась? Наста скоро и умерла. Затем я взяла да как брякнула — лопнула только. Вот я смогла разбить, а она — нет. Два раза бросала, и не разбилась. Мне это удивительно было. И народ тоже говорил: что, будто, почему стеклянная банка не разбилась? А она, Наста, скоро и умерла после крестной] (Б. Сидорова Куд.).*

На этой же территории в смешанной русско-коми-пермяцкой семье зафиксировано предписание, что воду нужно выплескивать наотмашь, а небьющуюся емкость — вышвыривать со специальными словами, предотвращающими новую смерть: *Я вышла, тут у нас ведь получается за дом, и швырнула это ведро и сказала: «Нам покойники больше не нужны! Пусть они уплывают по речке, все невзгоды!» Вот, в ту сторону и швырнула. А так и выливают ведь, наотмашь. Я из ведра воду-ту выплеснула: «Пусть, — говорю, — по канаве уходит всё плохое». А потом ведро то швырнула, далеко чтоб летело от меня. <...> «Не только нам не надо <покойников>, и по нашей улице чтоб никто не помирал. Пусть живёт» (Кува Куд.).*

Действия, связанные с тряпкой и мылом, тоже направлены на их уничтожение. Обычно эти предметы сжигают. Действие обозначается глаголом *сотны* ‘сжигать’: *Трeпичсö сийö, кöдö керим, сийö сотiмö, кöдöн миссьöтiм [Тряпку эту, которую сделали, ее сожгли, которой мыли] (Ошиб Куд.); <Тряпка, матеж?> *Сотiнö* [<Тряпку, мыло куда?> **Сжигают**] (Б. Сидорова Куд.). Сожжение, как и другие варианты уничтожения, перечисленные выше, становится способом защиты от «знающих» — колдунов, которые используют покойничкие предметы в своих целях и могут навредить человеку.*

Текстологический анализ полевых материалов показывает, что в условиях продолжительного межэтнического взаимодействия наблюдается лексическое сближение двух генетически разных традиций. Оно проявляется в многочисленных заимствованиях из русского языка в коми-пермяцкий: например, повсеместно употребляемое *покойник*, *простой ва* ‘простая вода’ и *покойнишинöй ва* ‘покойничья вода’, *живöй* в сравнительном обороте *кыздз живöй* ‘как живой’ (об умершем) и мн. др. Можно говорить и о единстве многих культурных смыслов, стоящих за обрядовой терминологией. Для обеих традиций в ситуации обмывания характерно противо-

поставление «твердого» и «мягкого» тела покойника, хрупкости — прочности материала, из которого сделана емкость для омовения, и т.д. Кроме того, в условиях повсеместного коми-пермяцко-русского билингвизма прослеживается влияние коми-пермяцкого языка на русскую речь жителей смешанных поселений (Кувы и др.). В частности, оно выражается в том, что в южной части Коми-Пермяцкого округа в речи носителей обоих языков (коми-пермяцкой речи коми-пермяков — билингвов и речи русских, не владеющих коми-пермяцким) не обнаруживаются некоторые обрядовые термины со значением действия и деятеля, выраженные отглагольными существительными (типа «обмывание», «обмывка», «обмывальщик», «обмыльщик»). Вместо подобных терминов, типичных для русских диалектов в других районах Пермского Прикамья, на обследованной территории активно используются глаголы («мыть», «вымыть», «помыть»).

Список сокращений

Коч. — Кочёвский район

Куд. — Кудымкарский район

Юрл. — Юрлинский район

Литература

- Бахматов А.А. и др.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Пермь: ПГПИ, 2008.
- Власова И.В.* К изучению этнографических групп русских (юрлинцы). Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981 / отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1984. С. 3–11.
- Климов В.В.* Олан вужжез (корни бытия): этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2007.
- Коконова А.Б.* Рождение и смерть в пространстве диалекта: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.
- Королёва С.Ю.* Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья). Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.
- Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В.* «Время» в пермской похоронной лексике. Своё — чужое: опыт культурного взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» — XVI / ред. колл. И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых. Усолье: [б. и.], 2020. С. 20–37.
- Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В.* «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности Пермского Прикамья. Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 29–39. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/4>
- Плотникова А.А.* Обмывание покойника. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 464–466.

- Плотникова А.А. Покойницкие предметы. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 124–127.
- Подюков И.А. и др. Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья. СПб.: Маматов, 2020.
- Подюков И.А., Свалова Е.Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья. Научный диалог. 2019. № 11. С. 46–60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>
- Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. (Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII). С. 106–107.
- Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. Пермский сборник / ред.-сост. Д.Д. Смышляев. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–127.
- Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2000.
- Смирнов И.Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1891. (Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете; Т. 9. Вып. 2).
- Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный университет, 1982. Вып. 576: Типология культуры. Взаимное воздействие культур / отв. ред. Ю. Лотман. (Труды по знаковым системам. XV). С. 57–71.
- Чугаева С.В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Чугаева С.В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков). М.: Триумф, 2015.

References

- Bahmatov, A.A., et al., 2008. *Russians in the Komi-Permyak District: Rituals and Folklore*. Perm: Perm State Pedagogical Institute. (In Russian)
- Chugaeva, S.V., 2011. *Traditional Funerary and Memorial Rite of the Komi-Permyaks (End of the 19th — 20th Centuries)*. Dis. kand. ... ist. nauk. Institute of Anthropology and Ethnography. (In Russian)
- Chugaeva, S.V., 2015. *The Man and The Death (based on the material of the funeral and memorial rites of the Komi-Permyaks)*. Moscow: Triumf. (In Russian)
- Klimov, V.V., 2007. *Olan Vuzhhez (Roots of Life): Ethnographic Notes About the Komi-Permyaks; in Komi-Permyak and Russian*. Kudympkar: Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Kokonova, A.B., 2011. *Birth and Death in the Space of a Dialect*. Dis. kand. ... filol. nauk. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian)
- Koroleva, S. Iu., 2014. Rite of “Send-off the Soul” With a Ritual Deputy of the Dead (Materials of the Russian-Komi-Permyak Borderlands). *Forum for Antropology*, 23, pp. 52–76. (In Russian)

- Panteleeva, L.M., Khorobrykh, S.V., 2020. "Time" in the Perm Funeral Lexicon. In: I.A. Podiukov, A.V. Chernykh, S.V. Khorobrykh, eds, 2020. *Own — Foreign: the Experience of Cultural Interaction. Materials of the Russian Scientific and Practical Conference "Stroganov Readings" — XVI*. Usolye [s.n.], pp. 20–37. (In Russian)
- Panteleeva, L.M., Khorobrykh, S.V., 2020. "The Living and the Dead" in the Funeral and Wake Rites of Perm Prikamye. *Tomsk State University Journal of Philology*, 450, pp. 29–39. <https://doi.org/10.17223/15617793/450/4> (In Russian)
- Plotnikova, A.A., 2004. Washing the dead. In: N.I. Tolstoy, S.M. Tolstaya, eds, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Issue 3, pp. 464–466. (In Russian)
- Plotnikova, A.A., 2012. Deceased items. In: N.I. Tolstoy, S.M. Tolstaya, eds, 2012. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Issue 5, pp. 464–466. (In Russian)
- Podiukov, I.A., et al., 2020. *Dictionary of Mortal Vocabulary, Phraseology and Symbols of Russian Dialects of the Kama Region*. Saint Petersburg: Mamatov. (In Russian)
- Podiukov, I.A., Svalova, E.N., 2019. Local Specifics of Vocabulary of Funeral and Memorial Rituals of Russian Prikamye. *Nauchnyi dialog*, 11, pp. 46–60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60> (In Russian)
- Popova, O.A., 2010. *Komi-Perm Phraseological Dictionary*. Perm: Perm State Pedagogical University. (In Russian)
- Rogov, N.A., 1860. Materials for Describing the Life of Permyaks. In: D.D. Smyshliaev, ed., 1860. *Perm collection*. Moscow: Tipografia Lazarevskogo instituta vostochnykh iazykov. Issue 2, pp. 1–127. (In Russian)
- Sedakova, O.A., 2000. *Poetics of the Rite: Funeral Rites of the Eastern and Southern Slavs*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Smirnov, I.N., 1891. *Permyaks. Historical and Ethnographic Essay*. Kazan: Tipografia Imperatorskogo universiteta. (In Russian)
- Tolstoy, N.I., 1982. From the "Grammar" of Slavic Rites. In: Yu. Lotman, ed, 1982. *Scientific Notes of the State University of Tartu. Issue 576: Typology of Culture. Mutual Influence of Cultures. Proceedings on Sign Systems XV*. Tartu: Tartu State University, pp. 57–71. (In Russian)
- Vlasova, I.V., 1984. To the study of ethnographic groups of Russians (Yurlintsy). In: S.I. Vainshtein, ed, 1984. *Field research of the Institute of Ethnography, 1980–1981*. Moscow: Nauka, pp. 3–11. (In Russian)

СЛОВАЦКИЙ ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДИМИНУТИВ *chvilka* НА ФОНЕ НЕМЕЦКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ (ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ)

Дарья Юрьевна Ващенко

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: daranis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1628-3861

Аннотация

В статье на корпусном материале рассматривается значение словацкого темпорального диминутивного существительного *chvilka*, букв. ‘минутка’. Анализ лексемы проводится во внутриязыковом аспекте, когда ее семантика анализируется на фоне близких к ней по значению словацких субстантивов *chvila* ‘минута’ и *okamih* ‘миг, мгновение’, — и в межязыковом, устанавливаются ее структурные и семантические корреляты в немецком и венгерском языках, которые содействуют со словацким и контактировали с ним в течение длительного времени в пределах общего государства. В первой части статьи на основании анализа показателей меры ассоциации logDice выявляются сочетаемостные свойства существительных *chvilka*, *chvila*, *okamih*. Показано, что *chvilka* семантически занимает промежуточную позицию между *chvila* и *okamih*, она тяготеет к обозначению ситуаций с минимальной внутренней напряженностью и несет в своем значении сему сверхкраткости, а также имеет достаточно сильную связанность с ментальными глаголами. Кроме того, для *chvilka* свойственно обозначение бытового, повседневного времени. Далее рассматриваются структурные и семантические корреляты *chvilka* в немецком и венгерском языках. Немецкий язык имеет сходную со словацким систему субстантивов с общим значением кратковременности, когда последовательно различаются показатели точного vs неточного времени, параллельно с которой существует противопоставление сверхкраткого vs не-сверхкраткого отрезка. В венгерском языке точное и неточное время различаются в рамках сверхкраткости и аккумулируются у лексемы со значением не-сверхкраткости. Показано, что в немецком языке основным смысловым эквивалентом для словацкого *chvilka* является в первую очередь *Augenblick* ‘миг, мгновение’ в случае, если подчеркивается сверхкраткость ситуации либо контрастность ее изменения, и *Weile* ‘короткий отрезок времени, минута’ в ситуациях, не предполагающих радикальных перемен. В случае, если собеседника просят подождать, немецким эквивалентом является лексема *Moment* ‘момент’. Полный немецкий коррелят *chvilka*, диминутив *Weilchen*, в основной массе употреблений переводится на словацкий язык не-диминутивным *chvila*. В венгерском языке *chvilka* в интервальном употреблении коррелирует с лексемами *pillanat* ‘миг, мгновение’ и *perc* ‘минута’, при фиксации определенного состояния — с *perc*, а в рамках конструкций со значением предшествования или следования — с рядом темпоральных наречий.

Ключевые слова

Темпоральная лексика, сочетаемость, меры ассоциации, параллельный корпус, языковые контакты, словацкий язык

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2022 г.

Статья доработана автором 1 апреля 2023 г.

Статья принята в печать 27 мая 2023 г.

Цитирование: Ващенко Д.Ю. Словацкий темпоральный диминутив *chvilka* на фоне немецких и венгерских эквивалентов (по корпусным данным) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 66–86. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.04>

SLOVAK TEMPORAL DIMINUTIVE *CHVÍLKA* AGAINST THE BACKGROUND OF GERMAN AND HUNGARIAN EQUIVALENTS (ACCORDING TO CORPUS DATA)

Daria Yu. Vashchenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: daranis@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1628-3861

Abstract

The article examines the meaning of the Slovak temporal diminutive noun *chvílka* ‘minute’ on the corpus matter. The lexeme is analyzed in the intralanguage aspect, when its semantics are analyzed against the background of the Slovak substantives *chvíľa* ‘minute’ and *okamih* ‘moment, instant’ — and in the interlanguage, its structural and semantic correlates are established in German and Hungarian, which are adjacent to Slovak and have been in contact with it for a long time within the common state. In the first part, based on the analysis of the indicators of the logDice association measure, the combinable properties of the nouns *chvílka*, *chvíľa*, *okamih* are revealed. It is shown that *chvílka* semantically occupies an intermediate position between *chvíľa* and *okamih*, it tends to designate situations with minimal internal tension and at the same time carries in its meaning this super-brevity, and also has a fairly strong connection with mental verbs. In addition, *chvílka* is characterized by the designation of everyday time. Next are considered the structural and semantic correlates of *chvílka* in German and Hungarian. The German language has a system of substantives similar to the Slovak with a common meaning of short duration, when the indicators of exact vs inexact time are consistently different, in parallel with which there is an opposition of an ultra-short vs non-ultra-short segment. In the Hungarian language, exact and inexact tenses differ within the framework of hyper-brevity, and accumulate in lexemes with the meaning of non-hyper-brevity. It is shown that in the German language the main semantic equivalent for the Slovak *chvílka* is primarily *Augenblick* ‘moment, instant’, in case the over-brevity of the situation or the contrast of its change is emphasized, and *Weile* ‘a short period of time, a minute’ — in situations that do not involve radical changes. If the locutor is asked to wait, the German equivalent is the lexeme *Moment* ‘moment’. At the same time, the full German correlate for *chvílka*, diminutive *Weilchen*, in the bulk of uses is translated into Slovak by the non-diminutive *chvíľa*. In Hungarian, *chvílka* in interval use correlates with the lexemes *pillanat* ‘moment, instant’ and *perc* ‘minute’, when fixing a certain state — with *perc*, and in the framework of constructions with the meaning of preceding or following — with same temporal adverbs.

Keywords

Temporal vocabulary, compatibility, association measures, parallel corpus, language contacts, Slovak language

Received 22 December 2022

Revised 1 April 2023

Accepted 27 May 2023

For citation: Vashchenko, D. Yu., 2023. Slovatskii temporal'nyi diminutiv chvíl'ka na fone nemetskikh i vengerskikh ekvivalentov (po korpusnym dannym) [Slovak Temporal Diminutive chvíl'ka Against the Background of German and Hungarian Equivalents (According to Corpus Data)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 66–86. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.04>

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Предметом рассмотрения в статье будет являться семантическая группа существительных с общим значением короткого промежутка времени. В различных языках она являет достаточно ограниченный набор лексем, при этом их семантическое наполнение может быть различным. В данном случае речь пойдет о словацкой, немецкой и венгерской языковых идиомах, в течение длительного времени контактировавших в пространстве Центральной Европы. В словацком языке семантическую группу формируют лексемы *chvíľa* ‘минута, какое-то время’ и ее диминутивы *chvíľka* ‘минутка’, *chvíľočka* ‘минуточка’; *okamih* ‘миг’, *minúta* ‘минута’, *sekunda* ‘секунда’, *moment*¹ ‘момент. В немецком языке сюда относятся существительные *Weile* ‘минута, какое-то время’ и диминутив *Weilchen* ‘минутка’; *Augenblick* ‘миг’, *Minute* ‘минута’, *Sekunde* ‘секунда’, *Moment* ‘момент’. В венгерском языке группа гораздо беднее по составу, сюда относятся лексемы: *perc* ‘минута / короткий промежуток времени’, *pillanat* ‘мгновение, миг’, *másodperc* ‘секунда’. Словацкий и немецкий языки обнаруживают формальный параллелизм, когда коррелируют не только заимствованные из латинского *minúta* / *Minute*, *sekunda* / *Sekunde*, но также пары *chvíľa* / *Weile*, где словацкая лексема заимствована из немецкого², производные от них диминутивы *chvíľka* / *Weilchen*, и *okamih* / *Augenblick* с идентичной внутренней формой ‘глаза мигание’³.

1.2. В плане семантического структурирования группы словацкий и немецкий языки также сильно отличаются от венгерского. Так, в словацком и немецком языках, во-первых, различаются показатели точного и неточного времени: первое значение «обслуживается» лексемами *minúta* / *Minute*, *sekunda* / *Sekunde*, второе — субстантивами *chvíľa* / *Weile*, *chvíľka* / *Weilchen*⁴, *okamih* / *Augenblick*, *moment* / *Moment*. И показатели точного, и показате-

¹ Диминутивы, производные от других словацких субстантивов кратковременности *minútka*, *sekundička*, *momentík*, являются в словацком языке малочастотными, ср. число их вхождений в Словацкий национальный корпус: *minútka* насчитывает 3421 вхождения, *minútočka* всего 35, *sekundička* 113, *momentík* 164.

² См. об этом, например, в монографии: *Newerkla S. M. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch*. Frankfurt-am-Main, Berlin, Oxford, Wien: Peter Lang Verlag, 2011. 780 s. S. 116.

³ Ср., в частности, наблюдения М.М. Кондратенко, который, исследуя славянские и немецкие хрононимы, рассуждает об интегральных vs специфических чертах славянской картины мира в сопоставлении с немецкой, основываясь в первую очередь на диалектном языковом материале. Там же автор указывает, что в славянских и немецких говорах «система семантической мотивации ... наименований также демонстрирует большое количество сходств». См.: *Кондратенко М.М. Особенности диалектной семантики и проблема языковой картины мира. Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 1. С. 63–67, С. 65.

⁴ Данная пара диминутивов упоминается в работе: *Kaňa T. Česká a německá deminutiva na pozadí korpusových dat*. Habilitační práce. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta. Brno, 2016.

ли неточного времени связаны в рассматриваемых языках оппозициями по сравнительной длине сверхкраткого промежутка: более длинные обозначаются лексемами *minúta / Minute, chvíla / Weile*, более короткие — *sekunda / Sekunde, okamih / Augenblick, moment / Moment*. Отдельно в этом ряду выделяются диминутивы *chvílka / Weilchen*, поскольку, с одной стороны, они являются производными от лексем, обозначающих более длинный отрезок времени, с другой стороны, диминутивное значение дает «коррекцию» данного значения в сторону меньшей размерности. В венгерском языке существительное *perc* аккумулирует в себе значение точного и неточного времени, причем в рамках сверхкраткости точность / неточность выражают разные лексемы, *másodperc* и *pillanat*⁵, то есть мы видим систему, во многом сходную с русской⁶. Диминутивы, производные от темпоральных лексем, здесь отсутствуют.

Значение диминутивов, производных от существительных со значением минимального интервала, аккумулирует в себе сразу две семы малой размерности. В разных языках подобное наложение смыслов может переосмысляться совершенно по-разному. В частности, для русского языка исследователи указывают следующий спектр значений, ср. в работе З.И. Резановой: «... говорящий подчеркивает, что считает называемый отрезок времени незначительным, маленьким»⁷ — там же указано, что в русском языке подобные темпоральные диминутивы обозначают: «... 1) субъективное переживание говорящим данного отрезка времени как незначительного, маленького и имплицитную этим отношением положительную эмоцию [...]; 2) субъективное отношение говорящего к событийному ряду, соотносимо с данным отрезком времени [...]; 3) отношение говорящего к ситуации в целом, к субъекту [...]. Диминутив в таких конструкциях имеет значение ‘отклоняющийся в значительной степени от нормы, по мнению говорящего, который испытывает по этому поводу сильные эмоции’...»⁸. Как пишет

⁵ Barczy G., Ország L. et al. A Magyar nyelv értelmező szótára. Budapest: Akadémiai kiadó, 1959–1962. I–VII kötet. URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmezo-szotara/elolap.php> (дата обращения: 22.03.2023).

⁶ Подробный анализ русских субстантивов кратковременности можно найти в монографии: Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

⁷ Резанова З.И. Субъективные образы времени в славянских языках: диминутивные модели. Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 163. <https://doi.org/10.17223/18137083/60/14>

⁸ Там же. С. 164; ср. также: Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания. Язык. Сознание. Коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. 34. С. 38–44. Диминутивы, производные от темпоральных существительных, достаточно подробно разбираются также в: Шмелева Т.В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 50–57. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2018-1-50-57> Интересующие нас диминутивы вида *минуточка* рассматриваются здесь в составе идиоматизированных предположительно-падежных конструкций, напр. *на минуточку*, которые «являются маркером неожиданной или важной ремы» (С. 54).

Г.П. Нешименко, подобного рода диминутивы «могут быть использованы как чисто номинативные обозначения и при сохранении в их семантике диминутивного значения. Данное явление становится возможным в том случае, когда более или менее постоянным качеством обозначаемого словом предмета является малость размера»⁹, производящая и производная лексемы «в определенных ситуациях <...> могут быть взаимозаменяемы, то есть функционировать как равноправные обозначения объекта»¹⁰. В цитируемой статье автор приводит в качестве примеров подобного явления в т.ч. чешские диминутивы *chvíle* — *chvílka* — *chvílička* — как мы постараемся показать, в словацком языке *chvílka* не просто употребляется в качестве синонима *chvíľa*, но начинает развивать собственное значение, обслуживая определенные типы контекстов¹¹. Исследование выполнено на материале Словацкого национального корпуса¹².

1.3. Мы сосредоточимся на анализе семантики словацкого диминутива *chvílka* с применением корпусноориентированных методов исследования, которые позволяют доказательно эксплицировать тонкие смысловые отличия между близкими синонимами, что особенно важно при работе с лексикой, имеющей в т.ч. философское «измерение интерпретации». Во-первых, мы постараемся выявить специфику данной лексемы внутри семантической группы, и во-вторых, установить ее основные корреляты лексем в немецком и венгерском языках¹³. В первой части статьи будут рассмотрены сочетаемостные характеристики лексем *chvílka* на фоне близких по значению слов, входящих в ту же семантическую группу, то есть на фоне лексем *chvíľa* и *okamih*. Во второй части статьи будут проанализированы те случаи, когда *chvílka* выступает в качестве переводного эквивалента немецких слов / словосочетаний. В третьей части мы приведем некоторые наблюдения касательно того, как представлена *chvílka* в словацко-венгерском параллельном корпусе: по объему и представительности текстов он существенно уступает немецкому, однако ввиду того, что венгерский язык являет иную, нежели в словацком и немецком языках, си-

⁹ Нешименко Г.П. Диминутивные деривационные цепочки и их преобразование в чешском языке // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 46–59, С. 56.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ В словацком языке также присутствуют диминутивы, производные от показателей минимального точного времени — ср. *minútka*, *minútočka*, *sekundička*: в данной статье они не рассматриваются ввиду низкой частотности.

¹² Slovenský národný korpus — prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav L. Štúra SAV 2022. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 22.03.2023).

¹³ Подробному анализу славянских калек с немецкого языка посвящена, в частности, работа: *Зубов Н.И.* Славяно-немецкие межъязыковые параллели: из наблюдений над лексико-семантической типологией германизмов. Доклад к XV Международному съезду славистов. (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Київ: Освіта України, 2013. Интересующие нас лексем там не представлены, однако сама ориентация автора на поиск немецких калек на широком языковом ареале, в частности, с привлечением данных венгерского языка, представляется чрезвычайно перспективной.

стему субстантивов кратковременности, результаты нашего анализа будут являться необходимым дополнением к статье.

2. *CHVÍĽKA VS CHVÍĽA, CHVÍĽKA VS OKAMIH* ПО ДАННЫМ МЕР АССОЦИАЦИИ

2.1. При анализе работы с близкими синонимами, когда речь идет не столько об ограничении на сочетаемость, сколько о тяготении лексемы к словам из той или иной понятийной области, хорошие результаты на корпусном материале показывают данные мер ассоциации, когда учитывается относительная частотность каждой из лексем, составляющих коллокацию, при этом рассчитывается степень притяжения между ними¹⁴. В рамках данной статьи мы ограничимся только одной мерой, *logDice*, она довольно часто применяется в корпусных исследованиях и хорошо себя зарекомендовала в т.ч. на нашем материале¹⁵. Для каждой из трех словацких лексем (*chvíľa*, *okamih*, *chvíľka*) были взяты первые 60 коллокаций, ранжированных по *logDice*. При сравнении полученных списков между собой вырисовывается следующая картина:

2.2. Для *chvíľa* характерны коллокации с глаголами и причастиями, обозначающими проживание некоторой ситуации: *prežiť* ‘пережить, испытать’, *prežitý* ‘пережитый, испытанный’, *strávený* ‘проведенный’, также с существительным и глаголом, обозначающим чувства как таковые: *pocít* ‘чувство’, *cítiť* ‘чувствовать’. Глаголы *prežívať* ‘проживать, испытывать’, *žažiť* ‘пережить, испытать’ и существительное *život* ‘жизнь’ равным образом характерны для *chvíľa* и *okamih*, но не для *chvíľka*.

Только *chvíľa* имеет высокую связанность с прилагательным *voľný* ‘свободный’. Глаголы *počkať* ‘ подождать’, *čakať* ‘ждать’ также связаны скорее с *chvíľa*; *čakať* ‘ждать’ появляется в верхней части списков только у *chvíľa*, а *počkať* ‘ подождать’ характерен и для *chvíľa*, и для *chvíľka*, однако у *chvíľka* он фигурирует главным образом в составе устойчивых сочетаний вида *počkať chvíľku* ‘ подождать минутку’. *Okamih* в данной понятийной сфере значимых коллокаций не имеет.

В ряде случаев *chvíľa* имеет высокую связанность с маркерами протекания ситуации: в первую очередь с глаголами *prísť* ‘прийти, наступить’ и *uplynúť* ‘пройти, истечь’. Глаголы *nastať* ‘настать, наступить’, *prestať* ‘перестать’ равно связаны с *chvíľa* и *okamih*, но не с *chvíľka*. Сюда же можно отнести коллокации *chvíľa* с прилагательным *posledný* ‘последний’ и наречием *potom* ‘потом’.

¹⁴ Ср., напр. в: *Stefanowitsch A. Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press, 2020. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3735822>

¹⁵ Мера вводится в работе: *Rychlý P. A lexicographer-friendly association score*. Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008 / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9, которая основывается на ранней статье Л. Дайса: *Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species*. Ecology. 1945. Vol. 26. №. 3. P. 297–302.

Далее, *chvíla* тяготеет к прилагательным, обозначающим позитивную оценку: *príjemný* ‘приятный’, *radostný* ‘радостный’, *sviatočný* ‘праздничный’, также к глаголам *spríjemniť* ‘скрасить, сделать приятным’, *spríjemňovať* ‘скрашивать, делать приятным’, также *blagosloviť* ‘благословить’. Прилагательные *krásny* ‘красивый, прекрасный’ и *nezabudnuteľný* ‘незабываемый’ имеют сопоставимые ранги у *chvíla* и *okamih* (у *chvíla* они несколько выше). Только у *okamih* в верхней части списков коллокаций появляется прилагательное *šťastný* ‘счастливый’.

Кроме того, *chvíla* имеет в качестве сильно связанных ментальные глаголы *zdať (sa)* ‘казаться’ и *(ne)vedieť* ‘(не) знать’. Для *chvíla* и *okamih* (но не для *chvílka*) свойственны коллокации с глаголами *zabudnúť* ‘забыть’, *uvedomiť (si)* ‘осознать’.

Только *chvíla* сочетается с прилагательными, подчеркивающими продолжительность промежутка: *hodný* ‘значительный’, *dlhý* ‘длинный’.

Характерно распределение лексем у перцептивных предикатов: на слуховое восприятие ориентированы *chvíla*, *chvílka*, ср. их коллокации с глаголом *ozvať (sa)* ‘раздаться’ – к зрительному тяготеет *okamih*, для которого свойственны сочетания с *zazrieť* ‘увидеть’.

2.3. *Okamih* сочетается с глаголами и причастиями, обозначающими появление чего-либо: *zjaviť (sa)* ‘появиться’, *nastávať* ‘наступать’, *prítomný* ‘текущий, данный’.

Высокие показатели меры ассоциации для *okamih* показывают прилагательные, маркирующие напряженность либо важность ситуации: *rozhodujúci* ‘решающий’, *zlomový* ‘переломный’, *osudový* ‘судьбоносный’, *klúčový* ‘ключевой’, *kritický* ‘критический’, *jediný* ‘единственный’, *dramatický* ‘драматичный’, *vzácný* ‘редкий’ и ряд других.

Из ментальных глаголов для *okamih* характерны сочетания с *pomyšlieť* ‘подумать’, *pochopiť* ‘понять’, *zaváhať (sa)* ‘засомневаться’, *zazdať (sa)* ‘показаться’.

Прилагательное *krátky* ‘короткий’ свойственно только для *okamih*, *kratúcky* ‘коротенький’ — для *okamih* и *chvílka*.

2.4. Для *chvílka* меры ассоциации демонстрируют, во-первых, высокую связанность существительного с лексикой, обозначающей тишину, паузу: *postáť* ‘остановиться, постоять’, *upokojiť (sa)* ‘успокоиться’, *zaspať* ‘заснуть’, *odpočínúť* ‘отдохнуть’, *stichnúť* ‘стихнуть’, *mlčanie* ‘молчание’, *ticho* ‘тишина’, *poкой* ‘покой’, с прилательным *slabý* ‘слабый’ — также *zdriemnúť* ‘задремать, подремать’, *oddýchnúť* ‘отдохнуть’, *oddych* ‘отдых’.

Chvílka сочетается с глаголом *pobudnúť* ‘побыть’, лишь у данного существительного в верхней части списков представлен глагол длительности *trvať* ‘длиться’.

Кроме того, в качестве коллокатов для *chvílka* свойственны следующие ментальные глаголы и отглагольные существительные: *váhať* ‘колебаться, сомневаться’, *váhanie* ‘сомнение’, *rozmyšľanie* ‘раздумье, размышление’,

premyslanie ‘размышление’, *zamyslenie* ‘раздумье’, *uvažovanie* ‘рассуждение, размышление’.

Наконец, частицы и местоимения распределены в списках следующим образом: *aspoň* ‘хотя бы, по крайней мере’, *ešte* ‘еще’, *až* ‘даже’, *ani* ‘ни’ — тяготеют к *chvíľa*; *len* ‘только, лишь’, *iba* ‘только, лишь’ — к *chvíľka*, частица *akoby* ‘словно, как будто’, а также местоимения *každý* ‘каждый’, *istý* ‘такой, определенный’, *daný* ‘данный’ — к *chvíľa*, *okamih*, но не к *chvíľka*.

2.5. Мы видим, что *chvíľa* в большей степени ориентирована на ситуации в их непосредственном протекании, на иррациональное восприятие, а также на периоды «наименьшей напряженности»¹⁶, *okamih* — на ситуации в их внешнем восприятии, на рациональное восприятие и на промежутки наивысшей напряженности. *Chvíľka* в этом смысле занимает промежуточную позицию: с одной стороны, она тяготеет к ситуациям наименьшей напряженности, которые носят повседневный, бытовой характер, с другой стороны, лексема, как и *okamih*, сочетается с большим числом ментальных глаголов / девербативов; кроме того, в ее значении присутствует сема сверхкраткости (ср. сочетаемость с ограничительными частицами).

3. CHVÍĽKA НА ФОНЕ НЕМЕЦКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Далее мы рассмотрим словацкий диминутив на фоне его немецких эквивалентов. Параллельный словацко-немецкий корпус в версии *par-skde 3.0*, на материале которого мы проводили наш анализ, был открыт пользователям в 2016 году и насчитывает 468 млн токенов / 318 млн слов. Специфика данного корпуса, которая во многом определяет методику поиска, состоит в том, что здесь практически отсутствуют оригинальные словацкие тексты. Корпус основан либо на произведениях немецкой художественной литературы в словацких переводах, либо на текстах, параллельно переведенных на немецкий и словацкий с третьего языка: в данном случае с польского и русского. Ввиду односторонней направленности параллельного корпуса речь далее пойдет о возможных словах / конструкциях в языке-источнике, переводным эквивалентом которых будет являться *chvíľka*¹⁷.

¹⁶ Подобная связанность *chvíľa* с состоянием покоя подтверждается, в частности, наблюдениями М.М. Кондратенко, который пишет, что «кашубское *šteña* (нем. *Stunde*), в частности, наводит на мысль о существовании такой группы заимствований, суть которой — в проявлении древнейшего актуализируемого в номинации признака. Таким признаком для репрезентации разных граней понятия времени может быть состояние покоя, отсутствия движения», см.: Кондратенко М.М. О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диалектах. Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. 1. С. 134.

¹⁷ Подобная методика применяется исследователями для уточнения семантики слов именно в языке-источнике: в частности, она используется для анализа значения диминутивного наречия *потихоньку* в работах: Сидорова Е.Ю. Диминутив «потихоньку» в текстах параллельного корпуса Часть 1. *Humanities & Science University Journal*. 2021. № 63. С. 66-75. https://doi.org/10.25807/22225064_2021_63_66; Она же. Ди-

Поскольку говорить здесь можно лишь о том, эквивалентами каких немецких лексем / конструкций является *chvílka*, в каждом конкретном случае мы будем говорить лишь о ее относительной частотности в качестве соотносительной единицы на фоне других словацких лексем кратковременности. Приводимые данные тем самым будут иметь вид «немецкая лексема X столько-то раз встречается в параллельном корпусе, из них столько-то раз переводится как *chvíla*, столько-то как *chvílka* и т.п.»¹⁸. В общей сложности *chvílka* насчитывает в словацко-немецком параллельном корпусе 974 вхождения.

3.1. В качестве эквивалента немецкого *Augenblick* лексема появляется 228 раз. В параллельном корпусе *Augenblick* насчитывает 5760 вхождений, в 1952 случаях ее переводным эквивалентом является *okamih*, и в 1471 — *chvíla*. Основным контекстом появления *chvílka* в переводе служат высказывания с ментальными предикатами. Часть глаголов имеет значение ‘задуматься’ или ‘засомневаться’:

- (1) Patrice Hollmann überlegte *einen Augenblick*. // Patrícia Hollmannová *chvílku rozmyšľala*. [Патриция Хольман *минуту размышляла*.]
- (2) Atréju zögerte *einen winzigen Augenblick*, dann flüsterte er... // Atréj *po chvílke váhania zašepkal*... [Минуту *поколебавшись*, Атрей прошептал...]

Другая часть контекстов предполагает некую паузу, перерыв, однако в этом случае либо следует некоторая эмоциональная реакция / размышление — ср. «почувствовал» в (3), «очарование» в (4):

- (3) Ich hielt *einen Augenblick* ihre Hand in meiner und spürte ihren warmen, trockenen Druck. // *Chvílku* som podržal jej ruku vo svojej a pocítil som jej teplé, suché stisnutie. [Я *ненадолго* задержал ее руку в своей и почувствовал ее теплое, сухое пожатие.]
- (4) Ich blieb *einen Augenblick* stehen; immer hatte diese Art von Musik, so sehr ich sie verabscheute, einen heimlichen Reiz für mich. // *Na chvílku* som sa pristavil; tento druh hudby, i keď sa mi protivil, mal pre mňa vždy skrytý rôvab. [*На минутку* я остановился: такая музыка, даже если все во мне этому сопротивлялась, имела для меня скрытое очарование.]

Это может быть также смягченная просьба подождать, когда лексема со значением моментальности в немецком / диминутив в словацком упо-

минутив «потихоньку» в текстах параллельного корпуса Часть 2. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 3404–3409, где специфика русской лексемы раскрывается именно через возможные слова-стимулы в английском языке. <https://doi.org/10.30853/phil210567>

¹⁸ Необходимость большей формализации данных при работе с параллельным корпусом подробно обосновывается в: Сичинава Д.В. Параллельные тексты в составе национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты. Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 194–235, там же приводятся различные возможные меры варьирования переводных эквивалентов.

требляются для того, чтобы подчеркнуть, что ожидание не будет долгим и потому не будет в тягость тому, кого просят. В оригинале подчеркивается сверхкраткость промежутка времени, вернее, его единичность: *einen Augenblick* в данном случае «один миг», в словацком употреблена диминутивная форма — ср. в (5) в оригинале *noch einen Augenblick*, т. е. ‘всего один миг’, в (7) в оригинале употреблена частица *doch* ‘же, все же’; в (6) частица появляется в словацком переводе.

- (5) Ihr müsst aber noch *einen Augenblick* warten, er hat gerade Besuch. // Musíte však *chvíľku* počkať, má práve návštevu. [Вам придется *немного подождать*, у него гости.]
- (6) Ja — ich möchte *für einen Augenblick* zu Ihnen gehören! // — No... rada by som patrila k vám... *aspoň na chvíľku*. [Я бы хотела побыть с вами, *хоть на минуту*.]
- (7) Sie bitte ich nun, mich doch bloß *für einen Augenblick* vorzulassen. // Proším ich, aby ma *aspoň na chvíľku* pustili dopredu. [Я прошу их, чтобы меня *хоть на минутку* пустили вперед.]

Еще одной обширной группой случаев, в которых *chvíľka* соответствует немецкому *Augenblick*, являются контексты, когда исходная ситуация резко меняется на прямо противоположную — в (8) герои быстро выбрались наружу, в (9) ненависть резко сменяется любовью, в (10) герой резко переходит от статики к движению:

- (8) Wir gingen darauf zu und befanden uns *wenige Augenblicke später* im Freien. // Šli sme za ním, a tak sme sa *o chvíľku* z jaskyne dostali na čerstvý vzduch. [Мы шли за ним, и *вскоре* выбрались из пещеры на свежий воздух.]
- (9) Die Menschen, die vor Stunden Omar steinigen wollten, lüstern noch bis *vor wenigen Augenblicken* auf seinen Tod warteten, jubeln ihm jetzt zu. // Tí istí ľudia, ktorí ešte pred niekoľkými hodinami chceli Omara ukameňovať, ktorí sa ešte *pred chvíľkou* nevedeli dočkať jeho smrti, mu teraz prevolávajú na slávu. [Те же самые люди, которые несколько часов назад хотели побить Омара камнями, которые *совсем недавно* требовали его смерти, теперь ему рукоплескали.]
- (10) *Einige Augenblicke* blieb es ruhig, dann rannte Mr Jonas hinter ihm her. // *Na chvíľku* všetci stáli, potom sa pán Jones rozbehol za ním. [*На минуту* все примолкло, потом мистер Джонс побежал за ним.]

Также в переводах встречаются высказывания с эксплицитированной модальностью возможности:

- (11) Sie sahen, daß er alle Anordnungen gegeben hatte, und hofften, ihn *für einen Augenblick* sprechen zu können. // Prikazy už vydal, dúfali, že sa s ním budú môcť *chvíľku* rozhovárať. [Распоряжения они уже отдали и надеялись, что им еще удастся с ним *немного* поговорить.]
- (12) // aus der Angst heraus, *jeden Augenblick* selbst angefallen zu werden. // Báľ sa, že môžu *každú chvíľku* prepadnúť aj jeho. [Он боялся, что они *вот-вот* возьмуться за него.]

3.2. Немецкому *Weile* словацкий диминутив соответствует в 134 случаях. Сама лексема *Weile* появляется в параллельном корпусе 2061 раз, из них в 1061 примере она переводится через *chvíla* и только в трех — через *Augenblick*. В случае с *chvílka* 31 вхождение насчитывают высказывания, где темпоральное существительное употреблено в простом предложении и речь идет о некоторой краткой паузе без последующего резкого изменения ситуации (стояла, молчали, остался в одиночестве).

- (13) Sie stand *eine Weile*. // *Chvílku* stála. [Она *немного* постояла.]
 (14) Anschließend saß Tu *eine Weile* schweigend da. // Potom *na chvílku* zmíkli. [Потом они *на минуту* смолкли.]
 (15) *Eine Weile* herrschte Schweigen. // *Na chvílku* zavládlo ticho. [*На минуту* наступила тишина.]
 (16) Vielleicht wollte er nur *eine Weile* allein sein. // Možno chcel byť iba *chvílku* osamote. [Возможно, он хотел *немного* побыть один.]

Многочисленную группу представляют фразы, когда герой (всегда в третьем лице) нечто говорит после короткой паузы:

- (17) Und *nach einer Weile* fügte sie hinzu... // *A po chvílke* dodala... [Помолчав минуту, она добавила...]
 (18) Es dauerte *eine kleine Weile*, dann fragte er... // *Po chvílke* sa spýtal... [Это продлилось *всего ничего*, потом он спросил...]
 (19) Atréju *schwieg eine Weile*, ehe er antwortete:... // Atréj *po chvílke mlčania* odpovedal... [*Немного помолчав*, Атрей ответил...]

Наконец, в третьей группе эквивалентов употреблена конструкция *noch eine Weile / ešte chvílku* ‘еще какое-то время, еще немного’.

- (20) Wir saßen *noch eine Weile*. // *Ešte chvílku* sme zostali sedieť. [Мы *еще немного* посидели.]
 (21) Ihr Kinder, ich bin *noch eine kleine Weile* bei euch. // Deti moje, *ešte chvílku* som s vami. [Дети мои, я *еще немного* побуду с вами.]

3.3. В 99 случаях *chvílka* соотносится с *Moment*. Немецкая лексема насчитывает 3364 вхождения в корпус, из них *chvíla* является эквивалентом в 907 случаях, *okamih* — в 511, *moment* в качестве переводного соответствия насчитывает 834 вхождения. Частотны здесь конструкции с глаголом *warten* ‘ подождать ’, который стоит в повелительном наклонении либо в прошедшем времени в режиме нарратива:

- (22) Warte *einen Moment*. // Počkej *chvílku*. [Подожди *минутку*.]
 (23) Wenn ihr *einen Moment* hier wartet, sehe ich mal nach. // Počkajte *chvílku*, idem sa pozrieť. [Подождите *минутку*, я схожу посмотрю.]

В частности, когда глагол употребляется в режиме нарратива, речь может идти о некоторой физической паузе (оставался), либо о ментальной (задумался, засомневался):

- (24) Mrs Holligan schwieg *einen Moment*. // Pani Holliganová *chvíľku* mlčala. [Миссис Холлиган помолчала *немного*.]
- (25) Vor dem Zelt blieb er *einen Moment* stehen. // Pred stanom sa *na chvíľku* zastavil. [Перед палаткой он *на минуту* остановился.]
- (26) *Einen Moment* lang sah es so aus, als schaue er Jericho geradewegs ins Gesicht. // *Chvíľku* mal pocit, akoby mu pozeral priamo do tváre. [*На минуту* у него было такое ощущение, словно он смотрит прямо на него.]

3.4. В 55 случаях *chvíľka* соотносится с немецкой лексемой *Zeit* ‘время’. Сама лексема *Zeit* имеет в параллельном корпусе 47 310 вхождений, в 665 случаях ей соответствует *chvíľa*, и в 175 — *okamih*. Чаще всего *chvíľka* появляется в переводе, если в оригинале употреблено словосочетание *kurzer Zeit* ‘краткое, короткое время’.

- (27) *Nach schon kurzer Zeit* kam er herauf und begab sich mit eiligen Schritten nach hinten zum Steuermann. // *O chvíľku* kapitán vyšiel zase na palubu a rýchlymi krokmi sa pustil ku kormidelníkovi. [*Почти тотчас же* капитан вышел на палубу и быстро направился к штурману.]
- (28) *Nach kurzer Zeit* wurde die Haushüre aufgeriegelt, und der Mann kam heraus. // *O chvíľku* bol počut škrípот odsúvanej závoru a muž vyšiel. [*Через минуту* раздался скрип замка, и мужчина вышел.]

Ср. также сходные по значению немецкие словосочетания *kleine Zeit* ‘малое, небольшое время’, и *einige Zeit* ‘какое-то время’.

- (29) Ich bin noch *eine kleine Zeit* bei euch, und dann gehe ich hin zu dem, der mich gesandt hat. // *Ešte chvíľku* som s vami, potom pôjdem k tomu, ktorý ma poslal. [*Еще минуту* я с вами, а потом отправлюсь к тому, кто меня послал.]
- (30) Ich wartete *einige Zeit* und rief wieder an. // *Chvíľku* som čakal a zavolať znovu. [Я еще *немного* подождал и снова позвал.]

3.5. В 33 случаях *chvíľka* является переводным эквивалентом *Minute* ‘минута’. Общее число вхождений *Minute* составляет 10 733, из них немецкая лексема переводится через *chvíľa* 182 раза, посредством *okamih* — 30 раз (для сравнения: словацкое *minúta* соответствует немецкой лексеме в 8371 случаях). Немецкое существительное чаще используется в конструкции *ein paar Minuten* ‘пара минут’, дабы подчеркнуть, что речь идет именно о неточном времени.

- (31) Professor, hätten Sie vielleicht in den nächsten Tagen *ein paar Minuten Zeit für einen kurzen* Besuch? // Pán profesor, našli by ste si po tieto dni *chvíľku času pre krátku* návštevu? [Господин профессор, не найдется ли у Вас *минутка времени* для небольшого визита?]
- (32) Binding war *in den paar Minuten* ein ganz anderer Mann geworden. // Z Bindinga sa *za tú chvíľku* stal celkom iný človek. [Биндунг *за эту минуту* стал совершенно иным человеком.]

Ср. также фразы с иным предложно-падежным оформлением *Minute*, когда собеседника либо просят подождать (33), либо подчеркивается значительность перемен для такого промежутка времени (34):

- (33) *Nur eine Minute*, hat der Erste Konsul gesagt. // *Iba chvíľku*, vrazil prvý konzul. [*Минутку*, сказал первый консул.]
- (34) Jericho *wartete eine Minute* und folgte ihnen ins Innere. // Jericho *chvíľku počkal* a potom sa vybral za nimi dovnútra. [Ерихо *немного* подождал и потом вошел за ними.]

3.6. В ряде случаев *chvíľka* выступает коррелятом для лексемы *Pause* ‘пауза, перерыв’ (32 вхождения). В данных контекстах речь, как правило, о некотором перерыве, молчании:

- (35) Er machte *eine kurze Pause*, blätterte in dem Block und fuhr fort... // *Na chvíľku* sa odmlčal, pozrel do zošita a pokračoval... [Он *ненадолго* промолчал, посмотрел в тетрадь и продолжал...]
- (36) *Eine Pause* entstand. Eine schrecklich peinliche Pause. // Nasledovala *chvíľka ticha*, veľmi trápna chvíľka. [Последовала *минута тишины*, крайне мучительная минута.]
- (37) Als Tschetansapa geendet hatte, trat *eine Pause* ein. // Keď Čierny Orol skončil, nastala *chvíľka ticha*. [Когда Черный Орел закончил, *ненадолго* наступила тишина.]

3.7. В 38 случаях *chvíľka* соответствует своему немецкому корреляту *Weilchen* (диминутивная форма от *Weile*). В корпусе *Weilchen* употреблено 146 раз, *chvíľka* является эквивалентом данной лексемы в 60 примерах, *chvíľočka* ‘минуточка’ — в 25, *okamih* — только в одном. Для *chvíľka* здесь возможна эквивалентность лексем при глаголах с перцептивной семантикой (в 38, 39 смотрел, наблюдал):

- (38) Herr Samsa drehte sich in seinem Sessel nach ihnen um und beobachtete sie still *ein Weilchen*. // Pán Samsa sa na stoličke za nimi obrátil a *chvíľku* ich tak pozoroval. [Господин Самса повернулся к ним на стуле и *минуту* так на них смотрел.]
- (39) Selten nur werden die Fenster geöffnet und wenn es geschieht, tut es ein Diener und lehnt sich dann wohl auch an die Brüstung, um *ein Weilchen* hinunterzusehn. // Obloky sa otvárajú len málokedy a ak sa tak stane, urobí to nejaký sluha a ten sa potom ešte oprie laktami o podobločnicu a *chvíľku* hľadá na ulicu. [Окна открывают редко, а если это и случится, это делает какой-нибудь слуга, потом опрется локтями на подоконник и *с минуту* глядит на улицу.]

Речь также может идти о некотором кратковременном перерыве в разговоре либо в размышлениях (т.е. во внутреннем разговоре):

- (40) K. hatte schon *ein kleines Weilchen* in einem halben Schlummer verbracht, nun war er wieder aufgestört. // K. už *na kratučkú chvíľku* padol do drie-

mot, teraz bol zase vyrušený. [К. ненадолго задремал, сейчас он снова был встревожен.]

- (41) Sie schwieg *ein Weilchen*, offensichtlich von Erinnerungen gepackt. // *Na chvíľku* zmĺkla, asi ju premohli spomienky. [*На минуту* она умолкла, на нее нахлынули воспоминания.]

Многочисленную группу составляют высказывания с выраженной модальностью, когда говорится о некоторой ситуации в будущем.

- (42) Ich lasse mir die Übersetzung noch *ein Weilchen*. // Ten preklad si *ešte chvíľku* ponechám. [Этот перевод я себе еще *ненадолго* оставлю.]
- (43) Wenn ich es wünschen darf, so möchte ich *ein Weilchen* nach der Heimat gehen und meine Eltern sehen. // Ak smiem vysloviť želanie, chcel by som ísť *na chvíľku* domov a uvidieť svojich rodičov. [Если я могу высказать свое желание, я хотел бы *ненадолго* отлучиться домой повидать родителей.]

3.8. В 27 случаях *chvíľka* соотносится с немецким *Sekunde*. В корпусе *Sekunde* насчитывает 4173 вхождения, из них *chvíľa* в переводах появляется 96 раз, *okamih* — 104 (словацкое *sekunda* 3425). Здесь, как правило, контекст предполагает ментальные действия (ненадолго задумался, засомневался):

- (44) Ich war *eine Sekunde* in Gedanken. // *Na chvíľku* som sa zamyslela. [*На минуту* я задумалась.]
- (45) “Außerdem”, er zögerte *eine Sekunde*, “waren da noch seine Augen.” // “Okrem toho,” *na chvíľku* zaváhal, “boli tam ešte tie jej oči.” [«Кроме того», засомневался он *на секунду*, «там еще были эти глаза».]

Таким образом, основным немецким коррелятом *chvíľka* является существительное *Augenblick* ‘миг, мгновение’, с которым словацкое существительное соотносится, если подчеркивается сверхкраткость промежутка, а также в случае, когда речь идет о некотором заданном интервале, вслед за которым следует резкое изменение ситуации на противоположную. Также *chvíľka* часто соответствует субстантиву *Weile* ‘минута, короткий отрезок времени’, если предполагаются речевые действия после краткой паузы, либо если не предполагается резкого изменения ситуации, а также когда предполагается некая пауза, перерыв. Другими коррелятами для *chvíľka* являются словосочетания *kurzer Zeit* ‘короткое время’, *ein paar Minuten* ‘пара минут’. Вместе с тем при переводе лексемы *Weilchen*, которая, будучи диминутивом от *Weile*, является полным формальным коррелятом *chvíľka*, словацкая лексема насчитывает практически одинаковое количество корреляций с недиминутивной *chvíľa*. Основными контекстами появления *chvíľka* в переводе являются глаголы перцептивной семантики, а также эксплицитированная модальность возможности в высказывании.

4. *CHVÍLKA* В СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКОМ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ

Объем, в котором представлена *chvílka* в словацко-венгерском параллельном корпусе, невелик: всего 129 вхождений¹⁹. Сам словацко-венгерский корпус в версии par-skhu-1.0, открытый в 2015 г., насчитывает 99 млн словоупотреблений / 75 млн слов. Как и в словацко-немецком, здесь представлены главным образом переводы венгерских текстов на словацкий язык, и можно говорить лишь о том, эквивалентом каких лексем / конструкций может являться *chvílka*. Тем не менее, основные тенденции таковы:

4.1. Лексема *pillanat* ‘миг, мгновение’ встречается в корпусе 1456 раз, из них *chvíla* является переводным эквивалентом лексемы в 525 случаях, *okamih* — в 413, *sekunda* насчитывает 66 вхождений, *minúta* — 32 и *chvílka* — 22 вхождения. Подавляющее большинство соответствий представляет употребление лексемы в интервальном значении (действие займет или заняло такой-то отрезок времени) в конструкции *egy pillanatra* ‘на миг’ / *na chvílku*:

- (46) Sir Yolland *egy pillanatra* kijött a sátora elé. // Sir Yolland vyšiel *na chvílku* pred stan. [Сир Йолланд *на минуту* вышел из палаты.]
- (47) A sarki lámpa fényénél *egy pillanatra* láthatta őket... // *Na chvílku* ich zočil v svetle náročnej lampy. [*На миг* он смог разглядеть их в свете угловой лампы.]
- (48) Úristen! *Csak egy pillanatra* letéphetném ezt a rongyot. // Bože, keby som mal voľnú ruku *aspoň na chvílku*. [Боже! Если бы мне *хоть ненадолго* (досл. *хоть на миг*) освободить руку (венг. «стряхнуть с себя эту тряпку»).]

Ср. также *egy pillanatra sem* ‘ни на мгновение, ни на миг’ / *ani na chvílku*, *egy pillanatig sem* ‘ни на мгновение’ досл. ‘ни до мгновения’ / *ani na chvílku*:

- (49) De *egy pillanatra sem* vette le a ravaszról az ujját. // Spúšť však nepustila *ani na chvílku*. [Она не убирала палец с курка *ни на миг*.]
- (50) Fáradt volt, hosszú órákig görnyedt a beteg fölött, és közben keze *egy pillanatra sem* pihent. // Bol unavený, dlhé hodiny sa hrbil nad chorým, jeho ruky si neodpočinuli *ani chvílku*. [Он устал, долгие часы он склонялся над больным, его руки не знали отдыха *ни на секунду*.]
- (51) *Egy pillanatig sem* haragudtam rád... // *Ani na chvílku* som sa na teba nehnemal... [*Ни секунды* я на тебя не сердился...]

4.2. Венгерское *perc* ‘минута’, которое в параллельном корпусе встречается 1442 раза, соответствует словацкому *chvílka* в 15 случаях — для сравнения приведем остальные его словацкие эквиваленты в рамках семантической группы: *minúta* — 1126 вхождений, *chvíla* — 87, *okamih* — 15.

¹⁹ В ряде случаев словацкий перевод не вполне точно соотносится с венгерским оригиналом, подобные расхождения мы будем оговаривать отдельно.

Здесь, как и в случае с *pillanat*, лексемы употребляются главным образом в интервальном значении. Это могут быть структурно эквивалентные конструкции *egy percce* ‘на минуту’ / *na chvílku*:

- (52) De azért álljunk csak meg *egy percce*. // Ale zato *na chvílku* sa zastavme. [Давайте хотя бы *на минуту* остановимся.]
- (53) ...És *egy percce* felment a szobájába. Azt állítja, hogy keményen nem tud ülni, mivel isiászban szenved. // ...Odbehla *na chvílku* do svojej izby a vřaví, že na tvrdom nemôže sedieť, lebo trpí na ischias. [...Она *ненадолго* (досл. «на миг, на минуту») скрылась у себя в комнате. Утверждает, что не может сидеть на твердом, поскольку страдает от ишиаса.]

Также встречаются конструкции *egy percig* досл. ‘до одной минуты’ / *chvílku*, *egypár percce* ‘на пару минут’ / *na chvílku*:

- (54) A katona *egy percig* zavartan nézett. // Vojak naňho *chvílku* začudovane hľadel. [Солдат *минуту* удивленно смотрел на него.]
- (55) Gyere *egypár percce* külön a többitől... // Pod’ *na chvílku* ďalej od ostatných. [*На минуту* отойди от остальных.]

В остальных случаях в оригинале употреблена лексема *perc* в сочетании с адъективным либо субстантивным определением:

- (56) Tudod, hogy a *gyönyör percét* is harccal kell kiérdemelned. // Vieš, že iba bojom môžeš si *chvílku slasti* vykúpiť. [Ты знаешь, что лишь в борьбе можешь заслужить *минуту наслаждения*.]
- (57) Potrien chef, az őrmester különleges gonddal vigyázott arra, hogy *egyetlen kellemes percet* se töltsünk a légióban. // Chef Potrien, náš rotmajster, dával si osobitne záležať na tom, aby sme v légii nestrávilí *ani jedínú príjemnú chvílku*. [Офицер Потриен, наш ротный командир, особенно следил за тем, чтобы мы в легионе не имели *ни одной приятной минуты*.]

4.3. В двух случаях мы наблюдаем корреляции с существительным *másodperc* ‘секунда’, которая употребляется в корпусе 338 раз (*chvíla* соответствует ему 13 раз, *okamih* — 10 раз, *sekunda* — 259 раз).

- (58) Csendben leült a sarokba, és amikor a török megfordult *egy másodpercre*, Vanek úr szerény mosollyal mondta... // Pán Vanek sa posadil potichučky do kútika a ozval sa skromnučko až vtedy, keď sa Turek *na chvílku* obrátil... [Он тихо сел в углу и когда турок повернулся *на минуту*, господин Ванек скромно (венг. «со скромной улыбкой») сказал...]
- (59) Sir Yolland *néhány másodpercig* szomorúan tisztogatta a monokliját. // Sir Yolland si *chvílku* smutne čistil monokel. [Сир Йолланд *какое-то время* (досл. «несколько секунд, минуту») грустно чистил свой монокль.]

4.4. Часть эквивалентов (14 вхождений) представляют интервальные конструкции с лексемой *idő* ‘время’ в сочетании с неопределенным артиклем *egy*, прежде всего *egy ideig* досл. ‘до какого-то времени’ / *na chvílku*, *egy*

időre ‘на какое-то время’ / *na chvílku*, также *egy kis időt* ‘небольшое время’ / *chvílku*:

- (60) *Egy ideig* csend volt. // *Na dlhšiu chvílku* zmlkli. [*На какое-то время* воцарилась тишина.]
- (61) Na megkérhetem, hagyjuk ezt most *egy időre* abba. // Ak vás smiem poprosiť, teraz to *na chvílku* nechajme. [Могу я Вас попросить, давайте сейчас *ненадолго* оставим это.]
- (62) Tölts el *egy kis időt* azzal, hogy áttekinted napodat az Úrral! // Stráv *chvílku* s Pánom a pozri sa na deň, ktorý je pred tebou. [Выбери (досл. «проведи») *минуту*, и взгляни вместе с Господом на тот день, который лежит перед тобой.]

4.5. В случае, если речь идет не о заданном интервале, но о следовании, конструкция *o chvílku* ‘соро, вскоре’ (досл. ‘через минутку’) соответствует венгерскому наречию *rövidesen* ‘соро, вскоре’.

- (63) *Rövidesen* felharsantak a túzoltótrombiták... // *O chvílku* už vonku zavýjali hasičské sirény... [*Вскоре* снаружи уже завывали пожарные сирены...]
- (64) *Rövidesen* jött ő is. // *O chvílku* prišla aj ona. [*Вскоре* пришла и она.]
- (65) *Rövidesen* megjelent a csendőr. // *O chvílku* sa ukázal žandár. [*Вскоре* появился полицейский.]
- (66) Na a hadnagy úr most rosszul bánik velünk, azt *rövidesen* sajnálni fogja... // Ak budete s nami teraz nakladať zle, pán poručík, tak to *o chvílku* oľutujete... [Если вы будете с нами плохо обращаться, господин поручик, *вскоре* вы пожалеете об этом..]

Далее, *o chvílku* может быть эквивалентом венгерского *később* ‘затем’, досл. ‘позднее’:

- (67) ...Dolguk volt a városban, de lehet, hogy *később* visszatérnek. // ...Majú akúsi prácu v meste, ale nie je vylúčené, že *o chvílku* sa vrátia! [...У них были какие-то дела в городе, но возможно, они *скоро* вернутся.]
- (68) *Később* egy jókora fényszórával felszerelve megjelent Würfli úr... // *O chvílku* *neskôr* upaľoval na kopec pán Würfli, obťažkaný poriadnym reflektorom. [*Вскоре* на холм вскарабкался господин Вюрфли, который тащил с собой огромный рефлексор...]

Еще одним коррелятом словацкой конструкции является наречие *azonnal* ‘соро, сейчас’:

- (69) *Azonnal* itt lesznek a mentők! // *O chvílku* príde sanitka! [*Сейчас* приедет скорая!]
- (70) Hogy *azonnal* felharsan az ébresztő, és kutyagolhatunk tovább... // Lebo *o chvílku* zaznie budíček a môžeme pochodovať ďalej... [*Вот-вот* зазвонит будильник, и мы сможем отправиться дальше.]

4.6. Конструкциям со значением предшествования вида «*po chvílke* + р. п. отглагольного существительного, обозначающего предшествующую ситуацию», соответствуют в венгерском сочетания «*rövid* ‘короткий’ / *némi* ‘какой-то’ + отглагольное существительное + послелог *után* ‘после’»:

- (71) *Rövid tapogatódzás után* megtaláltuk a lépcsőlejárót. // *Po chvílke tápania* našli sme schody. [Через какое-то время мы нащупали ступени к выходу.]
- (72) – Itt van!, — mondta De Surenne *rövid vizsgálódás után*. // — Tu je to, — ozval sa markíz de Surenne *po chvílke skúmania*. [– Нашел! (досл. «Вот оно!»), — отозвался маркиз де Сюрен *после недолгого осмотра*.]
- (73) – Kiégett, — mondta *némi gondolkodás után* halkan, s úgy láttam, megrendülten. // — Vyhorel, — povedala *po chvílke premyšľania* ticho a zdalo sa mi, že pohnuto. [– Он сгорел, — сказала она, *немного подумав*, тихо и, как мне показалось, подавленно.]
- (74) ...Amikor a hálószobát szüleim végre magukra zárták, *némi várakozás után* óvatosan fölkelhettem, és összes félelmeim legyőzését játszva, kiszökhettem a teraszra. // ...Keď sa rodičia konečne zavreli v spálni, *po chvílke čakania* som mohol opatrne vstať a tváriac sa, že som prekonal všetky svoje strachy, som sa vykradol na terasu. [...Когда родители заперлись у себя в спальне, *я чуть подождал*, затем осторожно встал и, убеждая себя, что смог преодолеть все свои страхи, прокрался на террасу.]

Другим эквивалентом словацкой темпоральной конструкции может быть в венгерском сочетание *kevés vártatva* ‘через какое-то время’, досл. ‘немного подождав’:

- (75) *Kevés vártatva* hozzátette... // *Po chvílke* dodal... [Через какое-то время он добавил...]
- (76) – Az nem kísértethajó, — monda *kevés vártatva*. // — To nie je strašidelná loď, — povedal *po chvílke*. [– Это не корабль-призрак, — сказал он *через какое-то время*.]

Конструкции со значением предшествования *pred chvílkou* (досл. ‘перед минуткой’) соответствует в венгерском языке наречие *az előbb* (определенный артикль + сравнительная степень от послелога *előtt* ‘перед’, то есть ‘ранее’):

- (77) – *Az előbb* azt mondta, figyelnek... // — *Pred chvílkou* ste vraveli, že nás rozozgujú. [– *Только что* (досл. «минуту назад») Вы говорили, за нами наблюдают.]
- (78) Igen, lehet, az *előbb* még figyeltek. // Áno, nie je to vylúčené, *pred chvílkou* nás ešte rozozovali. [Да, это возможно (не исключено), *только что* за нами наблюдали.]

Мы видим, что в интервальном значении *chvílka* соотносится в первую очередь с венгерскими субстантивными лексемами *perc* ‘минута’, *pillanat* ‘миг’ и *idő* ‘время’, в генитивных конструкциях со значением ‘отрезок вре-

мени, для которого характерно состояние X' — с существительным регс 'минута', а в предложно-падежных конструкциях со значением предшествования и следования — с наречной лексикой, такой, как *rövidesen* 'скоро, вскоре', *később* 'затем', *azonnal* 'скоро, сейчас', *kevés vártatva* досл. 'немного подождав'; также *az előbb* 'ранее, только что'.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что словацкое существительное *chvílka* занимает своего рода промежуточную позицию между *chvíľa* и *okamih*, когда сема малой размерности, эксплицированная в диминутивном суффиксе, позволяет данному существительному приобретать нейтральный статус, свободный от коннотаций с минимальной / максимальной напряженностью ситуации; в ее значении доминирует сема сверхкраткости, при этом словацкая диминутивная лексема не имеет «этикетной специализации». В немецком языке ее наиболее полным семантическим коррелятом является *Augenblick*, которое в качестве стимула демонстрирует наибольшее количество вхождений; также *Weile*, которое при переводе соответствует словацкому *chvílka* в случаях, когда речь идет о некоторой краткой паузе, не предполагающей последующего резкого изменения ситуации. Другими эквивалентами словацкого темпорального диминутива могут являться немецкие темпоральные существительные *Moment* 'момент, миг', *Pause* 'пауза, перерыв'; также словосочетания *kurzer Zeit* 'короткое время', *ein paar Minuten* 'пара минут'. Вместе с тем, полный структурный коррелят словацкого темпорального диминутива, каковым в немецком языке является *Weilchen*, представлен в качестве стимула лишь в достаточно ограниченном количестве случаев. В венгерском языке, обладающем иной системой темпоральных существительных, словацкому диминутиву при употреблении в интервальном значении соответствуют лексемы *pillanat* и *perc*, в иных значениях его переводными эквивалентами могут являться некоторые темпоральные наречия, такие как *rövidesen* 'скоро, вскоре', *később* 'затем', *azonnal* 'скоро, сейчас' и др.

Источники

Barczy G., Országh L. et al. A Magyar nyelv értelmező szótára. Budapest: Akadémiai kiadó, 1959–1962. I–VII kötet. URL: <http://mek.oszk.hu/adatbazis/magyar-nyelv-ertelmezo-szotara/elolap.php> (дата обращения: 22.03.2023).

Slovenský národný korpus — prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2022. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 22.03.2023).

Литература

- Зубов Н.И. Славяно-немецкие межязыковые параллели: из наблюдений над лексико-семантической типологией германизмов. Доклад к XV Международному съезду славистов. (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Київ: Освіта України, 2013.
- Кондратенко М.М. О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диалектах. Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I. С. 133–136.
- Кондратенко М.М. Особенности диалектной семантики и проблема языковой картины мира. Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 63–67.
- Кузьменкова В.А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания. Язык. Сознание. Коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. 34. С. 38–44.
- Нещименко Г.П. Диминутивные деривационные цепочки и их преобразование в чешском языке. Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 46–59.
- Резанова З.И. Субъективные образы времени в славянских языках: диминутивные модели. Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 163. <https://doi.org/10.17223/18137083/60/14>
- Сидорова Е.Ю. Диминутив «потихоньку» в текстах параллельного корпуса. Часть 1. Humanities & Science University Journal. 2021. № 63. С. 66–75. https://doi.org/10.25807/22225064_2021_63_66
- Сидорова Е.Ю. Диминутив «потихоньку» в текстах параллельного корпуса. Часть 2. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 3404–3409. <https://doi.org/10.30853/phil210567>
- Сичинава Д.В. Параллельные тексты в составе национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты. Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 194–235.
- Шмелева Т.В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 50–57. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2018-1-50-57>
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
- Dice L. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species. Ecology. 1945. Vol. 26. №. 3. P. 297–302.
- Káňa T. Česká a německá deminutiva na pozadí korpusových dat. Habilitační práce. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta. Brno, 2016.
- Newerkla S.M. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Frankfurt-am-Main, Berlin, Oxford, Wien: Peter Lang Verlag, 2011. 780 p.
- Rychlý P. A lexicographer-friendly association score. Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008 / eds. P. Sojka, A. Horák. Brno: Masaryk University, 2008. P. 6–9.
- Stefanowitsch A. Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin: Language Science Press, 2020. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3735822>

References

- Dice, L., 1945. Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species. *Ecology*, 26 (3), pp. 297–302.
- Iakovleva, E.S., 1994. Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of Space, Time and Perception). Moscow: Gnozis. (In Russian)
- Káňa, T., 2016. *Česká a německá deminutiva na pozadí korpusových dat*. Habilitační práce. Masaryk University, Faculty of Arts.
- Kondratenko, M.M., 2013. About Semantic Parallels and Borrowings in the German and Slavic Dialects. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3 (I), pp. 133–136. (In Russian)
- Kondratenko, M.M., 2016. Dialect Semantic Features and Linguistic Worldview Problems. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 1, pp. 63–67. (In Russian)
- Kuz'menkova, V.A., 2007. The Diminutive as a Means of Expressing the Implicit Meanings of an Utterance. In: V.V. Krasnykh, A.I. Izotov, eds, 2007. *Language. Consciousness. Communication: Collection of Articles*. Moscow: MAKS Press. Issue 34, pp. 38–44. (In Russian)
- Neshchimenko, G.P., 1970. Diminutive derivational chains and their transformation in Czech. *Voprosy iazykoznanii*, 6, pp. 46–59. (In Russian)
- Newerkla, S.M., 2011. *Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch*. Frankfurt-am-Main, Berlin, Oxford, Wien: Peter Lang Verlag, 2011. 780 p.
- Rezanova, Z.I., 2017. Subjective Images of Time in Modern Slavic Languages: Diminutive Models. *Siberian Journal of Philology*, 3, pp. 161–173. <https://doi.org/10.17223/18137083/60/14> (In Russian)
- Rychlý, P.A., 2008. A lexicographer-friendly association score. In: P. Sojka, A. Horák, eds, 2008. *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, RASLAN 2008*. Brno: Masaryk University, pp. 6–9.
- Sidorova, E.Iu., 2021. Diminutive “Потихоньку” (Little by Little) in the Texts of the Parallel Corpus. Part 1. *Humanities & Science University Journal*, 63, pp. 66–75. https://doi.org/10.25807/22225064_2021_63_66 (In Russian)
- Sidorova, E.Iu., 2021. Diminutive “Потихоньку” in the Texts of Parallel Corpus. Part 2. *Philology. Theory & Practice*, 14 (11), pp. 3404–3409. <https://doi.org/10.30853/phil210567> (In Russian)
- Sichinava, D.V., 2015. Parallel Texts within the Russian National Corpus: New Directions and Results. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova*, 6, pp. 194–235. (In Russian)
- Shmeleva, T.V., 2018. Diminutive and Semantics of Nouns: Lexis of Time. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 1, pp. 50–57. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2018-1-50-57> (In Russian)
- Stefanowitsch, A., 2020. *Corpus linguistics. A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3735822>
- Zubov, N.I., 2013. *Slaviano-nemetskie mezh"iazykovye paralleli: iz nabliudenii nad leksiko-semanticheskoi tipologii germanizmov. Doklad k XV Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov. (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.)* [Slavic-German Cross-Language Parallels, From Observations of the Lexical-Semantic Typology. The Report to the XV International Congress of Slavic (Minsk, 20–27 August 2013)]. Kiev: Osvita Ukraïni. (In Russian)

ГЕНИТИВ ВРЕМЕНИ В ГОВОРЕ СЛАТИНСКОГО КРАЯ ОКОЛО БАНЯ-ЛУКИ (РЕСПУБЛИКА СЕРБСКАЯ)

Дияна М. Црняк

Доктор филологических наук, профессор,
филологический факультет
Университета Баня-Луки
Почтовый адрес: Бульвар воеводы Петра
Бойовича, 1А,
Баня-Лука, 78000,
Республика Сербская, Босния и Герцеговина
Электронный адрес: dijana.crnjak@ff.unibl.org

Биляна М. Савич

Доктор филологических наук,
научный сотрудник,
Институт сербского языка
Сербской академии наук и искусств
Почтовый адрес: ул. Кнеза Михаила, 36/1,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: savicmbiljana@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3144-9850

Аннотация

В статье выделяются синтаксическо-семантические модели генитива времени со значением временной идентификации — временной локализованности (симультанность и сукцессивность) и временной квантификации, речь идет о временной квантификации в узком понимании (лонгитудинальность, предельность и ингрессивность) и временной частотности (регулярность). Выделяются типичные временные значения с генитивом: значение прямой временной локализованности без представления о протекании времени с маркером процессуальности (-): *усред / почетком / у концу / концем* + генитив; значение прямой временной локализованности с представлением о протекании времени с маркером процессуальности (+): *преко / за врејеме* + генитив; значение прямой временной локализованности, немаркированной с точки зрения представления о протекании времени, снабженное маркером процессуальности (+/-): *код* + генитив; значение прямой временной локализованности с маркированием актуализации: *овај, неки, један, исти, прошли, први, други* + генитив; значение неопределенной непрямой временной локализованности с маркированием линейной циркумлативности: *око* + генитив; значение определенной непрямой временной локализованности — временная антериорность: *прије / уочи / испред* + генитив и временная постериорность *послије / иза* + генитив. Значение временной квантификации в узком понимании реализуется как лонгитудинальность (*читав / цијели* + генитив), ингрессивность (*од* + генитив) и предельность (*до* + генитив), в то время как временная частотность фиксируется в значении регулярности (*сваки* + генитив). Анализируемый корпус собран в ходе полевого исследования говора Слатинского края (северо-запад Республики Сербской). Выделенные аспекты временных отношений, которые выражаются генитивом, сравниваются с состоянием в родственных говорах герцеговинско-краишского диалекта.

Ключевые слова

Сербские говоры Слатинского края, восточная группа северо-западной части герцеговинско-краишского диалекта, синтаксис падежей, генитив времени

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия, договор 451-03-47/2023-01 заключен с Институтом сербского языка Сербской академии наук и искусств

Статья поступила в редакцию 14 мая 2023 г.

Статья доработана автором 12 июня 2023 г.

Статья принята в печать 23 июня 2023 г.

Цитирование: Црняк Д.М., Савич Б.М. Генитив времени в говоре Слатинского края около Баня-Луки (Республика Сербская). Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 87–102. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.05>

TEMPORAL GENITIVE IN THE SPEECH OF THE SLATINA REGION NEAR BANJA LUKA (REPUBLIC OF SRPSKA)

Dijana M. Crnjak

Ph.D., Full Professor,
Faculty of Philology,
University of Banja Luka
Postal address: Bulevar vojvode Petra
Bojovića, 1A, Banja Luka, 78000,
Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina
E-mail: dijana.crnjak@flf.unibl.org

Biljana M. Savić

Ph. D., Researcher,
Institute for Serbian Language of SASA
Postal address: Kneza Mihaila str., 36/I,
Belgrade, 11000, Serbia
E-mail: savicmbiljana@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3144-9850

Abstract

This paper isolates the syntactic and semantic models of the temporal genitive with the meaning of temporal identification — temporal localization (simultaneity and successiveness) and temporal quantification, specifically temporal quantification in the narrow sense (longitudinality, terminativeness and ingressiveness) and temporal frequency (regularity). It further isolates typical temporal meanings expressed by the genitive: direct temporal localization without awareness of the passing of time, with the presence of processuality markers (-): *usred/ početkom/ u koncu/ koncem* + genitive; direct temporal localization with awareness of the passing of time, with the presence of processuality markers (+): *preko/ za vrijeme* + genitive; direct temporal localization unmarked in terms of awareness of the passing of time, with the presence of processuality markers (+/-): *kod* + genitive; direct temporal localization with actualization markers: *ovaj, neki, jedan, isti, prošli, prvi, drugi* + genitive; indefinite indirect temporal localization with linear circumlativity markers: *oko* + genitive; definite direct temporal localization — temporal anteriority: *prije/ uoči/ ispred* + genitive and temporal posteriority: *poslije/ iza* + genitive. The meaning of temporal quantification in the narrow sense is expressed as longitudinality: *čitav/ cijeli* + genitive, ingressiveness: *od* + genitive and terminativeness: *do* + genitive, while the temporal frequency was confirmed in the meaning of regularity: *svaki* + genitive. The corpus was collected in field research of the speech of the Slatina region in the north-west of the Republic of Srpska. The analysis compared the recorded aspects of temporal relations expressed with the genitive to the state in similar speeches of the Herzegovina-Krajina dialect.

Keywords

Serbian speeches of the Slatina region, eastern group of the north-west branch of the Herzegovina-Krajina dialect, syntax of cases, temporal genitive

Funding

The study was financially supported by the Ministry of Science, Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia, contract 451-03-47/2023-01 was concluded with the Institute of the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts

Received 14 May 2023

Revised 12 June 2023

Accepted 23 June 2023

How to cite: Crnjak, D. M., Savić, B. M., 2023. Genitiv vremeni v govore slatinskoga kraia okolo Bania-Luki (Republika Serbskaia) [Temporal Genitive in the Speech of the Slatina Region near Banja Luka (Republic of Srpska)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 87–102. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.05>

1. Села Четојевићи (Четојевићи), Јружани (Јаружани), Кадиняни (Кадињани), Горња-Слатина и Доња-Слатина (Горња и Доња Слатина), Мало-Блашко и Велико-Блашко (Мало и Велико Блашко) и Шушњари (Шушњари) вместе с курортным местом Слатина относятся к Слатинскому краю. Расположены они в общине Лакташи на правом берегу реки Врбас в двенадцати километрах от Баня-Луки. Перечисленные села, населенные сербами, согласно классификации сербских диалектов¹ относятся к восточной группе северо-западной части герцеговинско-краиншского диалекта. Материалом для настоящей статьи послужили собранные полевые данные из перечисленных сел, тем самым мы продолжаем наши исследования говора Слатинского края².

В статье представлены синтаксическо-семантические модели генитива времени в говоре Слатинского края³, сравнивается состояние с родственными говорами⁴ и с диалектным материалом, уточняется место слатинского говора в составе герцеговинско-краиншского диалекта как единого целого.

2. Темпоральность как семантическая категория, в центре которой находится грамматическая категория времени, характеризуется как *темпоральная идентификация / временная локализованность* (выделение отрезка на временной оси и расположение предикации по отношению к данному временному отрезку⁵) и *темпоральная квантификация* (измерение предикации во времени⁶).

¹ Драгичевић М. Говор личких јакаваца. Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. П. Ивић. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски језик, 1986. Књ. 32. С. 226–228; *Idem*. Најзападнији српски говори данас. Зборник за српски језик, књижевност и умјетности. 2001. Књ. 1. С. 86–87.

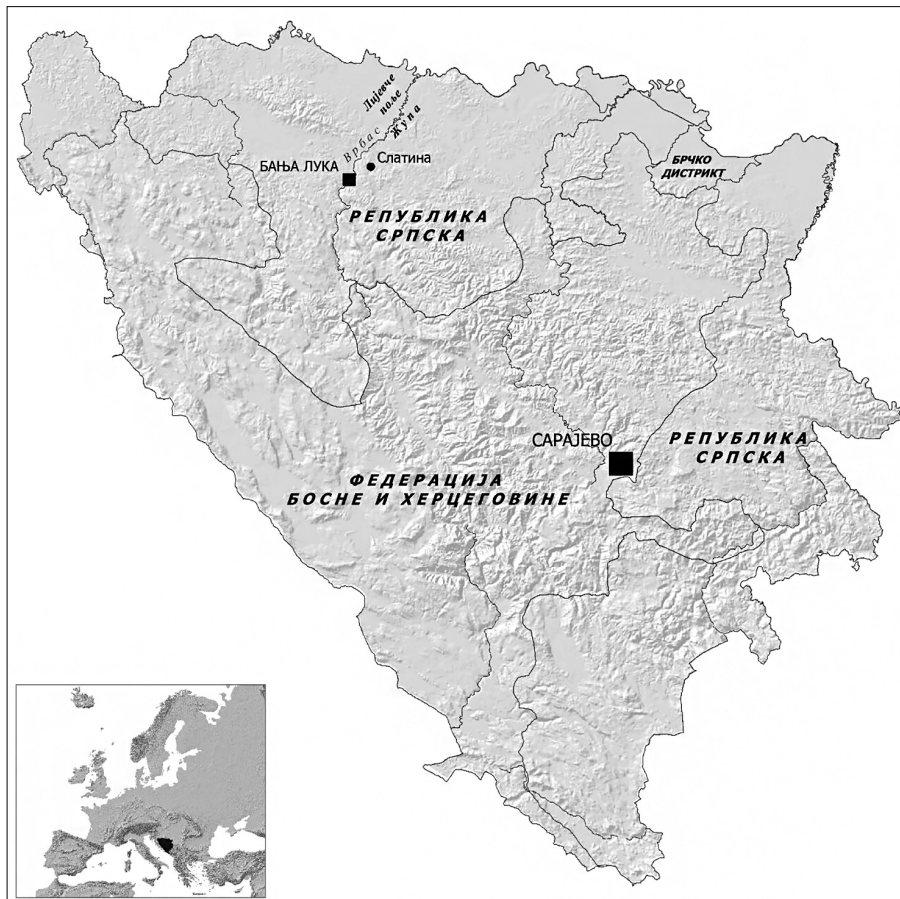
² Данные о работах, вышедших до 2017 г. см. в библиографии: Савић Б. Народна медицинска лексика Великог Блашка (код Бањалуке). Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. С. Реметић. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српски језик САНУ, 2017. Књ. 64. С. 995–996. Позже опубликовано также: Савић Б. М. Из лексике одијевања у Великом Блашку (код Бањалуке). Језици и културе у времену и простору / уред. С. Гудурић, Ј. Дражић, М. Стефановић. Нови Сад: Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет; Педагошко друштво Војводине, 2022. № 10 (1). С. 205–216; *Idem*. Лексика плетарства (на основу грађе из Великог Блашка код Бањалуке). Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. С. Реметић. Београд: Српска академија наука и уметности, Институт за српски језик САНУ, 2022. Књ. 69. С. 311–331. (Перечисленные работы доступны в интернете: <https://dais.sanu.ac.rs/>).

³ Классификация материала основана на принципах, изложенных в «Темпорални (временски) генитив» у: Антонић И. Синтакса и семантика падежа. Синтакса савременога српског језика: проста реченица / ред. М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2005. С. 158–164.

⁴ Подробнее о падежах в штокавских говорах см.: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа: метафоризација простора. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018. (Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија; књ. 25).

⁵ Антонић И. Реченице с временском клаузом. Синтакса сложене реченице у савременом српском језику / ред. П. Пипер. Нови Сад: Матица српска; Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018. С. 301.

⁶ *Ibid.* С. 326.

Слатина на карте Республики Сербской, Боснии и Герцеговины
Slatina on the map of Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina

2.1. Временная локализованность проявляется как *прямая временная локализованность* — *симультанность* и *непрямая временная локализованность* — *сукцессивность*.

2.1.1. Прямая временная локализованность — симультанность

Значение прямой временной локализованности без представления о протекании времени (статичное понимание времени) с маркером процессуальности (-) выражается сочетанием *УСРЕД* («посреди») + генитив⁷. Предлог указывает на то, что действие помещено в центральную часть временного локализатора «при дополнительном прагматическом условии: внезапность — удивление — негодование по отношению к содержанию

⁷ Антонић И. Синтакса и семантика падежа... С. 154.

пропозиции»⁸. Существительные в генитиве при данном предлоге в нашем материале обозначают период (времена года), а также иные временные отрезки: *Гром загрмје на Светога Саву, усред^м зиме, кад му вр^нјеме није — тако каже пјесма; У тој кући је и усред љета студено; Није баш згодно ка-те усред ноћи пробуде.*

Данное значение обнаруживается и в сочетании *ПОЧЕТКОМ* («в начале») + генитив, в генитиве употребляется лексема *рат* («война»), имеющая значение невременного понятия, но в подобных примерах функционирующая как временной ориентир (непосредственный отсчет времени по отношению к какому-либо событию): *Само једно може бити, да су те слике побацине почетком Другог^к светског рата; Он је почетком Другог^к светског рата утеко одавде.*

В материале встречаются модели *У КОНАЦ / КОНЦЕМ* («в конце») + генитив, при этом существительные, обозначающие календарный год, названия месяцев, выступают в функции временного локализатора: *Они су се задржали, у конач тријез-девете дошли; Бресква рана стигива концем маја; Чаројице иду концем једанестог мјесеца.*

Прямая временная локализованность с представлением о протекании времени (динамическое понимание времени), имеющая маркер процессуальности (+)⁹, в нашем материале выражается при помощи сочетаний *ПРЕКО / ЗА ВРИЈЕМЕ* («в течение, во время») + генитив.

Перлятивное сочетание *ПРЕКО* + генитив употребляется с существительными, которые называют конвенциональную единицу времени (*година* «год»), с лексемами, которые обозначают времена года (*љето, зима* «лето», «зима»), часть дня (*дан* «светлое время суток») или период, связанный с человеческой деятельностью (*сезона* «сезон»). Анализируемое сочетание имеет временное значение «во время, за время»: *он туде буде преко љета; та земља стоји преко зиме да с^е измрзне; туде су били преко сезоне тамбурашки оркестри; Да би човјек би^о здрав преко ц^нјеле год^не, корисно се окупат на Ђурђевдан рано, прије изласка сунца; обноћ се ходало и то бирало, а преко дана су з^нјавет^нли¹⁰.*

С предлогом *ПРЕКО* зафиксирован также один пример со значением превышения временной границы: *то пр^нјеђе преко времена* (о выжеребке. — Д. Ц., Б. С.) *и оне стар^нце, жене кажу: «Ајде, синко, дај коб^нли соли из вертуна».*

⁸ *Antonić I.* Temporalni genitiv s predlogom usred. Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 1999. Књ. 42. С. 138.

⁹ *Антонић И.* Синтакса и семантика падежа... С. 154.

¹⁰ В список лексикализаторов включается материал с плато Романия, из восточной Боснии и Змижня: *Симић З.* Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 113–114; *Танасић С.З.* Падежи за обиљежавање времена у говору источнобосанских Ера. Годишњак за српски језик / уред. Б. Димитријевић. Ниш: Филозофски факултет у Нишу, 2013. Год. 26. № 13. С. 534–535; *Петровић Д.* О говору Змијања. Нови Сад: Матица српска, 1973. С. 159.

Наибольшим числом маркеров *процессуальность* (+) в корпусе обладает падежная модель *ЗА ВРИЈЕМЕ* + генитив. В качестве временного лексикализатора были зафиксированы¹¹:

– название правящего народа в определенный период: *за вр^нјеме Турака попови туј били; поп Стеван, он је би'о најглавни'и овде за вр^нјеме Турака;*

– существительное *рат* («война»): *Трбушни тифус је би'о за вр^нјеме онога рата; један је у Мађарској, Будимпешти, погино за вр^нјеме рата аустријанског;*

– названия стран и правителей, которые оставили след в нашей истории: *То је за вр^нјеме још старе Југославије, за вр^нјеме Карађорђевића, Александра*¹²;

– другие единицы времени: *домаћин изађе, кљуцне онај огранак, неко дрво са сикиром за вр^нјеме св^нјеће; за вр^нјеме зиме ис-Траписта крену, кад запада вел^нки сн^нјег.*

Данная модель нередко редуцируется до сочетания *ЗА* + генитив:

– при названии стран, часто в сочетании с определением: *Ја само памтим што је било за Аустрије и за старе Југославије; Све је то помрло, то је прије сто година, за Краљев^не; Е, па задње чаро^нице, ја мислим, то је прекинута већ^н за бивше Југославије, прошле, бивше Југославије*¹³;

– при существительном *рат*: *Та је стара црква, кажу прије несто година да је дошла ту, а да л је дошла, да л није, за некога рата; Славим увече Никољдан, како м^н је брат једини погино за онога рата*¹⁴;

– при существительном *вријеме* («время») в генитиве употребляется деноват обладателя власти: *Лончари су дошли за турскога времена из Лике; За данашње власти, наше данашње власти, н^нјесу одале чаро^нице; Била су масла једноч и за ове државе*¹⁵;

– при девербативных и других существительных с определением и без определения: *Поштовање у кући је било за мога памћења, ка-сам ја би'о д^нјете; три пут за свог младога времена би'о сам у чаро^ницама; за оног времена посл^нје дошо Остоја Вас^нћ; тегобу проведо за овога свог живота; у расвитање, за ноћи, да је дошо кући*¹⁶.

¹¹ Похожие примеры отмечены также в: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 16-118.

¹² Примеры с названиями государств находим в восточногерцеговинских Ерах, у екавцев Лики и в западнобоснийских иекавских говорах: Танасић С.З. Падежи за обиљежавање времена... С. 534; Драгичевић М. Говор личких јекаваца... С. 182; Дешић М. Западнобосански ијекавски говори. Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. П. Ивић. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1976. Књ. 21. С. 283.

¹³ Похожие примеры встречаем и в говорах Лики и западной Боснии, см.: Драгичевић М. Говор личких јекаваца... С. 182; Дешић М. Западнобосански ијекавски говори... С. 283.

¹⁴ То же самое отмечено в говоре Бани и Кордуна: Петровић Д. Говор Баније и Кордуна. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Просвјета, 1978. С. 127.

¹⁵ Похожие свидетельства находим в Змијане: Петровић Д. О говору Змијања... С. 156.

¹⁶ Также в Бани и Кордуна: Петровић Д. Говор Баније и Кордуна... С. 127.

В этом же значении зафиксирован генитив существительного *година* («год») с количественным обязательным детерминатором: *већ тридесетих година почињу и наши одласци у пољопривредну школу*.

Прямая временная локализованность, немаркированная по отношению к представлению о протекании времени и имеющая маркер процессуальности (+/-)¹⁷, в нашем материале обнаруживается при употреблении генитива девербативного существительного с предлогом *КОД* («у»): *Па научи'o сам од других стари'их момака, на зборов'ма у колу, ко-црква, вјерских зборова и састанака*.

Прямую временную локализованность с маркированием актуализации характеризует употребление генитива с обязательным детерминатором в функции актуализатора дейктического типа: анафорических местоимений *овај, тај, онај* («этот, тот»), неопределенного местоимения *неки* («какой-то»), лексемы *један* («один»), прилагательных типа *исти, прошли, идући* («тот же», «прошлый», «следующий»), порядкового числительного *први, други* («первый», «второй») и др.¹⁸ Типичными лексикализаторами генитивной конструкции в нашем материале являются лексемы *дан, јутро, година* («день», «утро», «год»), существительные, которые обозначают дни недели, времена года и т. д.: *доће ти она тог дана; Оног јутра ка-ће умр'јет зовне сву чельад да се алале; Жени сина ове год'не; Они данас чине једнога петка, а друго' четвртка или петка сусједно село; једне прил'ке — нема цркве; Истог дана буде пе-шест свадби; владика је прошлога рата заклан у Врбањи; Ја и Милан ишли неке год'не у Београд*¹⁹.

Временным идентификатором реализации предикации нередко является календарный год, иногда без выраженного локализатора *година*: *Иљаду деветсто двадесет и друге год'не, тада кат сам ја имо пет⁰ година; И онда сам почео са иштијачем прекопават иездесет пете*²⁰.

В этой функции встречается и дата, в самостоятельном употреблении или при упоминании года: *двајеш-четвртога јуна — то је Вратоломије, крсно име Још'ћа; рођен сум седмога четвртога иљаду девето седамнесте*²¹.

2.1.2. Непрямая временная локализованность (неопределенная и определенная) — сукцессивность — означает помещение предикации за пределы границ выделенного временного отрезка²², причем предикация на про-

¹⁷ Антонић И. Синтакса и семантика падежа... С. 155.

¹⁸ Ibid. С. 156.

¹⁹ Также в других говорах. Ср.: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 102–105; Петровић Д. О говору Змијања... С. 153; Идет. Говор Баније и Кордуна... С. 126; Дешић М. Западнобосански ијекавски говори... С. 278; Драгичевић М. Говор личких јекаваца... С. 180; Танасић С. З. Падежи за обиљежавање времена... С. 532.

²⁰ Ср.: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 106–108.

²¹ Ср.: Ibid. С. 108–109.

²² Антонић И. Реченице с временском клаузом... С. 315.

тяжении всей своей длительности может предшествовать локализатору (*антериорность*), следовать после него (*постериорность*), или отношение успешивности является неопределенным по отношению к распределению на временной оси (*невъраженная успешивность*).

Неопределенная непрямая временная локализованность с маркером линейной циркумлативности выражается конструкцией *ОКО* («около») + генитив / аккузатив²³. В нашем материале при данном сочетании со значением «приблизительно во время X» употребляются существительные, которые обозначают праздники, количественные квантификаторы в аккузативе с существительным *сам* («час») в генитиве (которое иногда не выражено), а также даты или другие существительные: *Ал највише је посла око Петрова; Вак око Госпоина ткало се; А спремао се око Божѣна тако јако; Па око три сата ноћи; Па так око пола седам, седам, у шест насигурно мора бит; Дошо око дваес-трећег децембра; Ео, са-ће, ка'е, око м'јене биће кише*²⁴.

Определенная непрямая временная локализованность в нашем материале реализуется в значении временной антериорности (*ПРИЈЕ, УОЧИ, ИСПРЕД* («после», «накануне», «перед») + генитив) и временной постериорности (*ПОСЛИЈЕ, ИЗА* («после», «за») + генитив)²⁵.

Чаще всего с предлогом предшествования *ПРИЈЕ* («перед, до») употребляется существительное *сунце* («солнце») в генитиве²⁶: информанты в нарративах чаще всего рассказывали о народных календарных обычаях, которые предписывают, что определенные действия совершаются до восхода солнца: *Ђурђевдански об'чај је у старо доба био, кат сам ја био д'јете, прије сунца устат и прије отић у р'јеку, на поток, сви, сва младеж и окупат се на потоку; корисно се окупат на Ђурђевдан рано, прије изласка сунца; За Божѣн онда увече се зам'јеси чесн'ца, а сутредан се пече прије сунца; Чесн'ца да се са том водом закува. Што раније, боље. Раније ће ти год'на стићи, роднија ће бити. Да, да, прије зоре; Онда се ковртањ носи ће се врше жито, на Мали Божѣн, рано. Носи се прије, прије, мислим, сунца.*

Период до восхода солнца иногда называется *зора, зор* и *сван*: *прије него што сунце гране треба мет'т пећ" ... да, да, прије зоре; топ на Ускрс*³

²³ Антонић И. Синтакса и семантика предлога око. Семантичка проучавања српског језика / уред. М. Радовановић, П. Пипер. Београд: Одељење језика и књижевности САНУ, 2008. (Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија, књ. 2). С. 167.

²⁴ За исключением примеров, приведенных в: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 147-148, примеры из других говоров редкие. Ср.: Дешић М. Западнбосански ијекавски говори... С. 283; Драгичевић М. Говор личких јекаваца... С. 182; Петровић Д. О говору Змијања... С. 159; *Идет*. Говор Баније и Кордуна... С. 128.

²⁵ Антонић И. Синтакса и семантика падежа... С. 162.

²⁶ В говоре плато Романиа в данной конструкции чаще всего употребляется существительное *рат*, реже — *година* и *сам*, а также лексемы, которые обозначают праздники и период в течение года: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 135-136.

да пуца ... ујутро ишло, **прије зора**; Спасовдан, Вел^нки Ускрс и Бож^нћ — уранак, **прије свана** служба почиње.

В роли временного идентификатора антериорности встречается также существительное *рата*: *та група ко^и су ишли у тим чаро^ицама, **прије рата**, кад је то ходало. Посл^нје рата није, **прије рата**.*

Временным идентификатором антериорности иногда является наименование праздника: *Свакоме дјетету, сваком челядету направи вако мали сирац **прије Петрова дана** и осуши, да то на Петровдан свако д^нјете има свој сирчић.*

При предлоге *ПРИЈЕ* со значением предшествования, который сопровождает квантификатор в форме аккузатива времени, используются существительные *година* или *дан* в генитиве мн.ч., причем функцию аппроксиматора может исполнять наречие *једно*: *Марко се осели^о **прије једно дванез-година**, а Славко ^{је} осели^о одамно, морда **прије два^{ест} и пет^о година**; а точак направљен **прије два дана**.*

С тем же значением фиксируется сочетание типа *НАЗАД ГОДИНУ ДАНА* («год назад»): *Дочим сада, **назад једно тријез-година**, туда, по прили^н, дошо један свештеник на нашу парохују; **Наза^о двије год^{не}** пошо сам љекар^нма.*

Временная антериорность отмечена в протокационном сочетании *ИСПРЕД* («перед») + генитив, которое указывает на определенную временную дистанцию, что дополнительно акцентируется наречием *негде* («где-то») во временном значении: *То ^{је} било **негде испред^н Часно^к поста**, на пе-шез-дана. То ^{је} мого бит новембар, ту негде. О, **испред новембра**²⁷.* С другой стороны, сочетание *ПРЕД* («перед») + аккузатив означает, что некоторое действие происходит непосредственно до времени, обозначенного аккузативом; это подтверждает общеизвестное мнение, что разница между *ПРЕД* ~ *ИСПРЕД* заключается в маркировании близости — удаленности: *звао се **пред Бадњи дан** Туциндан; **Пред^н службу, пред зору, пред расви-тање** он испали; **Пред^н Спасовдан** то ^{је} бивало.*

Предлогом *УОЧИ* (*УОЧ, УЧЕ, УОЧЕ*) выражается прямая антериорность по отношению к известному временному отрезку, каковым в нашем корпусе является праздник²⁸: *Једино што с^н се **уоч^н Бурђева** метали ти крстови у жита; **Уоч Петрова дана** досада палите машале; **А уче Видова дана** цуре, ја не знам да л је и моја сестра, она најстарија, то рад^нла, а рад^нле с^н; **Уоче Бож^нћа**, кад^нло се, Богу се мол^нло.*

Временная постериорность в нашем материале выражается прежде всего генитивом с предлогами *ПОСЛИЈЕ* и *ИЗА*.

²⁷ Симич фиксирует две подобные конструкции в значении прямой антериорности: Ibid. С. 138-139.

²⁸ То же в других говорах. Ср.: *Петровић Д.* О говору Змијања... С. 159; *Симић З.* Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 136-137; *Танасић С. З.* Падежи за обиљежавање времена... С. 538.

Временным локализатором сочетания ПОСЛ(И)Е + генитив чаще всего является лексема *рат*²⁹: *Чаро'ице су биле све до рата, а посл"је рата нису; после рата нису биле.*

В этой функции фиксируются и другие существительные: *Посл"је службе, ка-се заврши служба, онда се крсти и вјенчава; онда се касније ломи чесн"ца, посл"је мол"тве; посл"је обуке ишли смо и на стрелиште; Посл"је сезоне он иде назад на посо тамо; посл"је тријес-првог октобра, када се затвара бања, то се све склони.*

Предлог ИЗА немаркирован с точки зрения квантификации постериорности (постериорной удаленности от локализатора)³⁰: *Последња су масла била **иза рата** једноч; То су били око Духова, **иза Духова** тако, док је још^{жс} зелено жито на њиви³¹.*

В нашем корпусе предлог ИЗА означает также «после чьей-то смерти»: *Мој отац от"ио у рат, а ја сам осто онда нејак, **иза матере** осто о-три год"не, а **иза оца** осто от седам година³².*

В материалах зафиксированы примеры с предлогом НАКОН («после»), в основном в речи более образованных информантов. Приведем пример с генитивом: *након **извјесног времена** посл"је обуке ишли смо и на стрелиште, на гађање бо'евом муницијом*; остальные примеры с аккумулятивом, которым выражается мера времени, причем в падежной конструкции существительные *дан, мјесец* («день, месяц») и *ред* («день и ночь, 24 часа») употреблены в форме род.п. мн.ч.: *Па су **након својих петнаест-двадесет** дана они кренути одма из Кастела; **након два мјесеца** треба курузе обра-ти; Ка-се просуше, **након једну два-три реда**, онда се носе тамо.*

В этом же значении фиксируется и менее частотное сочетание ИЗ + генитив, которое сопровождается наречием *одма(х)* («сразу»): *А за то вр"јеме, **ис прољећа**, док не буде косидбе, док се не сними с"јено, буду по шуми, по крчев"нама; Али знам, ка-су дошли одма **из рата** њи дво'ица, шта су препричавали.*

2.2. Временная квантификация

Временная квантификация в широком понимании (измерение предикации во времени) проявляется как временная квантификация в узком понимании, временная частотность и скорость³³.

²⁹ Также в говоре плато Романия: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 141-142.

³⁰ Антонић И. Синтакса и семантика падежа... С. 157.

³¹ В говоре плато Романия в этой конструкции чаще всего употребляется существительное *рат*: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 143. О других говорах см.: Петровић Д. О говору Змијања... С. 159; *Идет*. Говор Баније и Кордуна... С. 128; Танашић З. Падежи за обиљежавање времена... С. 539.

³² Петровић приводит пример: *Остала носећа **иза-чојека*** (Петровић Д. Говор Баније и Кордуна... С. 128). Для этого же значения Симић фиксирует НАКОМ + генитив и ЗА + инструментал (Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 144).

³³ Антонић И. Реченице с временском клаузом... С. 326.

2.2.1. Временная квантификация в узком понимании определяется продолжительностью предикации во времени и выражается как лонгитудинальность, ингрессивность и предельность.

Лонгитудинальность в нашем материале помимо генитива выражается аккумулятивом с обязательным детерминатором (квантификаторы *читав* и *цијели*³⁴ («целый»)), которые уточняют продолжительность предикации.

Детерминатор *цијели* спорадически фиксируется в генитиве: *Отац је био млађи на ње он слушао џ'јелога в'јека*. Гораздо чаще он сопровождается формой аккумулятива и встречается у существительных *љето*, *зима*, *дан*, *ноћ*, *вече*, *година* и *пост* («лето», «зима», «день», «ночь», «вечер», «год», «пост»): *остави у кући на чивилук и џ'јело љето виси*; *И тада су туде они били до прољећа, џ'јелу зиму; џ'јели дан стоји*; *Сви су могли ић, само који су могли џ'јелу ноћ одат*; *Ложјио се џ'јело вече*; *није добро спават на Бож'ћ, кажу да је мучан човјек џ'јелу год'ну*; *Ц'јели пост посна била*.

Детерминатор *читав* появляется только в генитиве — в тостах, в форме благопожелания: *Живи и здрави и весели били читавог* свога в'јека*; *Да буде сретан и весео читавог в'јека*.

В функции временного детерминатора ингрессивного типа — временная аблативность³⁵ — зафиксирована конструкция *ОД* + генитив («от, с») у существительных, которые обозначают праздники, года, времена года, даты, часы или более длительные единицы времени (*постање*, *старина*, *доба* («древность», «начало», «период», «время» и т. д.)): *А послужујем Светога Сисоју, он је сад у љет, от Петрова дана јевта дана разлике*; *Нисам свиро о-четрдесет и шесте, седме*; *Тај обичај се пратио, мислим, от прољећа*; *служба је рад'ла у бањи от првог маја; о-дванест сати иду куват пасуљ*; *Таки обичај от постања; досад је св'јет вјерово у нешто, у неку причу старинску, од њ'овије старина; то је један об'чај народски от пријошњије доба*.

Обозначение начальной границы некоторого временного понятия зафиксировано и в примере с несклоняемой лексемой *доба* («время, период») при предлоге *ОД*: *Од нека доба ја ка'ем: «Дај прекидај то!»*

Предельность — временная адлативность³⁶ в корпусе выражается сочетанием *ДО* + генитив, которое является показателем общей адлативности — «это значение подразумевает измерение длительности предикации во времени (до какого момента?)»³⁷. Позицию генитива могут занимать все существительные для обозначения времени, в нашем материале это:

– названия праздников: *И та је слама држата по кући, то звало се простирач, све до Малога Бож'ћа; до нашега Светога Јована, кат се гоћ' кру уку'а, онда с оном млад'цом направи се крст*;

³⁴ Антонић И. Синтакса и семантика падежа... С. 158.

³⁵ Ibid. С. 137.

³⁶ Ibid. С. 158.

³⁷ Антонић И. Синтакса и семантика предлога *до*. Зборник за филологију и лингвистику. 2007. Књ. 50. С. 37.

– конвенциональные единицы времени *сат* и *година* с наречием *једно* в функции апроксиматора: *спрема до једно дес^т сати; кад напасемо краве, онда идемо у коло, тако до три сата; то тако стоји док се не сасуши, до друге год^{не}*³⁸;

– обозначения части дня: *онда траје игранка до зоре; Бадњи дан смо, н^дјесмо јели ништа изјутра до подне; тако смо до вечере били; мора то остат скроз до мрака; Па, богами, стоји до ноћи; До поноћ^н вак^е буде;*

– девербативное существительное *рат*: *до самога рата би^о је Остоја; он је би^о до почетка Другог^к свјетског рата;*

– предельные конструкции с лексикализованным конденсатором: *то је рад^{ло} већ вамо до ослобођења; виноградством се није бави^о нико до њиховог доласка; И кад курузи буду загрнути, остану, расту, одметну се до бербе;*

– названия времен года: *И тада су туде они били до прољећа;*

– названия месяцев: *па су остали до четрдесет и прве године, скроз до октобра мјесеца;*

– названия периодов в году, связанных с определенной человеческой деятельностью: *до поклада (има) пе-дана мрсни;*

– некоторые другие существительные или наречия времени: *дође до тога времена да се то једном, да се то осјети да треба жена да роди; А ув^дјек је ради^о, ув^дјек, ув^дјек, до задњог дана; Та два краја, тако да остане жере у њ^{ма} до сутредан^н*³⁹.

Фиксируется необычный пример *ДО* + аккумулятив вместо генитива : *Концем једанестог мјесеца, па до половину дванестог*⁴⁰.

Предлог *ДО* употреблен и в предложных конструкциях с временным значением: *А бадњак стоји прет кућом до уче Бож^нћа; Христово рођење..., би^о скуп у селу покрај пута, и све до уназад^н пар година је то прат^{ло}*⁴¹.

2.2.2. Временная частотность (измерение предикации по отношению к частоте появления во времени) выражается как *регулярность* — регулярное повторение и *временный характер действия* — временное повторение⁴².

Регулярность, то есть многократная реализация предикации во времени и всегда в одно и то же время⁴³, свое номинальное выражение находит

³⁸ Данные единицы времени чаще всего встречаются в конструкции *ДО* + генитив в говоре плато Романия, см.: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 159.

³⁹ В других говорах встречаются редкие примеры конструкции *ДО* + генитив во временном значении. Ср.: Драгичевић М. Говор личких жекаваца... С. 182; Петровић Д. О говору Змијања... С. 157; *Idem*. Говор Баније и Кордуна... С. 127.

⁴⁰ Отмечено в говоре Змияня: *до то вријеме, до Бадњи дан, до неко доба* (Петровић Д. О говору Змијања... С. 167).

⁴¹ Похожий пример см. у: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 162.

⁴² Антонић И. Реченице с временском клаузом... С. 341.

⁴³ *Ibid*. С. 342.

в использовании генитива и аккузатива с обязательным детерминатором в лексеме *сваки* («каждый»). В подобных конструкциях круг лексем ограничен. В генитиве чаще всего употребляются существительные, которыми обозначаются продолжительные временные периоды (*година* и *недјеља* («год», «неделя»)), реже употребляется название определенного дня: *Ишил⁴⁴ смо старој цркви претежно сваке год^{не}; Дође сваке недље младе поп и отвори ову стару цркву; Долаз⁴⁵ јо нам је поп свакога петка па нам је предаво вјеронауку⁴⁴*. С другой стороны, в аккузативе употребляются существительные, которыми обозначаются непродолжительные временные периоды, в нашем материале это лексемы *дан* и *вече⁴⁵* («день», «вечер»): *Богу се мол^т сваку вече; Долаз⁴⁶ ла ћи из Добоја сваки други дан*. В исключительных случаях этот квадификатор употребляется и в творительном падеже: *музика је била сваким даном*.

Фиксируются и сочетания в виде двусоставной конструкции *ОД* + генитив ... *ДО* + генитив, которые выражают длительность ограничительного типа, когда «объект локализации помещен также в границах первого упомянутого временного отрезка»⁴⁶: *Постим от Петрова до Светоз^к Сисоје; И о-тога времена кад је би^о потоп прошло^{1е} до Христовога рођења пет и по њада година; то^{1е} била обавеза од осам па до једанест сати; радови сви су ишли от првог маја до трид^цет и првог октобра⁴⁷*.

Похожее значение фиксируется у сочетания *ИЗ* + генитив ... *У* + аккузатив, где выражается прогрессивная степень с временным значением⁴⁸: *из год^{не} у годину ишло је све наболь^е⁴⁹*.

3. Таким образом, рассмотренные в статье аспекты временных отношений, выражаемые генитивом, по большей части опираются на общие особенности большинства говоров герцеговинско-краишского диалекта.

И все же фиксируются конструкции, которые другие исследователи не отмечают, например, сочетание *НАЗАД ГОДИНУ ДАНА* («год назад») (*Дочим сада, назад једно тријез-година, туда, по прилиц⁴, дошо један свештеник на нашу парохију; Наза^о двије год^{не} пошо сам љекар^{ма}*), менее

⁴⁴ То же фиксируется в: Драгичевић М. Говор личких јакаваца... С. 180; Петровић Д. О говору Змијања... С. 153.

⁴⁵ Похожее распределение понятий находим в говоре плато Романия (Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 164-166). В говоре восточнобоснийских Еров лексема *дан* отмечена также в генитиве (Танасић С. З. Падежи за обиљажаванье времена... С. 533).

⁴⁶ Пипер П. Семантичке категорије у простој реченици: синтаксичка семантика. Синтакса савременога српског језика: проста реченица / ред. М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2005. С. 768.

⁴⁷ Примеры в говоре плато Романия см. в: Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 162-164.

⁴⁸ Пипер П. Семантичке категорије... С. 768.

⁴⁹ Симић фиксирует примеры с сочетанием *из дана у дан* (досл. «изо дня в день») (Симић З. Синтакса падежа у говору романијског платоа... С. 168).

характерное сочетание *ИЗ* + генитив с временным наречием *одма(х)* («сразу») (*А за то вр'јеме, ис прољећа, док не буде косидбе, док се не сниму с'јено, буду по шуми, по крчев'нама; Али знам, ка-су дошли одма из рата њи дво'ица, шта су препричавали*), обозначение начальной границы некоторого временного понятия несклоняемой лексемой *доба* с предлогом *ОД* (*Од нека доба ја ка'ем: «Дај прекидај то!»*) и т.д. Также в нашем материале, в отличие от наблюдений других исследователей, предлог *НАКОН* по большей части встречается в речи более образованных информантов (*након извјесног времена посл'је обуке ишли смо и на стрелиште, на гађање б'јевог муницијом; Па су након својих петнаест-двадесет^о дана они кренути одма из Кастела*).

При этом некоторые явления, которые приводятся в статье, фиксируются в качестве исключения в остальных говорах обсуждаемого диалекта. Таковым является протолокационное сочетание *ИСПРЕД* + генитив, которое сопровождается наречием *негде* («где-то») во временном значении, что указывает на известную временную дистанцию (*То 'је било негде испред^м Часног^к поста, на пе-шез-дана. То 'је мого бит новембар, ту негде. О, испред новембра*) — Симич также отмечает это сочетание на плато Романия, но в значении прямой антериорности. Единственный пример сочетания *ДО* + аккузатив (*Концем једанестог мјесеца, на до половину дванестог*) отмечает и Петровић на Змиьянье, в его материалах зафиксировано употребление предлога *ИЗА* в значении «после чьей-то смерти» (*Остала носећа иза-чоэка*) и т. д.

Дальнейшие наши исследования говора Слатинского края внесут большую ясность в изучение данного явления и говора в целом.

Перевод с сербского Г.П. Пилипенко

Литература

- Антонић И.* Реченице с временском клаузом. Синтакса сложене реченице у савременом српском језику / ред. П. Пипер. Нови Сад: Матица српска; Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018. С. 289–363.
- Антонић И.* Синтакса и семантика падежа. Синтакса савременога српског језика: проста реченица / ред. М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2005. С. 119–300.
- Антонић И.* Синтакса и семантика предлога *до*. Зборник за филологију и лингвистику. 2007. Књ. 50. С. 31–43.
- Антонић И.* Синтакса и семантика предлога *око*. Семантичка проучавања српског језика / уред. М. Радовановић, П. Пипер. Београд: Одељење језика и књижевности САНУ, 2008. С. 161–179. (Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија, књ. 2).
- Дешић М.* Западнобосански ијекавски говори. Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. П. Ивић. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1976. Књ. 21. С. 1–316.

- Драгичевић М.* Говор личких јекаваца. Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. П. Ивић. Београд: Српска академија наука и уметности; Институт за српско-хрватски језик, 1986. Књ. 32. С. 7–241.
- Драгичевић М.* Најзападнији српски говори данас. Зборник за српски језик, књижевност и умјетности. 2001. Књ. 1. С. 79–89.
- Петровић Д.* Говор Баније и Кордуна. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Просвјета, 1978.
- Петровић Д.* О говору Змијања. Нови Сад: Матица српска, 1973.
- Пипер П.* Семантичке категорије у простој реченици: синтаксичка семантика. Синтакса савременог српског језика: проста реченица / ред. М. Ивић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига; Нови Сад: Матица српска, 2005. С. 575–982.
- Савић Б.М.* Из лексике одијевања у Великом Блашку (код Бањалуке). Језици и културе у времену и простору / уред. С. Гудурић, Ј. Дражић, М. Стефановић. Нови Сад: Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет; Педагошко друштво Војводине, 2022. № 10 (1). С. 205–216.
- Савић Б.М.* Лексика плетарства (на основу грађе из Великог Блашка код Бањалуке). Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. С. Реметић. Београд: Српска академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ, 2022. Књ. 69. С. 311–331.
- Савић Б.* Народна медицинска лексика Великог Блашка (код Бањалуке). Српски дијалектолошки зборник / гл. уред. С. Реметић. Београд: Српска академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ, 2017. Књ. 64. С. 995–1066.
- Симић З.* Синтакса падежа у говору романијског платоа: метафоризација простора. Београд: Институт за српски језик САНУ. 2018. (Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија; књ. 25).
- Танасић С.З.* Падежи за обиљежавање времена у говору источнобосанских Ера. Годишњак за српски језик / уред. Б. Димитријевић. Ниш: Филозофски факултет у Нишу, 2013. Год. 26. № 13. С. 529–542.
- Антић И.* Temporalni genitiv s predlogom *usred*. Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 1999. Књ. 42. С. 133–139.

References

- Antonić, I., 2018. Sentences with Temporal Clauses. In: P. Piper, ed., 2018. *Syntax of the Complex Sentence in Contemporary Serbian Language*. Novi Sad: Matica srpska; Belgrade: Institut za srpski jezik SANU, pp. 289–363. (In Serbian)
- Antonić, I., 2005. Syntax and Semantics of Cases. In: M. Ivić, ed., 2005. *Syntax of Contemporary Serbian Language: the Simple Sentence*. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga; Novi Sad: Matica srpska, pp. 119–300. (In Serbian)
- Antonić, I., 2007. Syntax and Semantics of the preposition ‘do’. *Archivum philologicum et linguisticum*, 50, pp. 31–43. (In Serbian)
- Antonić, I., 2008. Syntax and Semantics of the preposition ‘oko’. In: M. Radovanović, P. Piper, eds, 2008. *Semantic Studies of the Serbian Language*. Belgrade:

- Odeljenje jezika i književnosti SANU, pp. 161–179. (*The Serbian Language in the Light of Contemporary Linguistic Theories*, book 2). (In Serbian)
- Antonić, I., 1999. Temporal genitive with preposition “usred”. *Archivum philologicum et linguisticum*, 42, pp. 133–139. (In Serbian)
- Dešić, M., 1976. The Ijekavian Speeches of Western Bosnia. In: P. Ivić, ed., 1976. *Serbian Dialectological Journal*. Belgrade: Institut za srpskohrvatski jezik. Book 21, pp. 1–316. (In Serbian)
- Dragičević, M., 1986. The Ijekavian Speech of Lika. In: P. Ivić, ed., 1986. *Serbian Dialectological Journal*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti; Institut za srpskohrvatski jezik. Book 32, pp. 7–241. (In Serbian)
- Dragičević, M., 2001. The Westernmost Serbian Speeches of Today. *Zbornik za srpski jezik, književnosti i umjetnosti*, 1, pp. 79–89. (In Serbian)
- Petrović, D., 1978. *The Speech of Banija and Kordun*. Novi Sad: Matica srpska; Zagreb: Prosvjeta. (In Serbian)
- Petrović, D., 1973. On the Speech of Zmijanje. Novi Sad: Matica srpska. (In Serbian)
- Piper, P., 2005. Semantic Categories of the Simple Sentence: Syntactic Semantics. In: M. Ivić, ed., 2005. *Syntax of Contemporary Serbian Language: the Simple Sentence*. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga; Novi Sad: Matica srpska, pp. 575–982. (In Serbian)
- Savić, B.M., 2022. The Clothes Lexis of Veliko Blaško (near Banja Luka). In: S. Gudurić, J. Dražić, M. Stefanović, eds, 2022. *Languages and Cultures in Time and Space*. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet; Pedagoško društvo Vojvodine, 10 (1), pp. 205–216. (In Serbian)
- Savić, B.M., 2022. Lexicon of Wickerwork (On the Basis of Materials from Veliko Blaško near Banja Luka). In: S. Remetić, ed., 2022. *Serbian Dialectological Journal*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti, Institut za srpski jezik SANU. Book 69, pp. 311–331. (In Serbian)
- Savić, B., 2017. The Folk Medicine Lexis of Veliko Blaško (near Banja Luka). In: S. Remetić, ed., 2017. *Serbian Dialectological Journal*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti, Institut za srpski jezik SANU. Book 64, pp. 995–1066. (In Serbian)
- Simić, Z., 2018. *The Syntax of Cases in the Romanija Plateau Vernacular: the Metaphorisation of Space*. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU. (Library of the South Slavic Philologist, New Series; book 25). (In Serbian)
- Tanasić, S.Z., 2013. Cases for Marking Time in the Vernacular of East-Bosnian Eras. In: B. Dimitrijević, ed., 2013. *Serbian Language Yearbook*. Niš: Filozofski fakultet u Nišu, 26 (13), pp. 529–542. (In Serbian)

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДЕРИВАТАХ ПРАСЛАВ. *SOČITI / *SAKATI

Татьяна Владимировна Шалаева

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Аннотация

В статье обосновывается указанная М. Фасмером возможность родства русского диалектного глагола *sákать*, *sakátъ* ‘говорить’ с праславянским гнездом **sočiti* / **sakati*, для которого реконструируются значения ‘искать’ и ‘говорить’. Кроме того, фиксация форм типа *sákать* ‘говорить’ и установление их диахронических связей с лексикой других языков, а именно констатация древности их речевой семантики, позволяют определить происхождение и некоторых русских лексем, чья этимология до сих пор оставалась неясной. К ним относятся русские диалектные формы *nosák* ‘вор, мошенник’, *nasák*, *nosáč* ‘босяк, оборванец’, *nosáčить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’, *nosáčество* ‘бродяжничество, попрошайничество’, в которых предлагается выделять корень *-sак-* / *-sач-* и префикс *po-*. Их семантика мотивируется производными от *sákать* диалектными глаголами со значением ‘получать что-либо хитростью, при помощи манипуляции’: *sáčкать* ‘выпрашивать, выманить что-либо’, *visáčкать* ‘выпросить, выманить что-либо’, *sočítъ* ‘просить, канючить, выманить что-либо обманом’, ‘просить милостыню, нищенствовать’, *visočкать* ‘выпросить, выклянчить что-нибудь у кого-нибудь’. К тому же, предлагается этимология русской лексики *sáčók* ‘лентяй’, имеющей в говорах значения ‘пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек’, ‘плут, мошенник’, ‘вор’, ‘отчаянный, безрассудный человек’ и ‘ухажер’. Первичным из них определяется ‘хитрый, ловкий человек’, далее — ‘плут, мошенник’, которое также выводится из семантики ‘выманить, получить обманом’, первоначально ‘говорить’. Наименования лентяя признается результатом развития значения ‘хитрый человек’ или ‘человек, хитростью уклоняющийся от выполнения обязанностей’. Все предлагаемые семантические переходы подтверждаются аналогиями в производных других корней.

Ключевые слова

Славянская этимология, глаголы речи, семантические переходы, *sákать*, *nosák*, *sáčók*, мошенник, лентяй

Статья поступила в редакцию 6 марта 2023 г.

Статья доработана автором 2 июня 2023 г.

Статья принята в печать 15 июня 2023 г.

Цитирование: Шалаева Т.В. К вопросу о восточнославянских дериватах праслав. **sočiti* / **sakati*. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 103–119. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.06>

TO THE PROBLEM OF THE EAST SLAVIC DERIVATIVES OF PROTO-SLAV. *SOČITI / *SAKATI

Tatiana V. Shalaeva

Ph. D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Abstract

The paper proves M. Vasmer's version of possible relation of the Russian dialect verb *сáкать, сакáть* [sakat'] 'to speak' to the Proto-Slavic word-family *sočiti / *sakati with reconstructed meanings 'to search' and 'to speak'. In addition to this, forms like *сáкать* [sakat'] 'to speak' and their relation to other language lexicon, namely their speech semantics antiquity, enable to give etymologies of some Russian words whose origin has been still unclear. These include the dialect forms *посáк* [posak] 'thief, swindler', *посáк* [pasak] 'tramp, drunk', *посáч* [posach] 'tramp', *посáчить* [posachit'] 'to beg', *посáчество* [posachestvo] 'begging' in which the root *-сак-/-сач-* [-sak-/sach-] and the prefix *no-* [po-] are suggested. Their meaning is motivated by the dialect verbs derived from *сáкать* [sakat'] meaning 'to receive something using cunning and manipulation': *сáчкать* [sachkat'] 'to defraud something', *высáчкать* [vasachkat'] 'id.', *сочítь* [sochit'] 'to beg, to defraud something', 'to beg, to be beggar', *высочкать* [vysochkat'] 'to beg'. Apart from this, an etymology is provided for the Russian word *сачок* [sachok] 'lazybones' which in dialects denotes 'cunning person', 'swindler', 'thief', 'desperate person' and 'suitor'. The meaning 'cunning person' and further 'swindler' is defined as initial which is also derived from the meaning 'to defraud something', initially 'to speak'. The lazybones name is assumed to be a result of 'cunning person' or 'cunning person who shirks responsibilities' development. All suggested semantic shifts are proved with analogies of other root derivatives.

Keywords

Slavic etymology, verbs of speech, semantic shifts, *сáкать* [sakat'], *посáк* [posak], *сачок* [sachok], swindler, lazybones

Received 6 March 2023

Revised 2 June 2023

Accepted 15 June 2023

For citation: Shalaeva, T. V., 2023. K voprosu o vostochnoslavianskikh derivatakh praslav. *sočiti / *sakati [To the Problem of the East Slavic Derivatives of Proto-Slav. *sočiti / *sakati]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 103–119. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.06>

Праславянский глагол **sočiti*, восходящий к индоевропейскому корню **sekʰ-/sokʰ-*, реконструируется на материале большинства славянских языков, и одно из его предполагаемых значений определяется как ‘говорить’: ср. чешск. *sočit, osočit* ‘обвинить; оклеветать’¹, словац. *osočovat* ‘клеветать, хулить’, *osočit* ‘лживо обвинить, очернить’², ст.-польск. *osoczyć* ‘обвинить (в основном несправедливо), оклеветать’³. Славянские формы родственны лит. *sakýti* ‘говорить’, латыш. *sacīt* ‘то же’, нем. *sagen* ‘то же’, англ. *to say* ‘то же’, греч. *ἐννέπω* ‘говорю, повествую’, лат. *insequē* ‘возвести’⁴.

Кроме того, славянские языки позволяют реконструировать для **sočiti* морфологический вариант **sakati*, представленный, например, в болг. *sàkam* ‘ищу’⁵. В семантическом отношении этой форме соответствуют продолжения корня **soč-*: ср. рус. диал. *сочить* ‘искать, выслеживать (вора, зверя)’, укр. *сочити* ‘подкарауливать’, белорус. *сачыць* ‘то же’, др.-рус. *сочити* ‘искать, разыскивать; вести тяжбу’, болг. *сòча* ‘указывать’, серб. *сòчити* ‘уличить, обнаружить, разыскать’, словен. *sàčiti* ‘следить’⁶.

Традиционно при реконструкции семантики говорения для **sočiti* / **sakati* восточнославянский материал не привлекается, однако, в частности,

¹ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Akademie, 1971. S. 566.

² Kralík L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA, 2015. S. 409.

³ Borys W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. S. 396.

⁴ Machek V. Etymologický slovník... S. 566; Kralík L. Stručný etymologický slovník... S. 409; Borys W. Słownik etymologiczny... S. 396; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2003. Т. III. С. 708, 731; Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2006. Т. 5. С. 364; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В.У. Мартынаў (1-8), Г. А. Цыхун (9-14). Мінск: Беларуская навука, 2006. Т. 11. С. 330-331; Български етимологичен речник / ред. В.И. Георгиев, И. Дуриданов, М. Рачева, Т.А. Тодоров, Л. Димитрова-Тодорова, Л. Селимски. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2002. Т. VI. С. 427-428; Т. VII. С. 376-377; Etimološki slovar slovenskega jezika / avtorji F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan; ured. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU, 1982. Knj. II. S. 238; Knj. III. S. 212-213, 286; Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1-31), О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева (вып. 32), А.Ф. Журавлева (вып. 33-39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып. 40), Ж.Ж. Варбот (вып. 41). М.: Наука, 2002. Вып. 29. С. 248-250; Derksen R. Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden — Boston: Brill, 2008. P. 458-459; Варбот Ж.Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. С. 31-32; Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern — München: Francke, 1959. S. 896-898; Lexicon der indogermanischen Verben. Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. S. 525-527.

⁵ Български етимологичен речник... Т. VI. С. 427-428.

⁶ Относительно наличия или отсутствия генетической связи между праслав. **sočiti* / **sakati* ‘преследовать; искать; окружать’ и **sočiti* / **sakati* ‘говорить’ (и далее и.-е. **sekʰ-/sokʰ-* в тех же значениях) высказывались разные мнения, но анализ этой проблемы не входит в задачи данной статьи (см.: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 11. С. 330-331; Варбот Ж.Ж. Праславянская морфология... С. 31-32 и другую литературу, указанную в предыдущей сноске).

русский язык содержит лексические единицы, которые с высокой степенью вероятности могут быть их продолжениями: ср. рус. диал. *śakaty* ‘обсуждать какой-либо спорный вопрос, спорить’ (влад.), ‘разговаривать, судачить’ (костром.), ‘совещаться, советоваться’ (влад., казан.)⁷, ‘говорить, попусту болтать’ (арх.)⁸, ‘заниматься пересудами, сплетнями’⁹, *sakaty* ‘совещаться, советоваться’ (пенз.)¹⁰, ‘разговаривать, болтать, проводя время праздно’¹¹, *posakaty* ‘поболтать, поговорить, посудачить’ (пенз., симб., нижегор.)¹², ‘поговорить о пустяках, поболтать’¹³, *nasacivaty* ‘дразнить кого-либо’ (уральск.)¹⁴, *sočity* ‘говорить колкости кому-либо, укорять, упрекать’ (Абхаз. АССР)¹⁵, *sočilo* ‘говорун, весельчак’¹⁶.

Происхождению приведенных форм мало освещалось в этимологической литературе. Так, М. Фасмер пишет, что *śakaty* — темное слово, связанное с рус. диал. *sokotaty* ‘болтать (по-сорочьи), гоготать’, *sok* ‘истец, соглядатай, лазутчик’ (родственно *sočity* ‘искать’), белорус. диал. *sakatacy* ‘стрекотать, щебетать’, *sokotity* ‘равномерно постукивать’¹⁷. М. Фурлан, без упоминания *śakaty*, поддерживает идею о связи *sokotaty* и *sok* ‘истец, соглядатай, лазутчик’¹⁸. Однако «Этимологический словарь украинского языка» называет гипотезу о родстве глагола *śakaty* с дериватами основы *sokot-* недостаточно обоснованной и указывает на звуко-подражательное происхождение последней, аналогично глаголам *sokority* и *ćokaty*¹⁹. М. Фасмер также приводит вместе с *sokotaty* форму *ščekot* ‘пение птиц’²⁰, которую определяет как звукоподражание²¹.

Похоже, действительно следует признать ономастическую природу восточнославянских глаголов типа русских *sokotaty* и *ščekotaty* ‘щебе-

⁷ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25–46), С.А. Мызников (вып. 47–52). М.; Л., СПб.: Наука, 2002. Т. 36. С. 48.

⁸ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. Т. 5. С. 623.

⁹ Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т.В. Михалева, Р.В. Семенкова, Л.К. Чикина. СПб.: Наука, 2013. Ч. II. С. 1109.

¹⁰ Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 48.

¹¹ Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров: ВятГГУ, 2016. Вып. 10. С. 12.

¹² Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 137.

¹³ Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии... Ч. II. С. 921.

¹⁴ Словарь русских народных говоров... Т. 20. С. 151.

¹⁵ Там же. Т. 40. С. 93.

¹⁶ Большой толковый словарь донского казачества / ред. В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М.: АСТ, 2003. С. 502.

¹⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка... Т. III. С. 547, 708–709; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 11. С. 295.

¹⁸ Etimološki slovar slovenskega jezika... Knj. III. S. 286.

¹⁹ Етимологічний словник української мови... Т. 5. С. 345–346.

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка... Т. III. С. 709.

²¹ Там же. Т. IV. С. 500.

тать', как и *цокотать*, *цокать*²². В то время как *сакать*, по-видимому, имеет другую этимологию, а именно, кажется, есть доказательства его связи с этимологическим гнездом **sočiti*, к которому принадлежит *сок* 'истец, соглядатай, лазутчик', на что указывал М. Фасмер (см. выше).

Со структурной точки зрения версия о родстве русских слов с корнями *сок-* / *соч-* (см. выше *сочить* 'говорить колкости кому-либо, укорять, упрекать', *сочило* 'говорун, весельчак') и *сак-* / *сач-* (см. выше *сакать* 'обсуждать какой-либо спорный вопрос, спорить', 'разговаривать, судачить' и др., *сакать* 'совещаться, советоваться', 'разговаривать, болтать, проводя время праздну' и др.) не вызывает затруднений, поскольку отражает регулярную мену гласных *o/a* в праславянских корнях — ср. представленные выше варианты **sočiti* / **sakati* 'искать'. Также, кажется, нет препятствий для признания генетической связи данных русских образований с перечисленными лексемами из других славянских языков, которые имеют индоевропейские соответствия со значением 'говорить'. Следовательно, можно достаточно уверенно утверждать, что указанные русские глаголы речи представляют собой продолжения праславянских основ **sočiti* / **sakati*.

Фиксация форм типа *сакать* 'говорить' и установление их диахронических связей с лексикой других языков, а именно констатация древности их речевой семантики, позволяют определить происхождение и некоторых русских лексем, чья этимология до сих пор оставалась неясной. Так, в русских говорах отмечены следующие слова: *посак* 'вор, мошенник' (пск., твер.)²³, *паса́к* 'оборванец, пьяница'²⁴, *поса́ч* 'босьяк, оборванец' (олон. (?)), (мн.) 'жулики, мошенники' (калин.), 'ловкач' (Латв. ССР)²⁵, *поса́чить* 'попрошайничать, собирать милостыню' (олон. (?))²⁶, *поса́чество* 'бродяжничество, попрошайничество' (олон. (?))²⁷.

В материалах «Лексического атласа русских народных говоров» имеются лексемы *посак* 'воробей' (пск., новг.), *поса́ч* 'то же' (волгоград.), *посачи́ха* 'самка воробья' (волгоград.) и *посачо́нок* 'птенец воробья' (волгоград.)²⁸, которые, очевидно, представляют собой результат развития значения 'вор, мошенник' аналогично таким названиям воробья, как *жу́лик* (астрахан.), *развору́й* (ворон.)²⁹, *вори́шко* (челяб.)³⁰. Подобные номинации мотивирова-

²² Етимологічний словник української мови... Т. 6. С. 263.

²³ Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 137.

²⁴ Новгородский областной словарь / ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова; издание подготовили С.А. Мызников, С.А. Левичкин. СПб.: Наука, 2010. С. 792.

²⁵ Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 138.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Картотека «Лексического атласа русских народных говоров». Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

²⁹ Лексический атлас русских народных говоров. Том II. Животный мир / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 264–267.

³⁰ Картотека «Лексического атласа русских народных говоров» ...

ны воровскими повадками воробьев: они обклеывает злаковые и ягодные растения³¹.

В новгородской берестяной грамоте первой половины XIV в. встретилось слово *посакъ* в контексте: *уов ортимие уо посака три берковесеке* «У Ортемьи-посака (или: Посака) три берковца [вероятно, соли]» (грамота № 1082)³². А.А. Зализняк³³ сопоставляет форму *посакъ* с русскими диалектными данными (*посак* ‘вор, мошенник’ и др. — см. выше) и толкует ее как возможное прозвище *Посак*, то есть ‘бродяга’³⁴. Кроме того, высказывается версия об образовании этой лексемы вследствие «усечения слова *посадский* и добавления суффикса *-ак-ъ*»³⁵. В качестве обоснования семантической связи приводится следующий русский диалектный материал: *посадский* ‘жулик’ (яросл.), ‘босяк, человек без определенных занятий’ (петрогр., арх.), ‘пропащий человек, выпивоха’ (ленингр.)³⁶, *посадничать* ‘бродяжничать, заниматься воровством’ (пск.)³⁷. Такие значения у дериватов *посад* объясняются «его дурными коннотациями: ‘место, где живут не по-крестьянски, бездельничают, пьянствуют, жульничают, воруют’»³⁸. Как словообразовательные параллели (случаи усечения основы и присоединения суффикса *-ак*) приводятся следующие пары: *лошак* от *лошадь*, *Ермак* от *Ермолай*, *мастак* от *мастер*, *маклак* от *маклер*, *видак* от *видеомагнитофон*, *следак* от *следователь*³⁹.

Но если *посак* и *посадский* действительно являются синонимами и в этом отношении сближаются, то со структурной точки зрения данная версия никак не может считаться убедительной. Во-первых, кажется некор-

³¹ Шалаева Т.В. Мотивационный аспект на картах «Лексического атласа русских народных говоров». Исследования по славянской диалектологии. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь / отв. ред. серии А.Ф. Журавлев, отв. ред. выпуска М.М. Алексеева, М.Н. Толстая. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. Вып. 23. С. 152. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23/12>, «Отсюда повсеместно распространенные обереги полей от воробьев. Тема воровства присутствует и в украинской легенде о том, как в наказание за воровство птицы заковали воробью ноги в кандалы, отчего он не ходит, а скачет на обеих ногах. В восточнославянской традиции поддерживается эта символика также анафорическим сближением слов *воробей* и *вор* (ср. также народноэтимологическое *воробей* как *вора бей*)» (Гура А. В. Языковое созвучие как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах. Slověne. 2021. Vol. 10. № 1. P. 332. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.14>).

³² Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 15. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003955-9>

³³ Излагаемая далее версия принадлежит А.А. Зализняку, по сообщению М.Н. Толстой. Выражаю ей благодарность за указание на цитируемую статью.

³⁴ Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты... С. 16.

³⁵ Там же.

³⁶ Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 136.

³⁷ Там же. С. 135.

³⁸ Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты... С. 15.

³⁹ Там же. С. 16.

ректным проводить прямые словообразовательные аналогии между апеллятивами и антропонимами. Во-вторых, приведенные слова *лошак* и *следак* представляют собой словообразовательные варианты от *лошадь* и *следователь* соответственно, то есть дериваты тех же корней с другими суффиксами, но не результат усечения последних. А формы *мастак* и *маклак*, скорее, нужно считать следствием выделения в *мастер* и *маклер* суффикса *-ер*, который известен русской морфемике как средство образования названий лиц по роду деятельности (ср. *ухажёр*, *шахтёр*)⁴⁰, затем — восприятия элементов *маст-* и *макл-* как самостоятельных корней и присоединения к ним суффикса *-ак*. Об усечении можно было бы говорить только применительно к *видак*, но, скорее, это слово возникло вследствие народноэтимологического сближения корня *видео-* с *вид-* в *видеть* на основе общей связи со зрением. Таким образом, происхождение всех приводимых А.А. Зализняком апеллятивов вполне объяснимо в рамках известных правил образования русских слов, в то время как производность *посák* от *посáдский* выглядит на их фоне изолированно, поскольку для ее признания пришлось бы предположить переразложение между префиксом *по-* и корнем *-сад-* и интерпретацию элемента *-адский* как единой морфемы. Установить причины для таких изменений структуры слова кажется затруднительным, если вообще возможным.

Представляется, что языковой материал дает весомые основания для другой этимологии слова *посák* ‘вор, мошенник’. По-видимому, в нем можно выделить префикс *по-* и корень *сак-* с закономерными вариантами *сач-* и *соч-*, поскольку в русских говорах отмечены следующие формы: *сáчкать* ‘выпрашивать, выманивать что-либо’ (арх.)⁴¹, *в́йсачкать* ‘выпросить, выманивать что-либо’ (арх., Даль)⁴², *соч́ить* ‘просить, канючить, выманивать что-либо обманом’ (Даль)⁴³, ‘просить милостыню, нищенствовать’⁴⁴, *в́йсочкать* ‘выпросить, выклянчить что-нибудь у кого-нибудь’ (арх., Даль)⁴⁵. Значения этих лексем очень близки к семантике указанных выше *посáч* ‘боссяк, оборванец’, *посák* ‘оборванец, пьяница’, *посáчить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’, *посáчество* ‘бродяжничество, попрошайничество’. Следовательно, нет ни структурных, ни семантических препятствий для признания их родства.

Семантика ‘выпрашивать, канючить’ и далее ‘попрошайничать’ могла развиваться из значения ‘говорить’, которое представлено у указанных в начале статьи дериватов того же корня: *сáкать* ‘обсуждать какой-либо спорный

⁴⁰ Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2005. С. 350.

⁴¹ Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 158.

⁴² Словарь русских народных говоров... Т. 6. С. 17.

⁴³ Словарь русских народных говоров... Т. 40. С. 93.

⁴⁴ Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии... Ч. II. С. 1211.

⁴⁵ Словарь русских народных говоров... Т. 6. С. 27.

вопрос, спорить’, ‘разговаривать, судачить’, ‘совещаться, советоваться’, ‘говорить, попусту болтать’, ‘заниматься пересудами, сплетнями’; *sakátъ* ‘совещаться, советоваться’, ‘разговаривать, болтать, проводя время праздно’; *posákать* ‘поговорить о пустяках, поболтать’; *sočiti* ‘говорить колкости кому-либо, укорять, упрекать’; *sočilo* ‘говорун, весельчак’. Семантический переход ‘говорить’ → ‘выпрашивать; попрошайничать’ объясняется важной ролью речевого воздействия на человека, от которого хотят что-либо получить. Сходное развитие значения наблюдается в производных других корней:

простореч. *каля́кать* ‘разговаривать, болтать’, диал. *каля́кать* ‘рассказывать’ (ряз., оренб.), ‘советоваться о чем-либо’ (самар.), ‘врать, привирать’ (тамб.), ‘спорить, ругаться, враждовать’ (брян.) и ‘говорить, разговаривать, долго и униженно прося о чем-либо’ (орл.), ‘попрошайничать, клянчить’ (курск., калуж.)⁴⁶, *каля́чить* ‘выпрашивать, клянчить, попрошайничать’ (новг., яросл., орл.)⁴⁷;

колоты́ра ‘пустомеля’ (перм.), ‘лгун, лгунья’ (пск., твер.) и ‘человек, который назойливо клянчит, вымогает что-либо; попрошайка’ (смол.)⁴⁸; *колоты́рить* ‘болтать, разговаривать’ (волог., пск.), ‘говорить, болтать пустяки; пустословить’ (олон., ряз., ворон.), ‘лгать’ (пск., твер., пенз.) и ‘попрошайничать, назойливо выпрашивать, вымогать’ (смол.)⁴⁹;

гундо́ра ‘болтун, болтунья’ (Даль, без указ. места)⁵⁰, *гундо́рить* ‘говорить, болтать, беседовать’ (твер.)⁵¹, *гунде́рить* ‘многословно говорить, болтать, говорить пустяки’, ‘беседовать’ (нижегор.)⁵² и *гундо́рить* ‘клянчить, ноя, надоедая’ (свердл.)⁵³;

лязга́ть, лязга́ть ‘надоедать пустыми разговорами, болтать’ (пск., твер., калин., смол., калуж.), ‘врать’ (калуж.) и ‘надоедливо клянчить, выпрашивать что-либо; докучать просьбами, канючить’ (пск., твер.)⁵⁴; *лезготáть* ‘болтать, молотъ языком’ (пск., твер.) и ‘надоедливо клянчить, выпрашивать что-либо’ (пск., твер.)⁵⁵;

тырычи́ться ‘болтать, говорить вздор’ (перм.) и ‘попрошайничать, клянчить’ (перм.)⁵⁶.

⁴⁶ Словарь русских народных говоров... Т. 13. С. 12.

⁴⁷ Там же. С. 13.

⁴⁸ Словарь русских народных говоров... Т. 14. С. 186.

⁴⁹ Там же. С. 186-187.

⁵⁰ Словарь русских народных говоров... Т. 7. С. 232.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Словарь русских народных говоров... Т. 17. С. 271.

⁵⁵ Словарь русских народных говоров... Т. 16. С. 338.

⁵⁶ Словарь русских народных говоров... Т. 45. С. 339-340.

Появление значения ‘жулик, мошенник, вор’ из ‘попрошайка, оборванец’ кажется вполне закономерным, так как оба они связаны с представлениями о человеке, живущем за чужой счет, не имеющем законного заработка. С другой стороны, семантика *посáк* ‘вор, мошенник’, *посáч* ‘жулик, мошенник’, ‘ловкач’ могла сформироваться в контекстах, где названия речевого действия выражают не просто выпрашивание, вымаливание, но намерение получить что-либо хитростью, прибегнув к манипуляции: см. выше *сáчкачь* ‘выпрашивать, выманывать что-либо’, *в́сачкачь* ‘выпросить, выманить что-либо’, *соч́ить* ‘просить, канючить, выманывать что-либо обманом’. От этих глаголов с большой долей вероятности могли быть образованы наименования ловкого, хитрого человека и далее вора. Возможно, результатом же того семантического сдвига является глагол *насáчить* ‘обмануть кого-либо’ (влад.)⁵⁷.

Таким образом, форма *посáк*, по-видимому, образована от глагола *сáкать* с первичным значением ‘говорить’, которое затем преобразовалось в ‘просить, выпрашивать’ (отсюда ‘попрошайка’) и далее в ‘выманывать хитростью’ (отсюда ‘жулик, мошенник’, ‘ловкач’). Словообразовательными параллелями могут служить следующие отглагольные образования: рус. диал. *погрáй* ‘взбалмошный и не в меру подвижный человек’ (влад.)⁵⁸ от *грáять* ‘кричать’ (яросл., волог.), ‘громко смеяться, хохотать’ (арх., олон., волог., новг., вост.), ‘шутить, смеяться’ (перм., волог., арх., новг.), ‘шалить, баловаться’ (север.)⁵⁹; *поп́рós* ‘человек, надоедающий просьбами, попрошайка’ (пск., твер.)⁶⁰ от *прос́ить*; *постóй* ‘постоялец, квартирант’ (смол.)⁶¹ от *сто́ять*.

За пределами русского языка возможное соответствие форме *посáк*, *пасáк* отмечено в белорусском: в «Этимологическом словаре белорусского языка» приводится слово *пáсак* ‘жулик’ со ссылкой на «Витебский областного словарь» Н.И. Касперовича. При этом *пáсак* толкуется как производное от полонизма *нас* ‘пояс, ремень’ или как прямое заимствование из польск. *pasek* ‘то же’ (ср. белорус. *пáсак* ‘тканый пояс’, ‘шнурок, подпруга, ремень’) и как результат переноса значения в польск. *pasek (gra w pasek)* ‘азартная игра с ремнем’. В качестве семантической параллели дается чешский дериват того же корня *pásek* ‘стиляга’⁶². Однако семантическая часть этой этимологии представляется спорной, поскольку, во-первых, кажется безосновательным выводить название нечестного человека, жулика напрямую из обозначения азартной игры, при отсутствии промежуточных

⁵⁷ Словарь русских народных говоров... Т. 20. С. 151.

⁵⁸ Словарь русских народных говоров... Т. 27. С. 311.

⁵⁹ Словарь русских народных говоров... Т. 7. С. 119.

⁶⁰ Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 231.

⁶² Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 8. С. 173–174, 177.

звеньев. Во-вторых, значения ‘жулик’ и ‘стиляга’ не являются ни идентичными, ни даже близкими, поэтому, по-видимому, невозможно рассматривать их как результаты аналогичных семантических процессов.

Представляется, что, с точки зрения значения, белорус. диал. *násak* ‘жулик’ логичнее связывать с рус. *posák* ‘вор, мошенник’. Такому решению не противоречит и география бытования белорусского слова, так как оно зафиксировано в Витебской области, которая со стороны России граничит с Псковской областью, где известна форма *posák*. В морфемной структуре белорус. диал. *násak* в таком случае следует выделить префикс *na-* при наличии *no-* в русском слове. Однако в русских окающих новгородских говорах отмечена упоминавшаяся выше форма *nasák* ‘оборванец, пьяница’, которую можно считать соответствием белорусскому названию с другим местом ударения. Вариативность аффиксов *no-* и *na-* известна в русских диалектных лексемах, идентичных или близких друг другу по значению: ср. *nobéda* ‘беда, несчастье’ (олон., яросл., онеж., пск., казан., амур., перм., петерб.)⁶³ и *nábéda* ‘то же’ (север., олон.), ‘бедняга, бедняжка’ (онеж.)⁶⁴; *nozólki* ‘обмылки со щелоком’ (пск., твер.)⁶⁵ и *názolki*, *nazólki* ‘остатки золы после выварки из нее поташа, выщелоченная зола’ (Даль, без указ. места), ‘щелок’ (смол.), ‘мыльная, со щелоком вода после стирки белья’ (смол., сталингр., р. Урал) и др.⁶⁶; *počés*, *počés* ‘чесание, прочесывание гребнем волос, шерсти животного’ (орл., забайкал.), (мн.) ‘отходы при чесании льна, конопли, очески, пакля’ (забайкал., вят., пск.), ‘количество пуха, вычесанное при однократном проведении гребнем’ (забайкал.)⁶⁷ и *náčes* ‘вторые вычески льна, пеньки’ (ленингр., КАССР, новосиб.), (мн.) ‘мера пряжи’ (новосиб.)⁶⁸.

Обоснование родства лексемы *posák* ‘вор, мошенник’ с праславянским гнездом *sočiti / *sakati, кажется, позволяет проэтимологизировать в его составе русские разговорные слова *sáčók* ‘лентяй’ и *sáčovátъ* ‘бездельничать’. Помимо данного употребления в литературном языке, в говорах отмечаются следующие значения: *sáčók* ‘пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек’ (р. Урал), ‘плут, мошенник’ (моск., пенз., бурят.), ‘вор’ (влад.), ‘отчаянный, безрассудный человек’ (моск., влад.), ‘ухажер’ (моск.)⁶⁹.

⁶³ Словарь русских народных говоров... Т. 27. С. 189.

⁶⁴ Словарь русских народных говоров... Т. 25. С. 106.

⁶⁵ Словарь русских народных говоров... Т. 28. С. 336.

⁶⁶ Словарь русских народных говоров... Т. 25. С. 148.

⁶⁷ Словарь русских народных говоров... Т. 30. С. 382–383.

⁶⁸ Словарь русских народных говоров... Т. 25. С. 299.

⁶⁹ Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 158; Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2003. Т. 4. С. 25; Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 4. С. 233.

Происхождение этого слова не раз рассматривалось исследователями. Так, В.М. Мокиенко считает, что *сачок* и *сачковать* появились из словосочетания *бить (давить) сачка́* ‘бездельничать, отлынивать от работы’. Именная часть данного фразеологизма, по его мнению, восходит к диалектным словам *сак* ‘кость надкопытного сустава животных, употребляемая для игры, бабка’ (прикам., калин., иркут.), ‘выпуклая сторона игровой бабки’ (влад., вят., амур.), ‘лежачее положение игровой бабки выпуклой стороной вверх’ (южн.-сиб., волог., забайкал., вят.), ‘деревянная чурка для игры в городки; рюха’ (твер.)⁷⁰, *играть в сáки* ‘играть в бабки’ (чкал.)⁷¹. Следовательно, первоначальное значение выражения *бить (давить) сачка́* реконструируется как ‘играть в бабки’, которое затем изменилось в ‘бездельничать’. Аналогичный семантический переход характерен для многих других конструкций: ср. *бить баклуши*, *ба́йдики бить*, *шабалу́ бить*. Лексемы *сак*, *сáка* ‘игральная бабка’ В.М. Мокиенко возводит к латинскому слову *schachus* ‘шахматы’, которое проникло в русский язык через польское посредство⁷². В рамках изложенной версии семантика ‘плут, мошенник, жулик’ развилась у *сачок* из ‘хитрый лентяй’, то есть ‘человек, хитростью избегающий работы’ и далее ‘ловкач, пройдоха’⁷³.

Данная этимология представляется неубедительной, поскольку не объясняет появления форм *посáк* и *посáч*, которые, безусловно, родственны *сачок*, так как содержат тот же корень и обладают той же семантикой: ‘вор, мошенник’, ‘жулик, мошенник’, ‘ловкач’ — ср. выше *сачок* ‘пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек’, ‘плут, мошенник’, ‘вор’. Лексемы *посáк* и *посáч* явно представляют собой отглагольные образования и никак не могут быть производными от *сачок*. Также среди их значений не фиксируется ‘лентяй, бездельник’, на основе которого В.М. Мокиенко предлагает трактовать ‘плут, мошенник, жулик’.

В «Этимологическом словаре белорусского языка» высказывается предположение о том, что русское *сачок* и заимствованное из русского языка идентичное белорусское слово представляют собой дериваты названия рыболовной снасти *сак*, *сачок*. В качестве обоснования указывается русский глагол *сачковать*, употребляемый в значениях ‘ловить рыбу сачком’ и ‘бездельничать’. Последнее значение мотивируется представлением о ловле рыбы как о праздном, бесполезном времяпрепровождении. Однако авторы словаря замечают, что здесь может иметь место народная этимоло-

⁷⁰ Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 47.

⁷¹ Там же.

⁷² Мокиенко В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб.: Паритет, 1999. С. 87–89; Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: Астрель, 2005. С. 625; Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. С. 226–227.

⁷³ Мокиенко В.М. В глубь поговорки... С. 88.

гия⁷⁴. И с этим трудно не согласиться, поскольку *сачковать* ‘ловить рыбу сачком’ и *сачковать* ‘бездельничать’, очевидно, являются гетерогенными омонимами, поскольку их значения трудно связать напрямую.

Еще одна этимологическая версия о слове *сачок* принадлежит Е. Гавловой, которая связывает *сачок* ‘ухажер’ с макед. *сакам* ‘люблю’, *саканик* ‘возлюбленный’, возводимым к и.-е. *sek^u- ‘преследовать’ (см. выше). При этом семантическое развитие реконструируется следующим образом: ‘любить’ ← ‘хотеть, желать’ (ср. с.-хорв. *voljeti* и макед. *сакам* в обоих значениях) ← ‘искать’ (ср. болг. *искам* ‘хочу’, макед. *сакам* ‘ищу’) ← ‘преследовать’ (ср. рус. диал. *соचितь* ‘искать, выслеживать (вора, зверя)’, *сачкать*, *высачкать* ‘просить, выпрашивать, клянчить’). Однако автор также не исключает родство лексем со значением ‘ухаживать’, ‘ухажер’ с и.-е. *sek^u- ‘говорить’ (см. выше), так как имеются, например, чешские формы *namlouvat si* ‘ухаживать; свататься’, *námluvy* ‘ухаживание; сватовство’⁷⁵.

На наш взгляд, гипотеза о связи с и.-е. *sek^u- ‘преследовать’ объясняет появление семантики *сачок* ‘ухажер’, но оставляет без внимания такие значения, как ‘пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек’, ‘плут, мошенник’, ‘вор’ и ‘лентяй’. В то время как ‘ухажер’ вполне может быть производным от ‘пронырливый, ловкий человек’. Последнее значение кажется надежным выводить из семантики ‘выманивать, получать обманом’, первоначально ‘говорить’ (см. выше *сачкать*, *соचितь*, *высачкать*), как и в *посак* ‘вор, мошенник’, *посач* ‘жулик, мошенник’, ‘ловкач’, а также ‘попрошайка’.

Что касается *сачок* ‘лентяй’, то, по-видимому, оно сформировалось на основе семантики ‘человек, хитростью избегающий работы’, то есть ‘ловкач, пройдоха’. Случаи такого семантического перехода имеются в русских диалектах. Примером могут служить следующие лексемы:

махлюй ‘лентяй’ (смол., пск.), *махлюйка* ‘ленивая, плохая работница’ (смол., пск.)⁷⁶ при *махлюй* ‘плут’ (смол., пск.), *махлёвка* ‘обман’ (калуж.), ‘плутовка, лгунья’ (смол.)⁷⁷, *ма́хлер* ‘плут, лгун’ (смол.)⁷⁸;

аль́рник ‘бездельник, лентяй; дармод’ (южн.-сиб., сарат., перм., ворон., тамб., твер., моск. и др.)⁷⁹ при *аль́рник* ‘обманщик, плут, мошенник’ (курск., калуж., тамб., нижегор., смол., ворон., арх., новг., волог., сарат.), ‘карманный вор’ (Даль, без указ. места)⁸⁰; *аль́рить* ‘бездельничать, лениться’ (вят., ниже-

⁷⁴ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы... Т. 11. С. 330.

⁷⁵ Havlová E. Nářeční homonyma z okolí Moskvy. Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy / ed. E. Havlová. Praha: Kabinet cizích jazyků ČSAV, 1978. S. 27-28.

⁷⁶ Словарь русских народных говоров... Т. 18. С. 48.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Словарь русских народных говоров... Т. 1. С. 243.

⁸⁰ Там же.

гор., уфим., симб., казан., сибир., влад., перм.)⁸¹ при *альбрить* ‘промышлять обманом, мошенничать’ (пск.), ‘притворяться больным’ (вят.)⁸²;

дуросвѣт ‘бездельник, лентяй’ (Даль, без указ. места; брян., влад., орл., курск.)⁸³ при *дуросвѣт* ‘обманщик, мошенник, шарлатан’ (Даль, без указ. места; брян., влад., орл., курск.)⁸⁴, *дуросвѣтитъ* ‘дурить, дурачиться’ (ворон.), ‘притворяться (простаком, больным и т. п.)’ (ворон.)⁸⁵. Следовательно, и слово *сачок* ‘мошенник’ с большой долей вероятности могло стать наименованием ленивого человека, избегающего работы.

На более позднее появление значения *сачок* ‘лентяй’ по сравнению с ‘ловкач’, ‘мошенник’ косвенно указывают и данные «Национального корпуса русского языка»: в нем названия лентяя фиксируются позднее, чем наименования мошенника. А именно впервые слово *сачок* отмечается в конце 10-х — начале 20-х гг. XX в. Точно определить его семантику в этих контекстах трудно, но уверенно можно сказать, что она не связана с бездельем и имеет отрицательную коннотацию: ср. *У нас тут нашлись сачки, провокаторы, человечка три* (С. Буданцев. Мятёж (1919–1922)); — *Брать тихо, братва, без галдежа, не орать. — Этих сачков долго ли...; Давеча на дворе один сачок спрашивает: «Ты, молодец, откуда будешь?»* (Б.В. Савинков. То, чего не было (1918))⁸⁶ (разрядка моя. — Т. III.). Далее следуют цитаты из произведений 1930–40-х гг., где *сачок* употребляется в значении ‘человек, который хитростью, при помощи уловок уклоняется от выполнения обязанностей’: ср. *Есть у нас на судне такие сачки. Они в законах справляются, ищут такое преступление, за которое бы можно посидеть не больше года в исправительной тюрьме... Зато живыми останутся, расчет верный. Потом Воеводин рассказал, как увечат себя матросы, чтобы попасть в госпиталь и таким образом избавиться от злополучного броненосца* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)); *У нас есть определенная категория людей, всегда увливающих от нарядов, занятий, построений и прочего, называемая «сачками»* (В.Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг. (1944–1946))⁸⁷ (разрядка моя. — Т. III.). В 1950-е гг. *сачок* впервые фиксируется в значении ‘студент-прогульщик’, то есть также как название человека, избегающего выполнения обязанностей: *В перерыв Пушкин предложил «смотреться» с концерта и пошататься по институту. — Сачок! — с великолепным презрением произнесла Люся Огородникова, им доставляло удовольствие припоминать всякие студенческие словечки*

⁸¹ Словарь русских народных говоров... Т. 1. С. 242–243.

⁸² Там же.

⁸³ Словарь русских народных говоров... Т. 8. С. 272.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 25.12.2021).

⁸⁷ Там же.

(Д. Гранин. Искатели (1954))⁸⁸ (разрядка моя. — Т. III). В целом, по сведениям «Национального корпуса русского языка», основная область бытования слова *сачок* относится к военной сфере (31 фиксация) при 13 вхождениях с общим значением ‘лентяй’ и 5 с семантикой ‘студент-прогульщик’.

Таким образом, можно предположить, что значение *сачок* ‘лентяй’ сформировалось на основе семантики ‘человек, хитростью уклоняющийся от работы’. Здесь можно согласиться с В.М. Мокиенко в том, что более точно толковать форму *сачок* не просто как ‘лентяй’, а как ‘хитрый лентяй’ (см. выше). Однако, судя по всему, последнее возникло из ‘ловкач’, ‘мошенник’, а не наоборот, вопреки мнению исследователя.

В рамках изложенной версии *сачок* ‘ловкач; мошенник, жулик’, ‘лентяй’, как и *посак*, представляет собой производное от глагола *сакать* ‘выманывать хитростью’, изначально ‘говорить’. С точки зрения словообразования, аналогией являются другие отглагольные дериваты с суффиксом *-ок*, называющие производителя действия: ср. рус. *едок* от *есть*; *ездок* от *ездить*; *ходок* от *ходить*; *игрок* от *играть*; *стрелок* от *стрелять*⁸⁹.

Наименованиями безделья служат и другие дериваты рассматриваемого этимологического гнезда: ср. рус. диал. *сакать* ‘долг не приступать к какому-либо делу, медлить; отлынивать от работы’ (нижегор.)⁹⁰, *саковать* ‘бездельничать’ (карел.)⁹¹. Но, кажется, в этих глаголах данная семантика возникла вне связи с поведением хитрого, изворотливого человека, а в названиях речевого действия. Так, среди приведенных выше форм с корнем *сак-* представлены в том числе имеющие значение ‘болтать, вести пустые разговоры’ (ср. *сакать* ‘разговаривать, судачить’, ‘говорить, попусту болтать’, ‘заниматься пересудами, сплетнями’, *сакать* ‘разговаривать, болтать, проводя время праздно’, *посакать* ‘поговорить о пустяках, поболтать’). Далее, по-видимому, они становятся наименованиями безделья, так как болтовня отождествляется с пустой, бесполезной тратой времени. Аналогичный семантический переход наблюдается и в других корнях:

ср. рус. диал. *балабола* ‘болтун, болтушка, пустомеля’ (казан., смол., пск., олон.), *молоть балаболу* ‘говорить пустяки, болтать попусту’ (Даль, без указ. места)⁹², *балаболить* ‘сплетничать’ (Даль, без указ. места) и ‘шататься, слоняться по домам без дела’ (моск.)⁹³, *балаболка* ‘болтун; пустомеля, пустой человек’ (новг., твер., свердл.), ‘прозвище болтливой женщины’ (ворон.) и ‘бездельник, бездельница’ (костром.)⁹⁴;

⁸⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 25.12.2021).

⁸⁹ Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц... С. 339.

⁹⁰ Словарь русских народных говоров... Т. 36. С. 48.

⁹¹ Словарь русских говоров Карелии... Т. 5. С. 623.

⁹² Словарь русских народных говоров... Т. 2. С. 65.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 66.

баламы́га ‘пустослов, болтун’ (перм.)⁹⁵, *баламы́ка* ‘то же’ (перм., Киров.)⁹⁶ и *баламы́га* ‘бездельник, лентяй, праздношатающийся человек’ (волог.)⁹⁷.

Таким образом, по-видимому, *поса́к*, *поса́ч* ‘вор, мошенник’, ‘ловкач’ и *сачо́к* ‘мошенник’, ‘лентяй’ образованы от глаголов с корнем *сак-* / *сач-*, *сок-* / *соч-*, первоначально обозначающих речевое действие и восходящих к праславянским формам **sočiti* / **sakati*.

Источники

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. 3-е издание, исправленное и дополненное / под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель, 2005.
- Большой толковый словарь донского казачества / ред. В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М.: АСТ, 2003.
- Български етимологичен речник / ред. В.И. Георгиев, И. Дуриданов, М. Рачева, Т.А. Тодоров, Л. Димитрова-Тодорова, Л. Селимски. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1971–2017. Т. I–VIII.
- Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Русский жаргон: Историко-этимологический словарь. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.
- Етимологічний словник української мови / голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982–2012. Т. 1–6.
- Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е издание, исправленное. М.: Астрель–АСТ, 2005.
- Картотека «Лексического атласа русских народных говоров». Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.
- Лексический атлас русских народных говоров. Том II. Животный мир / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.
- Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003. Т. 1–4.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 25.12.2021).
- Новгородский областной словарь / ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова; издание подготовили С.А. Мызников, С.А. Левичкин. СПб.: Наука, 2010.
- Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров: ВятГУ, 1996–2018. Вып. 1–12.
- Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т.В. Михалева, Р.В. Семенкова, Л.К. Чикина. СПб.: Наука, 2013. Ч. I–II.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005. Т. 1–6.

⁹⁵ Словарь русских народных говоров... Т. 2. С. 72.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

- Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 1–5.
- Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25–46), С.А. Мызников (вып. 47–52). М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 1–52.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Астрель-АСТ, 2003. Т. I–IV.
- Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева (вып. 32), А.Ф. Журавлева (вып. 33–39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып. 40), Ж.Ж. Варбот (вып. 41). М.: ИРЯ РАН, 1974–2021. Вып. 1–41.
- Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В.У. Мартынаў (1–8), Г.А. Цыхун (9–14). Мінск: Беларуская навука, 1978–2017. Т. 1–14.
- Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Derksen R.* Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden — Boston: Brill, 2008.
- Etimološki slovar slovenskega jezika / avtorji F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan; ured. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU, 1977–2005. Knj. I–IV.
- Kralík L'.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA, 2015.
- Lexicon der indogermanischen Verben / ed. H. Rix. Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Akademia, 1971.
- Pokorný J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke, 1959.

Литература

- Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология / отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1984.
- Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В.* Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003955-9>
- Гура А.В.* Языковое созвучие как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах. Slověne. 2021. Vol. 10. № 1. P. 322–346. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.14>
- Мокиенко В.М.* В глубь поговорок: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Паритет, 1999.
- Шалаева Т.В.* Мотивационный аспект на картах «Лексического атласа русских народных говоров». Исследования по славянской диалектологии. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь / отв. ред. серии А.Ф. Журавлев, отв. ред. выпуска М.М. Алексеева, М.Н. Толстая. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. Вып. 23. С. 149–157. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23/12>

Havlová E. Nářeční homonyma z okolí Moškvy. *Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy* / ed. E. Havlová. Praha: Kabinet cizích jazyků ČSAV, 1978. S. 7–50.

References

- Gippius, A.A., Zalizniak, A.A., Toropova, E.V., 2017. Birch Bark Letters from the Dig Site 2016 in Novgorod. *Topics in the Study of Language*, 4, P. 7–24. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003955-9> (In Russian)
- Gura, A.V., 2021. Language Assonance as Symbolization Tool in Folk and Poetic Texts. *Slověne*, 10 (1), pp. 322–346. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.14> (In Russian)
- Havlová, E., 1978. Nářeční homonyma z okolí Moskvy. In: E. Havlová, ed., 1978. *Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy*. Praha: Kabinet cizích jaziků ČSAV, pp. 7–50.
- Mokienko, V.M., 1999. *Deep into Saying: Stories about Winged Word and Figures of Speech Origin. 2nd edition, revised and expanded*. Saint Petersburg: Paritet. (In Russian)
- Shalaeva, T.V., 2021. Motivational Aspect on “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects” maps. In: A.F. Zhuravlev, M.M. Alekseeva, M.N. Tolstaia, eds, 2021. *Russian Dialectology Studies. In memoriam of Liudmila Eduardovna Kalnyn'*. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN. Vol. 23, pp. 149–157. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23/12> (In Russian)
- Varbot, Zh.Zh., 1984. *Proto-Slavic Morphology, Word-Formation and Etymology*. Moscow: Nauka. (In Russian)

О БИБЛИОТЕКАХ, КАРТОТЕКАХ И ПУТЯХ К НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Олга Максимова Младенова

Кандидат филологических наук,
профессор Школы языков, лингвистики,
литератур и культур Университета Калгари
Почтовый адрес: ул. Университи Драйв
Северо-Запад, 2500,
Калгари, Альберта, T2N 1N4, Канада
Электронный адрес: omladeno@ucalgary.ca
ORCID: 0000-0002-7386-1712

Аннотация

Вспоминая давнишние разговоры с Г.К. Венедиктовым, одним из виднейших исследователей болгарского литературного языка XIX века, автор размышляет о взаимосвязи между методологией научных разысканий и их результатами. Воспоминания относятся в основном к московскому периоду жизни автора (1981–1992 гг.). Это было время перехода от советской к постсоветской эпохе в истории России, когда компьютеры только входили в трудовые будни сотрудников академических институтов и нужно было заранее записываться, чтобы получить доступ на определенное короткое время к использованию одного из институтских компьютеров. Тогда была государственная монополия на копировальную технику, ученые писали свои работы от руки или на печатных машинках, а потом переписывали на служебном компьютере, пользуясь гибкими дисками сначала 5,25-дюймовыми, а позже 3,5-дюймовыми, и текстовым редактором Chi-Writer для MS-DOS с кодировкой для кириллицы КОИ-8. Большое место в рабочем дне сотрудников московских академических институтов занимало чтение в научных библиотеках и проверка данных в картотеках, изготовленных вручную несколькими поколениями ученых. Институт славяноведения и балканистики находился поначалу в двухэтажном особняке, построенном в 1860 г. в Трубниковском переулке, д. 30а, а после 1990 г. переехал в здание Академии наук на Ленинском проспекте, д. 32а. Не за горами было появление интернета, электронной почты, мобильных телефонов, цифровых фотоаппаратов и национальных корпусов славянских языков, что на фоне широкого использования персональных компьютеров позже привело к революции в методологии проведения филологических исследований, которой никто пока не предвидел.

Ключевые слова

Г.К. Венедиктов, языковые данные, методология, болгарский литературный язык, болгарские диалекты

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2022 г.

Статья доработана автором 1 марта 2023 г.

Статья принята в печать 7 мая 2023 г.

Цитирование: Младенова О.М. О библиотеках, картотеках и путях к научному знанию в области истории языка. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 120–127. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.07>

ON LIBRARIES, DATABASES AND THE ADVANCEMENT OF KNOWLEDGE IN THE FIELD OF LANGUAGE HISTORY

Olga M. Mladenova

Ph.D., Professor,
School of Languages, Linguistics, Literatures
and Cultures, University of Calgary
Postal address: 2500 University Drive N.W.,
Calgary, Alberta, T2N 1N4, Canada
E-mail: omladeno@ucalgary.ca
ORCID: 0000-0002-7386-1712

Abstract

Recalling her past conversations with G.K. Venediktov, a leading specialist in 19th-century standard Bulgarian, the author reflects on the correlation between the methodology of linguistic research and its outcomes. The recollections pertain mainly to the Moscow stage of the author's life (1981–1992). It was a time of transition from the Soviet to the post-Soviet era in Russian history, when computers were just entering researchers' daily routine, and when one had to sign up in advance to get access for a certain short time slot to one of the institute's computers. Back then, there was a state monopoly on copying technology, scholars wrote their papers by hand or on typewriters, and then copied the final drafts on the office computer, using first 5.25-inch and later 3.5-inch floppy disks, and the text editor Chi-Writer for MS-DOS with encoding for Cyrillic KOI-8. Researchers spent a large portion of their time reading in libraries and checking data in index card collections, handwritten by several generations of scholars. The academic Institute of Slavic and Balkan Studies was first located in a two-story mansion, built in 1860 in 30a Trubnikovskii Pereulok and after 1990 it moved to the building of the Academy of Sciences on 32a Leninskii Prospekt. The advent of the Internet, e-mail, cell phones, digital cameras, and the national corpora of the Slavic languages was not far off, which, together with the mass employment of personal computers, was to lead later to a revolution in the methodology of philological research that no one yet foresaw.

Keywords

G.K. Venediktov, language data, methodology, Standard Bulgarian, Bulgarian dialects

Received 15 December 2022

Revised 1 March 2023

Accepted 7 May 2023

How to cite: Mladenova, O.M., 2023. O bibliotekakh, kartotekakh i putiakh k nauchnomu znaniyu v oblasti istorii iazyka [On Libraries, Databases and the Advancement of Knowledge in the Field of Language History]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 120–127. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.07>

На четвертом этаже 17 блока на улице Шипченски проход в Софии, напротив лифта, есть комната, в которой я не была давно. Это Архив болгарского языка эпохи Возрождения. В деревянных ящиках, занимающих всю комнату, находятся карточки в алфавитном порядке лемм с выписками преимущественно из публикаций, предшествующих Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., приведшей к независимости болгар от османского владычества. На материалах этой картотеки под редакцией Сте-

фана Илчева был создан Словарь редких, устаревших и диалектных слов в нашей литературе XIX и XX веков, который вышел в 1974 г.¹ В 80-х годах прошлого столетия в начале своего научного пути в качестве участника коллектива авторов Болгарского этимологического словаря я бывала там очень часто. Напоминаю, что одна из задач авторов Болгарского этимологического словаря — определить самую раннюю фиксацию этимологизируемых лексем. Если это не были слова, известные с древне- и среднеболгарского периода, или такие, которые встречаются в не полностью исследованной литературе на народном болгарском языке XVII и XVIII веков, то следовало ориентироваться на данные этой картотеки для датировки. Таким был мой опыт работы с данными болгарской литературы XIX века, когда с 1981 г. я по семейным обстоятельствам стала часто бывать в Москве. Тогда я начала много общаться с Григорием Куприяновичем Венедиктовым, с которым была знакома и раньше, так как он был другом моего отца Максима Младенова и бывал у нас во время своих поездок в Болгарию, и познакомилась с его женой Натальей Константиновной. Григорию Куприяновичу я обязана многочисленными письмами от Института славяноведения и балканистики в Ленинку, на основании которых мне выдавали временный читательский билет, чтобы работать в библиотеке, пока я была в Москве.

Наши пути часто пересекались в Ленинке. У меня создалось впечатление, что Григорий Куприянович проводил все неприсутственные дни в библиотеке. Он даже пытался приучить меня обедать там в столовой, что он сам всегда делал, несмотря на то, что еда, которая там предлагалась, была, на мой взгляд, несъедобной. Он был непритязателен в этом смысле и твердо верил, что обязательно надо поесть в середине дня, иначе можно заработать гастрит или язву. Я пользовалась его советами и в тех случаях, когда мне необходимо было сделать для отца ксерокопии каких-то работ, недоступных в Болгарии. Тогда нужно было занимать очередь у входа до открытия библиотеки и потом бежать вверх по лестнице наперегонки с другими желающими сделать ксерокопии, надеясь оказаться в небольшом числе тех, кому в этот день посчастливится получить заветные странички. Если не удавалось, то нужно было повторить попытку на следующий день.

Однажды у нас с ним произошел разговор, который запал мне в память и к которому я впоследствии много раз возвращалась в мыслях. Речь шла об Архиве Возрождения при Институте болгарского языка. Может быть, Григорий Куприянович работал по какой-то конкретной теме и поделился со мной своими соображениями? Он любил рассказывать о том, что волновало его в данный момент в работе, а это делало разговоры с ним очень интересными и для моего отца, у которого была та же привычка, и для меня. Вообще щепетильное и уважительное участие в научном диалоге (устном

¹ Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / под ред. на Стефан Илчев. София: Издателство на БАН, 1974.

или письменном) было главной формой самоизъявления Григория Куприяновича. Я предложила сделать для него справку в Архиве Возрождения. И вот тут он меня удивил. Он сказал, что нельзя рассчитывать на картотеки, которые находятся так далеко, а нужно самому, своими силами отвечать на вопросы, на которые можно найти ответы в этих картотеках. Допустим, сейчас я сделаю для него эту справку. Что будет в следующий раз, когда ему понадобится справка о чем-то другом? Так невозможно работать. Не могу описать, как меня потряс в общем-то естественный взгляд Григория Куприяновича на сбор материала для анализа. Я не поверила, что данные, собранные таким образом, могут быть достаточно полными и достоверными, чтобы на их основании прийти к каким-то стоящим выводам. Это методологическое разногласие ставило для меня под вопрос ценность публикаций Григория Куприяновича.

Между тем, моя московская жизнь чередовалась с софийской, я ездила туда-сюда и продолжала регулярно наведываться в Архив Возрождения и писать словарные статьи для Болгарского этимологического словаря. И вот тут-то я начала наталкиваться на некоторые несоответствия. Оказалось, что в тех случаях, когда и в Болгарском этимологическом словаре, и в какой-нибудь работе Григория Куприяновича предлагались даты первой фиксации для какого-то болгарского слова, часто эти даты не совпадали, причем более ранняя была у Григория Куприяновича. Он, как, впрочем, и Болгарский этимологический словарь, всегда ссылался на источник, и поэтому проверить, кто прав, было легко. Григорий Куприянович, оказывается, вдали от Архива Возрождения, являющегося делом целого коллектива, справлялся лучше с задачей хронологизации болгарской возрожденческой лексики, чем авторы Болгарского этимологического словаря, опирающиеся на этот архив. При этом нельзя сказать, что Григорий Куприянович принципиально отказывался использовать картотеку Архива Возрождения. В своей статье 2009 г. он называет ее «богатейшей и постоянно пополняемой картотекой словаря болгарского литературного языка эпохи Возрождения»².

Я стала думать, как это возможно. С течением времени я поняла, что картотека Архива Возрождения не такая богатая, как казалось. Как и большинство таких картотек, и в отличие от национальных корпусов, она выборочная. Иными словами, в нее входят не все слова из произведений, которые в ней представлены, а только те, которые оказались составителям заслуживающими внимания. Уточнение данных картотеки возможно двумя способами: путем расширения круга отбираемых произведений и путем расширения круга слов из них, включающихся в картотеку. И потом, ведь прямой контакт с языковыми данными для исследователя всегда

² Венедиктов Г.К. О нескольких Балановых словах. Отговорността пред езика. Т. 3: Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Кина Вачкова. И. Савова, В. Попова, К. Колева (ред.). Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2009. С. 96.

предпочтительней опосредованного. Ограничиваясь справками в Архиве Возрождения, авторы Болгарского этимологического словаря лишали себя возможности погрузиться в стихию болгарского литературного языка. Скажете, что жизни не хватит, чтобы искать иголки в стоге сена, тогда как на стене висит специальная подушечка с целой коллекцией иголок, забитых в нее? Ведь именно такую трудоемкую работу проделывал Григорий Куприянович за кадром для каждого своего исследования. Это видно и по цитированной статье о словах, предположительно созданных Александром Теодоровым-Баланом, где ссылки на картотеку отмечены годами (1978 и 1987 г.) и дополнены многими другими данными, собранными, по словам Григория Куприяновича, «(без какой-либо программы) при чтении печатных возрожденческих текстов»³.

Как я была рада, когда впоследствии заслуги Григория Куприяновича в изучении болгарского языка XIX века были высоко оценены и он в 1998 г. получил титул доктора *honoris causa* Софийского университета, а в 2006 г. был избран иностранным членом Болгарской академии наук.

Между тем, с наступлением компьютерной эры практика научного филологического исследования сильно изменилась. Появились национальные корпуса различных языков и огромное количество сканированных книг. Многое, что ранее было доступно лишь в научных библиотеках, теперь можно читать дома на экране своего компьютера, используя автоматический поиск в этом океане данных. Роль библиотек и картотек изменилась.

Так, мое исследование истории болгарских уменьшительных типа *градовце*, *стиховце*, *редовце* основано на корпусе из около 700 употреблений таких форм в контексте. На таких же обширных материалах построены работы о семантической эволюции болгарского слова *осенявам*, о взаимоотношениях между болгарскими наречиями со значением 'всегда, постоянно, вечно'⁴. Список можно было бы продолжить.

Моделью таких исследований, выполненных при решающей помощи компьютерной технологии, является предкомпьютерная методология образцовых работ Г.К. Венедиктова. Приведу один пример. Григорий Куприянович посвятил две статьи дискуссионному вопросу о диалектной основе современного болгарского литературного языка⁵. Он заинтересовался,

³ Венедиктов Г.К. О нескольких Балановых словах...

⁴ Младенова О. Приемственность и промяна в българския книжовен език: каква е разликата между *градовце* и *градчета*?. Българска реч. 2021. Т. 27. № 2. С. 9–32; *Она же*. *Balkan chiaroscuro: Bulgarian osenâ, osenâvam*. And Thus You Are Everywhere Honored: Studies Dedicated to Brian D. Joseph. J.J. Pennington, V.A. Friedman, L.A. Grenoble (eds.) Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2019. P. 191–209; *Она же*. Лексикални бележки III. 5. Наречия за време със значение 'винаги'. 6. *Скрада*. Българска реч. 2018. Т. 24. №3. С. 5–17.

⁵ Венедиктов Г.К. Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения. Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 73–89; *Он же*. Опыт интерпретации некоторых данных о возрожденцах и их книгах при изучении начальной истории формирования современного болгарского литературно-

какие реально могли быть возможности разных диалектов участвовать в формировании болгарского литературного языка и оставить в нем свой след, и установил, что ответ может дать анализ данных о месте рождения авторов эпохи Возрождения и числе изданных ими книг. Это так, потому что их родные говоры были той естественной языковой базой, на которую те из них, которые выступали за создание литературного языка на народной основе, только и могли опереться. Именно их родные диалекты и стали широкой народно-разговорной исходной базой, на которой формировался современный литературный язык. Каждый из них был очень привязан к родному говору, и не было такого диалекта, который стал бы престижным в глазах носителей иных диалектов настолько, чтобы они в его пользу отказались от вовлечения своих родных диалектов в общий процесс создания литературного языка. Очень характерно для Григория Куприяновича внимание к деталям, что и делает его аргументацию такой тщательной, а выводы такими убедительными. Так как утверждение диалектной основы литературного языка и его нормализация шли прежде всего книжным путем, он решает, что необходим полный учет данных о месте рождения авторов возрожденческих книг и о количестве книг, изданных каждым из них. Он не считал возможным оставить без внимания малоизвестных или почти неизвестных авторов с их единичными изданиями, сколь бы незначительным ни было их участие в книгопечатании. За время с 1806 г., когда увидели свет первые печатные новоболгарские книги, по 1877 г. были изданы 1832 книги. Если отбросить анонимные издания и те, место рождения авторов которых не установлено, остаются 1253 книги, написанные 263 деятелями эпохи Возрождения. На основании картографирования данных о месте рождения каждого автора на карте диалектного членения болгарского языка и количества его книг Григорию Куприяновичу удалось показать, что народная речь обширных частей болгароязычной территории оказалась вне литературно-языковой истории эпохи Возрождения. Сюда относятся все Причерноморье, почти весь юго-восток и северо-восток, некоторые районы северо-запада современной Болгарии, почти весь Родопский горный массив. Оказалось, что авторов, родившихся и выросших на территории распространения современных балканских диалектов, было в шесть раз больше, чем на территории распространения остальных восточноболгарских говоров, и в четыре раза больше, чем на территории говоров западноболгарских и македонских. Число книг, изданных носителями балканских говоров, превышает более чем в четыре раза число книг носителей других восточноболгарских говоров и почти в пять раз общее число книг уроженцев Западной Болгарии и Македонии. Полученные данные подтверждают положение о том, что становление современного болгарского литературно-

го языка. Литературные языки в контексте культуры славян. Г.К. Венедиктов (отв. ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН. 2008. С. 153–206.

го языка на восточноболгарской диалектной основе объясняется подавляющим вкладом, внесенным в этот процесс носителями балканских говоров. Эти же данные, представленные в хронологическом порядке по десятилетиям, наглядно показывают, как постепенно, из десятилетия в десятилетие расширялось и утверждалось восточноболгарское наречие и, соответственно, как постепенно сужалось в книгопечатании место наречия западноболгарского.

Все это исследование, которое я представила кратко и в общих чертах, было осуществлено Григорием Куприяновичем вручную. У нас сейчас появилась возможность задавать себе вопросы, которые было немислимо ставить раньше, и решать их при помощи компьютеров. Тем не менее, успех научных исследований при равных условиях доступа к компьютерным технологиям продолжает зависеть, как и раньше, от трудолюбия, эрудиции и воображения исследователей. Очень надеюсь, что вдохновляющий пример болгаристических исследований Григория Куприяновича Венедиктова окажется таким же заразительным для молодых ученых, каким он является для исследователей моего поколения.

Литература

- Венедиктов Г.К.* Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения. Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 73–89.
- Венедиктов Г.К.* Опыт интерпретации некоторых данных о возрожденцах и их книгах при изучении начальной истории формирования современного болгарского литературного языка. Литературные языки в контексте культуры славян. Г.К. Венедиктов (отв. ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН. 2008. С. 153–206.
- Венедиктов Г.К.* О нескольких Балановых словах. Отговорността пред езика. Т. 3: Сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Кина Вачкова. И. Савова, В. Попова, К. Колева (ред.). Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2009. С. 94–103.
- Младенова О.* Лексикални бележки III. 5. Наречия за време със значение ‘винаги’. 6. *Скрада*. Българска реч. 2018. Т. 24. №3. С. 5–17.
- Младенова О.* Приемственост и промяна в българския книжовен език: каква е разликата между *градовце* и *градчета*?. Българска реч. 2021. Т. 27. № 2. С. 9–32.
- Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. Стефан Илчев (ред.). София: Издателство на БАН, 1974.
- Mladenova O.M.* Balkan chiaroscuro: Bulgarian *osenâ*, *osenâvam*. And Thus You Are Everywhere Honored: Studies Dedicated to Brian D. Joseph. J.J. Pennington, V.A. Friedman, L.A. Grenoble (eds.) Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2019. P. 191–209.

References

- Ilchev, S., ed., 1974. Dictionary of Rare, Obsolete and Dialect Words in Our 19th- and 20th-Century Literature. Sofia: Izdatelstvo na BAN. (In Bulgarian)
- Mladenova, O., 2018. Lexical Notes III. 5. Bulgarian Adverbials of Time Meaning ‘always’; 6. *Skrada* ‘fire, bonfire’. *Bulgarska rech*, 24 (3), pp. 5–17. (In Bulgarian)
- Mladenova, O.M., 2019. Balkan chiaroscuro: Bulgarian *osenâ*, *osenâvam*. In: J.J. Pennington, V.A. Friedman, L.A. Grenoble, eds., 2019. *And Thus You Are Everywhere Honored: Studies Dedicated to Brian D. Joseph*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, pp. 191–209.
- Mladenova, O., 2021 Continuity and Change in Standard Bulgarian: How Does *gradovtse* Differ from *gradcheta*? *Bulgarska rech*, 27 (2), pp. 9–32. (In Bulgarian)
- Venediktov, G.K., 1971. Dialect Foundation of Standard Bulgarian and Bulgarian Book Printing during the National Revival Period. *Voprosy iazykoznaniiia*, (4), pp. 73–89. (In Russian)
- Venediktov, G.K., 2008. A Tentative Interpretation of Data about Figures of National Revival and their Books in the Exploration of the Early Stages in the Formation of Modern Standard Bulgarian. In: G.K. Venediktov, ed., 2008. *Standard Languages in the Context of Slavic Culture*. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN, pp. 153–206. (In Russian)
- Venediktov, G.K., 2009. On Some of Balan’s Words. In: I. Savova, V. Popova, K. Koleva, eds, 2009. *Accountability to Language*. Shumen: Universitetsko izdatelstvo “Episkop Konstantin Preslavski”. Vol. 3. Edited Volume Dedicated to Professor Dr. Kina Vachkova’s 65th Birthday, pp. 94–103. (In Russian)

О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕБОЛГАРСКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Кирил Пырванов Кирилов

Доктор филологии,
доцент Секции болгарской диалектологии
и лингвистической географии,
Институт болгарского языка имени Профессора
Л. Андрейчина Болгарской академии наук.
Почтовый адрес: Бульвар Шипченски проход, 52, к. 17,
София, 1113, Болгария
Электронный адрес: kkm75@abv.bg

Аннотация

Статья посвящена проблеме утраты лексического значения приставок в древнеболгарском языке. Лингвистический материал, на котором делаются выводы, почерпнут из словарей и архивов. Объектом изучения являются несколько глаголов, формирующих видовые пары (лжчнтн : разлжчнтн; сѣштн : прѣсѣштн; чнстн : прочнстн; лювнтн : възлючнстн). В теоретическом плане анализ статьи основан на использовании эффекта Вея-Схоневельда, который находит широкое применение в русской аспектологии. Основная цель исследования — проанализировать некоторые видовые («пустые») приставки. В работе, исходя из того, что префикс становится видовым, когда его семантика ближе к семантике исходного глагола, мы пытаемся найти случаи, когда многозначность глагола сделала смысловую близость незаметной, скрытой. Иногда, чтобы найти связь между значениями префикса и глагола, надо проникнуть глубоко в природу феномена, названного при помощи глагола.

Ключевые слова

Глагол, пустые приставки, семантика, метафора, Э. Фромм, эффект Вея-Схоневельда

Статья поступила в редакцию 27 марта 2023 г.

Статья доработана автором 24 мая 2023 г.

Статья принята в печать 27 июня 2023 г.

Цитирование: *Кирилов К.П.* О развитии семантики некоторых древнеболгарских префиксальных глаголов. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 128–140. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.08>

ABOUT EVOLUTION OF THE SEMANTICS OF SOME OLD BULGARIAN VERBS WITH A PREFIX

Kiril P. Kirilov

Ph. D., assoc. prof.
in Departement for Bulgarian
Dialectology and Linguistic Geography,
Institute for Bulgarian Language
„Prof. L. Andreychin“,
Bulgarian Academy of Sciences
Postal address: Shipchenski prohod Blvd, 52,
Building 17, Sofia, 1113, Bulgaria
E-mail: kkm75@abv.bg

Abstract

The article is dedicated to the problem of the existence of the empty prefixes the Old Bulgarian language. The linguistic material is collected from dictionaries and archives. Although the research, by its nature, is interdisciplinary the main method is linguistic. The object of study are several verbs which form aspectual pairs (лѣчнѣти : разлѣчнѣти; сѣкшѣти : прѣсѣкшѣти; ѹнѣти : прѣѹнѣти; любѣти : вѣзлюбѣти). On theoretical perspective, the analysis of the article is based on the use of the Wey-Schoneveld effect, nowadays widely spread in Russian aspectology. The main purpose of the article is to analyze that prefixes which in the verbal derivation change only aspectual meaning of the imperfective verb. According to the fact that the prefix becomes aspectual when its semantic is similar to the semantic of the original verb (Wey-Schoneveld effect), we are trying to discover approaches when the polysemantic has made that semantic connection difficult to feel. Sometimes, in order to reveal the semantic relationship between the prefix on the one hand and the imperfect verb on the other, we need deep knowledge of the nature of the phenomenon that this verb names.

Keywords

Verb, empty prefixes, semantics, metaphor, E. Fromm, Wey-Schoneveld effect

Received 27 March 2023

Revised 24 May 2023

Accepted 27 June 2023

How to cite: Kirilov K.P., 2023. O razvitii semantiki nekotorykh drevnebolgarskikh prefiksals'nykh glagolov [About Evolution of the Semantics of Some Old Bulgarian Verbs with a Prefix]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 128–140. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.08>

Данная статья посвящена семантике общерезультативных глаголов в древнеболгарском языке. В ней рассматриваются некоторые префиксальные глаголы, у которых префиксы являются «пустыми», видовыми. Лингвистический материал взят из словарей¹ и архивов. В нашей работе мы используем традиционное определение видовой пары: видовую

¹ Старобългарски речник / под ред. на Д. Иванова-Мирчева. София: Валентин Траянов, 1999–2009. Т. I–II. URL: https://histdict.uni-sofia.bg/oldbgdict/oldbg_search/ (дата обращения: 24.03.2023).

пару образуют две глагольные формы, совпадающие по смыслу (лексически) и имеющие разные видовые значения (одна — несовершенного вида, другая — совершенного)². Большинство болгарских глаголов образовано с помощью префиксов и суффиксов. Приставки служат для образования новых слов, отличающихся от исходных своим смысловым содержанием, но иногда приставка изменяет не только лексическое, но и грамматическое значение производящей основы, переводит ее из несовершенного вида в совершенный. Часто префиксальные глаголы, как, например, *направя*, *прочета*, *разделя*, *отбележа*, достаточно близки по смыслу глаголам *правя*, *чета*, *деля*, *бележа*. Разница же сводится (или почти сводится) к грамматическим отличиям между формами совершенного и несовершенного видов. Можно сказать, что в этих случаях приставки *на-*, *про-*, *раз-*, *от-* «пустые», видовые, а глаголы *правя* – *направя*, *чета* – *прочета*, *деля* – *разделя*, *бележа* – *отбележа* входят в парные взаимоотношения. В болгарском языке полностью обобщена вторичная имперфективация: из каждого перфективного глагола с помощью суффиксов образован глагол вторичного несовершенного вида (например, *чета* несов. — *прочета* сов. — *прочитам* вт. несов.; *работя* несов. — *изработя* сов. — *изработвам* вт. несов.). К. Иванова дала определение этому явлению и указала критерии, в каких случаях префиксы являются «пустыми». Префикс становится таковым, когда семантика вторичного имперфектива совпадает с семантикой исходного глагола. Так, чтобы префикс *про-* стал «пустым» в триаде *чета* — *прочета* — *прочитам*, первый и третий члены триады должны обладать одной и той же семантикой³. Согласно этому критерию, мы можем констатировать, что два глагола сформировали пару, но не можем объяснить, почему префикс стал «пустым».

Основная цель нашего исследования — проанализировать некоторые видовые приставки с использованием эффекта Вея-Схоневельда, который находит широкое применение в русской аспектологии. К примеру, в работе А. Зализняка и И. Микаэляна сказано, что «семантическая пустота приставки в префиксальных видовых парах возникает в результате дублирования приставкой некоторого смыслового компонента, уже содержащегося в глаголе (т.н. эффект Вея-Схоневельда)»⁴.

Об эффекте Вея-Схоневельда также пишет Л. Янда, утверждая, что «чистовидовые» глагольные приставки в русском языке функционируют как глагольные классификаторы⁵.

² Граматика на български книжовен език. Т. II: Морфология. С. Стоянов (ред.). София: Изд. на БАН, 1982. С. 258–259.

³ Иванова К. Десемантизация на глаголните представки в съвременния български книжовен език. София: Изд. на БАН, 1966. С. 33.

⁴ Зализняк А.А., Микаэлян И.Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды. Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.

⁵ Янда Л. Русские приставки как система глагольных квалификаторов. Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.

В чем же состоит эффект Вея-Схоневельда? Изучая префиксацию в чешском языке, М. Вей, следуя за А. Ваяном⁶, который говорил о «пустых» префиксах (*prefixes vides*), высказал идею, что префикс всегда сохраняет свое лексическое значение. Но если значение префикса ближе к значению непрефиксального глагола, то глагол меняет только свою видовую характеристику с несовершенного вида на совершенный после префиксации⁷. В дальнейшем эта мысль получила развитие у голландского слависта К. ван Схоневельда, который дополнил наблюдения Вея, полагая, что префикс является «пустым» в случае, если результат действия глагола тождествен результату действия, которое выражает приставка⁸.

Итак, в нашей работе мы опираемся на тот факт, что префикс становится *видовым*, когда его семантика ближе к семантике исходного глагола. В целом префикс не теряет своего значения, потому что его семантика похожа на семантику исходного глагола и ему нечего добавить к ней. В этом случае префикс меняет только видовую характеристику.

В древнеболгарском языке *видовыми* чаще всего становятся префиксы *оу-*, *съ-*, *по-*, *из-*, *за-*, *о-*, *на-*. Значительно реже — *отъ-*, *до-*, *въ-*, *въз-*. Интересно, что один и тот же префикс может быть как лексическим, так и видовым. Иногда разобраться с приставками, используя эффект Вея-Схоневельда, весьма просто. Например, дистрибутивный префикс *раз-*, присоединенный к глаголам *будить*, *дразнить*, выражающим побуждение к действию, становится видовым.

Чтобы проиллюстрировать «пустой» префикс, Вей выделил 75 чешских глаголов, среди которых, например, глаголы *dělití*, *dvojiti*, *brádití* ‘бороздить’⁹. С учетом эффекта Вея-Схоневельда легко объяснить, как префикс *раз-*, являющийся способом формирования дистрибутивных глаголов, становится «пустым» в сочетании с такими глаголами, как *лжчнтн*, *лжчж*, *лжчншн*; *д’ълнтн*, *д’ълж*, *д’ълншн* и др.

Лжчнтн, лжчж, лжчншн ‘разлучать’: *ѣдного тѣ гѣ н бѣ нсповѣдаѣ ... не раздѣлѣ тебе не раздѣленаго. не лжчж тебе не лжченаго. не прѣрѣжж тебе не д’ъленаго* (С 505.17).

Разлжчити, лжчж, лжчншн ‘разделить, разлучить’: *прндѣ во разлжчнтѣ чѣка. на бѣа своего* (М Мф. 10:35 З).

Таким же образом можно объяснить, что префикс *прѣ-* бывает пустым, если он присоединен к глаголу *с’ѣштн*, *с’ѣкж*, *с’ѣчешн*, который имеет следующие значения:

⁶ Vaillant A. Manuel du vieux slave. Paris: Institut d’Études slaves, 1948.

⁷ Vey M. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne. Revue des études slaves. 1952. Т. 29. Р. 82-107.

⁸ Цит. по: Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 98.

⁹ Vey M. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne. Р. 88.

1) ‘рубить, рассекать, сечь’: *хотѣшнми нѣо н земаѣ обновиши. егоже слова свѣтъ сѣтъ ... егоже слова ... ꙗко оскрѣдѣ сѣкы камене* (СЕ 55b13);

2) ‘отсекать голову, обезглавливать’: *вез оума ны мжунте. вез оума ны сѣчете вндаште внсѣры црѣкѣвѣныа отъ свнннн попѣраны* (С 134.24).

Новый глагол *прѣсѣшн*, *сѣкж*, *сѣчешн* приобретает следующую семантику:

1) ‘перерубить, разрубить’: *ѣгда хотѣаше вѣуѣтенын съ мрътвѣцн. прѣсѣшн гровѣныа печатн* (С 472.27);

2) ‘пройти’: *прнгвозднша нозѣ ѣго. прѣсѣкѣшнн влны морскыа. повѣснша жнзнь на дрѣвѣ. остроушнша ѣже не оубнѣшн* (С 477. 10).

Вей обособил в чешском языке 11 глаголов, для которых префикс *prě-* является видовым. Представим несколько из них: *plaviti* ‘плавать’, *čísti* ‘читать’ и др.¹⁰

Иногда применить гипотезу Вея-Схоневельда оказывается сложнее. Вей описал в древнечешском языке 14 случаев, когда префикс *vъz-* (*vz-* у Вея) является пустым, например: *buditi* ‘будить’, *kipěti* ‘кипеть’¹¹. С помощью префикса *vъz-* со значением ‘движение вверх’ формируются следующие глаголы: *vъzniti* ‘подняться’, *vъzdвнгнѣти* ‘поднять’, *vъzdвнзати* ‘поднимать’, *vъзрасти* ‘вырасти’, *vъзнести* ‘поднять (вверх)’ и т.д. В их семантике четко прослеживается идея восходящего движения. Префикс *vъz-* связан еще с инхоативным (начинательным) способом действия, например, *vъzгрѣмѣти* ‘загреть’. Однако цель нашего исследования не заключается в рассмотрении всех префиксальных глаголов, сформированных с помощью префикса *vъz-*. Речь идет о том, чтобы понять, как иногда приставка становится пустой в случаях с теми глаголами, у которых на первый взгляд нет ничего общего с семантикой ‘движение вверх’. В качестве примера дадим видовую пару *любнти* — *vъзлюбнти*. В древнеболгарском языке *любнти*, *любляж*, *любнши* обладает следующими значениями:

1) ‘любить кого-то, что-то’: *ѣже любнть отѣца ли матерѣ паче мене нѣстѣ мене достоннѣ* (М Мф. 10:37); *такѣ тебе любнмѣ. н многа радн достоннѣ еси живѣ вѣти* (С 129.26–27);

2) ‘хотеть, желать’: *любнши ли съподовнти сѣ аѣлѣскоумоу образоу. ѣ прнчѣстнн сѣ въ анкѣ мѣнншѣскѣн* (СЕ_86b 22).

Префиксальный глагол *vъзлюбнти*, *vъзлюбляж*, *vъзлюбнши* означает:

1) ‘полюбить’: *vъзлюбнши гѣ бѣ твоего. вѣсѣмѣ срдѣемѣ твонимѣ* (М Мф. 22:37 З А);

2) ‘захотеть, пожелать’: *възлюбнхѣ спѣнне твое гѣ. ѣ законѣ твоѣ поученне мое естѣ* (СП 118.174).

¹⁰ Vey M. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne. P. 89.

¹¹ Ibid. P. 88.

Следуя гипотезе Вея-Схоневельда, мы попробовали подобрать метафору со значением ‘движение вверх’ и нашли ответ в книге Э. Фромма «Искусство любви. Исследование природы любви»¹². В данном случае анализ семантики глагола *възлюбѣти* основан на метафоре «любовь как искусство», а между семантикой префикса *въз-* и идеей об «искусстве любви» есть нечто общее. Фромм рассматривает любовь как то, чему человек должен *научиться*, чтобы быть счастливым. Ему необходимо приобретать знания и навыки, а в процессе самообучения быть терпеливым и дисциплинированным. Это непросто, ведь для освоения любой деятельности требуются дисциплина и усердие. В процессе изучения любого предмета есть определенные уровни, а продвижение к верхним ступеням напоминает восходящее движение. Таким образом, в метафорическом смысле любовь является предметом, искусством и дисциплиной, которым мы можем научиться, то есть двигаться вверх. В этом случае префикс *въз-*, обладающий семантикой ‘движение вверх’, представляет собой вполне удачный пример, причем префикс является «пустым». Можно сказать, что процесс перфективации *любѣти* — *възлюбѣти* напоминает процесс перфективации русской пары *учить* — *выучить*.

Приставка *pro-* служит прежде всего для формирования перкурсивных глаголов. Результативно-перкурсивный способ действия означает действие, разделяющее объект или субъект на две части¹³. Перкурсивные глаголы очень часто выражают действие, которое проходит через какую-то преграду. М. Вей выделил 28 глаголов, в сочетании с которыми *pro-* является пустым, например, *cediti* ‘цедить’, *mēniti* ‘менять’¹⁴. В древнеболгарском глагол *чнстн*, *чѣтж*, *чѣтешн* в сочетании с префиксом *pro-* формирует общерезультативный глагол *проучнстн*, *проучѣж*, *проучѣшн*. Теряет ли при этом префикс *pro-* свое значение или он только «синоним» *чнстн* ‘читать’?

В видовой паре *чнстн* — *проучнстн* исходный глагол *чнстн* означает:

1) ‘читать’: *онѣ же рече къ немуѣ. въ законѣ чѣто писано естъ како чѣтешн* (М Лк. 10:26 З А СК);

2) ‘почитать, уважать’: *бѣ во заповѣда гл҃а. чѣти отѣца и матерѣ. и нже зѣлословнѣтъ отѣца ли матерѣ. съмрѣтъжь оумрѣть* (М Мф. 15:4 З., срав. Мк. 7:10 М З Изб. 1072, л. 231);

3) ‘считать, исчислять, измерять’: *колнчество оубо естъ сама та мѣра мѣраштна и чѣтоштна, колнко еже же подѣ чнсменьнѣти и подѣ мѣрожь подѣложнѣтъ*¹⁵.

¹² Фром Е. Искусство да обичаш. София: Сиела, 2019.

¹³ Иванова К. Начини на глаголното действие в съвременния български книжовен език. София: Изд. на БАН, 1974. С. 51.

¹⁴ Vey M. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne. P. 89.

¹⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 2013. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 24.03.2023).

Префиксальный глагол *проучнѣти* -*проучѣтъ* -*проучѣтиши* приобретает значение ‘прочсть’: [а] нже ... *проучѣтъ* [ѣже нап]нсаѣтъ. [да проклѣ]нѣтъ [ѣр] етнка (АН).

Как было отмечено выше, с помощью префикса *про-* формируются перкурсивные глаголы. Очень редко он становится видовым. Чтобы применить эффект Вея-Схоневельда, попробуем найти что-нибудь перкурсивное в семантике глагола *учнѣти*, *учѣтъ*, *учѣтиши* и сблизить значения приставки *про-* и глагола *учнѣти*. В словаре И.И. Срезневского на первом месте у глагола *учнѣти* стоит значение ‘считать’. В болгарских говорах и в художественной литературе префиксальный глагол *проче́та* означает ‘считать’: *Намери кошница яйца, прочете ги, бяха точно 50*¹⁶. Более подходящей метафорой является слово *броеница* ‘четки’, которое и в болгарском, и в русском языках восходит к глаголам, имеющим значение ‘считать’. Чтение как бы напоминает движение бусинок-четок сквозь пальцы, другими словами, буквы и слова напоминают четки. Таким образом, в семантическом плане префикс *про-* и глагол *учнѣти* оказываются носителями одной и той же идеи.

Ранее мы отметили, что приставки *за-* и *по-* являются приставками, которые чаще других имеют только видовое значение. В работе М. Вея описаны 497 чешских глаголов, которые в сочетании с префиксом *za-* меняют только свою видовую характеристику, например, *nesti* ‘нести’, *baliti* ‘упаковывать’¹⁷. В работе Вея насчитывается 220 глаголов с префиксом *po-*, которые также меняют только свою видовую характеристику, в том числе такие глаголы, как *travati* ‘продолжать’, *držeti* ‘держатъ’, *mysliti* ‘думать’¹⁸.

Семантика префикса *за-* и предлога *за* связана с движением назад или с положением «что-то находится за чем-то». Возможно ли в этом случае использовать эффект Вея-Схоневельда? Мы думаем, что в случае с префиксами, которые выражают движение назад и вперед, необходимо обратить внимание на представление А. Бергсона о настоящем, прошлом и будущем. В философии Бергсона человеческое тело ограничено прошлым и будущим. Это визуальная точка, которая толкает прошлое к будущему¹⁹. На самом деле настоящее — это невидимая граница, разделяющая прошлое и будущее. Настоящий момент невозможно вычислить, измерить, определить в реальном математическом смысле. Он существует в нашей перцепции, занимает определенный момент, имеет определенную *продолжительность* (*durée* у Бергсона). Прошлое определяет наше настоящее, настоящее — это то, что мы воспринимаем нашими чувствами в данный момент²⁰. Таким

¹⁶ Каралийчев А. Приказки и разкази. URL: <https://chitanka.info/text/18675-edin-chuval-tikvi> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁷ Vey M. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne. P. 104.

¹⁸ Ibid. P. 94.

¹⁹ Bergson H. Matière et mémoire. Paris: Pierre Hidalgo, 2012. P. 87–88.

²⁰ Ibid. P. 166–168.

образом, принимая идею Бергсона о *durée*, легко можно понять языковые изменения префикса *за-*. Возьмем, например, видовую пару *жештн* — *зажештн*. В древнеболгарском *жештн*, *жегж*, *жежешн* значит:

1) ‘жечь, зажигать’ [огонь]: *ѿ съвѣжате ѿ въ снопы ꙗко жештн ѿ* (З Мф. 13:30);

2) ‘обжечь кого-нибудь раскаленным предметом’: *перннн нечѣстнѣын. повелѣ раждегъше желѣза зꙗло жештн н по ревромъ* (С 116.23).

Перфектив *зажешти*, *зажегж*, *зажежешн* тоже имеет значение ‘зажечь’: *ѿ градъ нхъ зажъже* (М Мф. 22:7 З), А; *аще кѣто домъ зажежетъ. ли гоумъно. жъ лѣ да поетъ ѿ о вѣ о вѣ* (СЕ 109b 10–11). Следуя идее Бергсона, мы понимаем, что акт зажигания остается в прошлом, а в нашем настоящем воспринимаем только огонь.

Что-то подобное можно наблюдать в деривации с помощью префикса *по-*, который в сочетании с локативом несет в себе идею пространственной последовательности: *на много народъ отъ галнлѣа. по немъ ндоша* (З Лк. 23:26)²¹. Приставка *по-* часто становится видовой, когда действие с точки зрения продолжительности нашего собственного настоящего (*durée*) оказалось в прошлом. Далее представлен пример видовой пары, которая образована с помощью префикса *по-*: *житн* — *пожитн*.

Исходный глагол *житн*, *живж*, *живешн* означает:

1) ‘существовать, жить’: *азъ живж н въ живн вѣдѣте* (М Ин. 14:19 З А СК) *вран же мой живжтъ ѿ оукрѣпнша сѧ пауче мне* (СП 37.20);

2) ‘проводить жизнь, жить при каких-то обстоятельствах, каким-то образом’: *н не по мѣностѣхъ днѣхъ ... мѣннн снъ отнде на странѣ далече. н тоу растоун нмѣнне свое. живжы вѣдѣно* (М Лк. 15:13 З А СК);

3) ‘жить где-то’: *ѿ въ храмѣ не живѣаше. нъ въ гробѣхъ* (М Лк. 8:27 З А СК);

4) ‘оживлять’: *дхъ естъ иже живет* (А Ин. 6:63).

Производный глагол *пожитн*, *поживж*, *поживешн* означает:

1) ‘получить жизнь, существовать’: *не о хлѣбѣ еднною поживетъ ꙗкъ* (З Мф. 4:4);

2) ‘прожить’: *въ мѣтвахъ незамѣдно поживж. ннщѣа възлѣчен* (Е 23б 10–11); *ѿвна трн днн въ кнѣ поживж. трндневънонѣ въскрѣсеннѣ нго проображааше* (С 478. 26).

В образном плане с точки зрения настоящего (*durée* у Бергсона) речь идет о человеке, который прожил, существовал уже какое-то время, а сейчас ситуация изменилась — и все осталось позади. Можно предположить, что результат действия глагола *пожитн* тождествен результату приставки *по-* и условие о видовом префиксе, согласно теории Схоневельда, выполнено.

²¹ Добрев И., Икономова Ж., Тотоманова А.-М. Старобългарски език за XI клас на НГДЕК. София: Просвета, 1991. С. 62.

Весьма интересным является присутствие префиксов *за-* и *по-* в историческом развитии глаголов *помня* ‘помнить’ и *запомня* ‘запомнить’. Оба связаны с древнеболгарским глаголом состояния *мьнѣтн* [сѧ], *мьнѣж* [сѧ], *мьнншн* [сѧ]:

- 1) ‘думать, полагать, считать’: *нѣ мьнннѣ ꙗко прндѣ въврѣштн мнра на землѣж. нѣ прндѣ въврѣштѣ мнра нѣ мечѣ* (М Мф. 10:34 З., срав. Лк. 12:51 М З);
- 2) ‘считать кого-/что-либо кем-/чем-либо’: *н аште сротѣж мьнншн то н того отъпаде* (С 241.10).

Дериват *помьнѣтн*, *помьнѣж*, *помьнншн* сохраняет видовую характеристику *мьнѣтн* и приобретает значение ‘помнить, вспомнить’: *оушн нмжштѣ нѣ слѣшнштѣ. ѿ нѣ помьнннѣ лн* (М Мк. 8:18 З). В этом случае приставка имеет только словообразовательное значение. В семантике *помьнѣтн* отражена идея последовательности. Но каким образом идея последовательности в пространстве могла связать два сложнейших психологических процесса? Глаголы *мьнѣтн* (*мнить, думать*) и *помьнѣтн* (*помнить, запомнить*) отражают процессы мышления и запоминания. Мышление — это высший психологический процесс отражения в сознании человека мыслительных образов. А память — это возможность человека запомнить, сохранить и воспроизводить определенную информацию²². Таким образом, благодаря префиксу новый глагол приобретает значение, отражающее на первый взгляд совершенно иной психический процесс. Как было отмечено ранее, *мьнѣтн* и *помьнѣтн* обозначают близкие процессы: мышление — обработка образов²³, память — их сохранение²⁴. Кроме этого, обнаруживается связь между процессами мышления и памяти в этимологии глагола *мьнѣтн*. Он является наследником праславянского **myněti*, **myŋjǫ*, **myŋiti*, который близок литовскому *minėti*, *menù*, ‘вспоминать, упоминать’, древнепрусскому *Minisnān* ‘память’, древнеиндийскому *mānyatē*, *manutē* ‘думать, помнить’, греческому *μέμνη* ‘помню’²⁵.

Человеческая память состоит из трех составляющих: сенсорного регистра, краткосрочной и долгосрочной памяти²⁶. Если закрыть глаза, перед нами на фоне еще несколько секунд остается последнее изображение, а префикс *по-* в сочетании с дативом выражает именно «что-то на фоне, на поверхности»: *идѣ къ нннѣ нѣстѣ ходѣ по морю* (М Мф. 14:25 З, А, Б); *повѣлн лн прнтн къ тѣкѣ по водамѣ* (М Мф. 14:28 З А)²⁷. После сенсорного регистра

²² Дружилов С. Основы практической психологии и педагогики для бакалавров. М.: Флинта, 2017. С. 182–192.

²³ Дафов В. Мислещо и действителност. Пловдив: Проектор, 2012.

²⁴ Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М.: Мир, 1974.

²⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 24.03.2023).

²⁶ Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980.

²⁷ Добрев И., Икономова Ж., Тотоманова А.-М. Старобългарски език за XI клас на НГДЕК. С. 62.

информация поступает в кратковременное хранение, потом в длительное хранение, где отдельные изображения расположены друг за другом. А семантика *по-* с локативом выражает последовательность: *и много народъ по немъ доша*. (3 Лк. 23:26)²⁸.

В современном болгарском языке *мня* является наследником глагола *мьнѣти* ‘думать’ и встречается только в народных говорах. В литературном языке встречаем глагол *помня* ‘помнить, вспомнить’, наследник префиксального глагола *помьнѣти*. Однако для специалистов в области истории языка очевидно, что *помня* – префиксальный глагол, дериват диалектного *мня* ‘думать’. Несмотря на присутствие префикса, глагол *помня* несовершенного вида, как и его предшественник *помьнѣти*. При помощи префикса *за-* из современного *помня* образован общезулытативный глагол *запомня* ‘запомнить’. Попробуем применить здесь гипотезу Вея-Схоневельда. Вполне возможно, что новая семантика ‘запомнить’ у *помьнѣти* основана как на акурсивном значении префикса *по-*, так и на его локативной функции. Глаголы, выражающие акурсивное значение, несут в себе идею прикосновения к какой-то поверхности или наложения чего-либо поверх чего-либо²⁹.

В метафорическом плане, следуя словообразовательным особенностям глагола, можно сделать вывод, что память — сохранение мысленных образов на поверхности или позади чего-то. В этом контексте грамматикализация префикса *за-* в современном глаголе *запомня* является логичной, потому что этот префикс имеет семантику ‘позади’, а *запомня* в словообразовательном плане отражает то, что осталось позади.

Идея об устойчивости значения префикса присутствует в исследованиях видного ученого, российского болгариста Григория Куприяновича Венедиктова. Изучая историю моторных глаголов, он заметил, что в их развитии исчезает форма беспрефиксального глагола. Например, в древнеболгарском языке существуют *вѣсти* — *довѣсти* — *довѣдѣти*, в современном болгарском — *доведа* — *довеждам*. Глаголы *веда*, *неса* можно найти только в диалектах.

В ходе проведенного нами анализа была предпринята попытка прибегнуть к эффекту Вея-Схоневельда в тех случаях, где не так просто найти общую семантику между префиксом и непрефиксальным глаголом. До сих пор все исследования были сосредоточены на семантике префиксов, однако семантика глагола значительно сложнее.

В результате рассмотрения данного вопроса, мы подтвердили, что префикс, который становится видовым, ничего не теряет — лишь его семантика становится ближе к семантике исходного глагола. Иногда развитие переносного значения глагола делает эту связь трудноуловимой. К примеру,

²⁸ Добрев И., Икономова Ж., Тотоманова А.-М. Старобългарски език... С. 62.

²⁹ Иванова К. Начини на глаголно действие в съвременния български книжовен език. София: Изд. на БАН, 1974. С. 62.

глаголы *любѣти* и *възлюбѣти* находятся в таких видовых отношениях, как *учить* и *выучить* в русском языке. Для того чтобы понять, в чем связь между префиксом *въз-*, выражающим восходящее движение, и *вы-* ‘на, вверх, из’ с одной стороны, и глаголами *любить* ‘чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо, быть преданным кому-, чему-либо’ и *учить* ‘передавать кому-либо какие-либо знания, навыки, воспитывать какие-либо качества’ с другой стороны, надо проникнуть глубоко в природу феномена, названного при помощи глагола.

Перевод с болгарского Н.А. Луньковой

Сокращения

- А — Ассеманиево Евангелие
- Б — Боянское Евангелие
- Е — Энинский апостол
- З — Зографское Евангелие
- Изб 1076 — Изборник, древнерусская рукопись 1076 г.
- М — Мариинское Евангелие
- С — Супрасльская рукопись
- СЕ — Синайский евхологий
- СК — Саввина книга
- СП — Синайская псалтырь
- АН — Надпись монаха Анания

Литература

- Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980.
- Грамматика на българския книжовен език. Т. II: Морфология. С. Стоянов (ред.). София: Изд. на БАН, 1982.
- Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. И. Дурдиданов (ред.). София: Изд. на БАН, 1991.
- Зализняк А.А., Микаэлян И.Л.* О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды. Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
- Дафов В.* Мислешо и действителност. Пловдив: Проектор, 2012.
- Добрев И., Икономова Ж., Тотоманова А.-М.* Старобългарски език за XI клас на НГДЕК. София: Просвета, 1991.
- Дружилов С.* Основы практической психологии и педагогики для бакалавров. Москва: Флинта, 2017.

- Иванова К. Десемантизация на глаголните представки в съвременния български книжовен език. София: Изд. на БАН, 1966.
- Иванова К. Начини на глаголното действие в съвременния български книжовен език. София: Изд. на БАН, 1974.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. Москва: Мир, 1974.
- Старобългарски речник. Д. Иванова-Мирчева (ред.). София: Валентин Траянов, 1999–2009. Т. I–II. URL: https://histdict.uni-sofia.bg/oldbgdict/oldbg_search/ (дата обращения: 24.03.2023).
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 2013. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 24.03.2023).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Москва, 1986–1987. Т. I–IV. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 24.03.2023).
- Фром Е. Изкуството да обичаш. София: Сиела, 2019.
- Янда Л. Русские приставки как система глагольных квалификаторов. Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
- Bergson H. *Matière et mémoire*. Paris: Pierre Hidalgo, 2012.
- Vaillant A. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'Études slaves, 1948.
- Vey M. Les préverbes 'vides' en tchèque moderne. *Revue des études slaves*. 1952. Т. 29. P. 82–107.

References

- Atkinson, R., 1980. *The Memory and the Process of the Teaching*. Moscow: Progress. (In Russian)
- Bergson, H., 2012. *Matière et mémoire*. Paris: Pierre Hidalgo.
- Dafov, B., 2012. *Thinking and Reality*. Plovdiv: Proektor. (In Bulgarian)
- Dobrev, I., Ikonomova, Zh., Totomanova, A.-M., 1991. *Old Bulgarian Language for The National High School for Ancient Languages and Cultures*. Sofia: Prosveta. (In Bulgarian)
- Druzhilov, S., 2017. *Foundations of the Practical Psychology and Pedagogy for Bachelors*. Moscow: Flinta. (In Russian)
- Duridanov, I., ed., 1991. *Grammar of the Old Bulgarian Language. Phonetics. Morphology. Syntax*. Sofia: Izd. na BAN. (In Bulgarian)
- From, E., 2019. *The Art of Loving*. Sofia: Siela. (In Bulgarian)
- Ianda, L., 2012. The Russian Prefixes like a System of the Verbal Qualifier. *Voprosy iazykoznanii*, 6, pp. 3–47. (In Russian)
- Ivanova K., 1974. *Ways of verbal action in the co-operative Bulgarian literary language*. Sofia: Izd. na BAN. (In Bulgarian)

- Ivanova K., 1996. *Desemantization of verb prefixes in modern Bulgarian literary language*. Sofia: Izd. na BAN. (In Bulgarian)
- Ivanova-Mircheva, D., ed., 1999–2009. *Old Bulgarian Dictionary*. Sofia: Valentin Traianov. Vol. I–II. Available at: https://histdict.uni-sofia.bg/oldbgdict/oldbg_search/ (Accessed: 24.03.2023). (In Bulgarian)
- Krongauz, M.A., 1998. *Prefixes in the Russian Language: Semantic Grammar*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
- Lindsei, P., Norman, D., 1974. *Information Processing in the Human Memory*. Moscow: Mir. (In Russian)
- Sreznevskii, I.I., 2013. *Materials for Old Russian Dictionary According to the Literary Monuments*. Available at: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (Accessed: 24.03.2023). (In Russian)
- Stoianov, S., ed., 1982. *Grammar of the Bulgarian Literary Language*. Sofia: Izd. na BAN. Vol. II: *Morphology*. (In Bulgarian)
- Vaillant, A., 1948. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'Études slaves.
- Vasmer, M., 1986–1987. *Russian Ethymology Dictionary*. Moscow: Moskva. Vol. I–IV. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (Accessed: 24.03.2023). (In Russian)
- Vey, M., 1952. Les préverbes 'vides' en tchèque moderne. *Revue des études slaves*, 29, pp. 82–107.
- Zalizniak, A.A., Mikaelian, I. L., 2012. To some Aspectual Concepts of Lora Yanda. *Voprosy iazykoznanii*, 6, pp. 48–65. (In Russian)

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н.И. ТОЛСТОГО

DOI: 10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.09

О НИКИТЕ ИЛЬИЧЕ ТОЛСТОМ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

**Надира Хомятовна (Надежда Николаевна)
Низаметдинова**

Доктор филологических наук, профессор,
профессор Кафедры истории русского языка
и общего языкознания Факультета русской филологии
Историко-филологического института
Государственного университета просвещения
(Московского государственного областного
педагогического университета)
Почтовый адрес: ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3,
Москва, 105005, Россия
Электронный адрес: n3@list.ru

Аннотация

Статья посвящена памяти выдающегося ученого, педагога, общественного деятеля академика Никиты Ильича Толстого, правнука Льва Николаевича Толстого. 15 апреля 2023 г. Никите Ильичу Толстому исполнилось бы 100 лет. В статье приводятся воспоминания ученицы Никиты Ильича о своем наставнике. Перечислены основные факты его биографии, в которой нашлось место и детству в эмиграции, и участию во Второй мировой войне в составе югославского партизанского подполья и Красной армии, и карьере советского ученого-филолога. Намечены важнейшие этапы его научной, педагогической и общественной деятельности. Автор вспоминает ключевые идеи, исследования, труды и достижения Никиты Ильича, рассказывает о направлении этнолингвистики, которое он основал, и об этнолингвистических экспедициях в Полесье, вдохновителем и организатором которых он был долгие годы. Подчеркивается значение организаторской деятельности ученого в сложный для отечественной науки период конца 1980-х — 1990-х гг. В тексте приводится множество частных эпизодов из повседневных встреч, учебы и работы бок о бок с ним, личных впечатлений. Отмечается выдающаяся образованность, интеллигентность и аристократичность потомка прославленного рода Толстых. Особо отмечена искренняя и глубокая религиозность Никиты Ильича, которой он не скрывал вопреки внешним обстоятельствам. Взору читателя предстает живой и выпуклый образ человека и ученого, оставившего глубокий след как в науке, так и в сердцах всех, кому посчастливилось знать его лично.

Ключевые слова

Никита Ильич Толстой, этнолингвистика, словарь «Славянские древности», юбилей, воспоминания

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2023 г.

Статья доработана автором 30 мая 2023 г.

Статья принята в печать 21 июня 2023 г.

Цитирование: *Низаметдинова Н.Х. (Н.Н.).* О Никите Ильиче Толстом (К 100-летию со дня рождения). Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 141–151. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.09>

ABOUT NIKITA ILYICH TOLSTOY (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

**Nadirya Kh. (Nadezhda N.)
Nizametdinova**

D. Sc., Professor,
Professor of the Department of History
of the Russian Language and General Linguistics,
Faculty of Russian Philology,
Institute of History and Philology,
State University of Education
(Moscow State Regional Pedagogical University)
Postal address: Friedrich Engels str., 21, build. 3,
Moscow, 105005 Russia
E-mail: n3@list.ru

Abstract

The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist, teacher, public figure Academician Nikita Ilyich Tolstoy, great-grandson of Leo Nikolayevich Tolstoy. At the 15th of April, 2023 Nikita Ilyich Tolstoy would have turned 100 years old. The article presents the memoirs of Nikita Ilyich's student about her mentor. The main facts of his biography are listed, including childhood in exile, participation in the Second World War as part of the Yugoslav partisan underground and of the Red Army, and the career of a Soviet philologist. The article tells about the important stages of his scientific, pedagogical and social activities. The author recalls the key ideas, research, works and achievements of Nikita Ilyich. She discusses the emergence of ethnolinguistics, which he founded, and ethnolinguistic expeditions in Polissia, which he inspired and organized for many years. The author emphasizes the importance of the organizational activities of the scientist in the difficult period for the Russian science during the late 1980s — 1990s. The text contains many private episodes from everyday meetings, studies and work side by side with Nikita Ilyich, personal impressions. Outstanding education, intelligence and aristocracy of the descendant of the famous Tolstoy family are noted. The author also notes the sincere and deep religiosity of Nikita Ilyich, which he did not hide in spite of external circumstances. The article presents to the readers a full, living image of a man and a scholar who left a deep mark both in scholarship and in the hearts of all who were lucky enough to know him personally.

Keywords

Nikita Ilyich Tolstoy, ethnolinguistics, Dictionary “Slavic antiquities”, jubilee, memoirs

Received 20 February 2023

Revised 30 May 2023

Accepted 21 June 2023

How to cite: Nizametdinova, N. Kh. (N. N.), 2023. O Nikite Il'iche Tolstom (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia) [About Nikita Ilyich Tolstoy (To the 100th Anniversary of the Birth)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 141–151. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.09>

В далеком 1972 году я записалась на спецсеминар профессора кафедры русского языка филфака МГУ Н.И. Толстого. Тогда я еще не знала, что Никита Ильич — прямой потомок великого Толстого, его правнук, внук второго сына Льва Николаевича — Ильи Львовича, сын известного слависта Ильи Ильича Толстого — автора первого в СССР сербско-хорватско-русского словаря, в молодости морского офицера, выпускника Императорского морского кадетского корпуса. Илья Ильич воевал в армии А.В. Колчака и поэтому оказался в эмиграции.

Никита Ильич родился 15 апреля 1923 года в сербском городе Вршац, расположенном в местности Банат, недалеко от румынской границы. Жили очень бедно. Маленький Никита часто болел. Когда он окончил начальную русскую школу, семья переехала в Белград. Никита поступил в 1-ю русско-сербскую мужскую гимназию, где обучение велось по программам до-революционных классических гимназий. Нам, участникам семинара, Никита Ильич говорил, что образование в прежней гимназии по уровню было вполне сопоставимо с образованием в нашем вузе. Никита Ильич с детства был очень религиозным, даже мечтал о монашестве на Афоне, но греческое правительство не допускало в то время русских на Святую Гору. Никита Ильич, уже живя в Советском Союзе, никогда не скрывал своих убеждений и, бывало, с молитвою благословлял нас, студентов, на какие-либо благие деяния. Никита Ильич с любовью и благоговением вспоминал своего гимназического учителя протоиерея Георгия Флоровского, автора замечательного труда «Пути русского богословия», был знаком и дружил со многими иерархами православной церкви.

Живя в эмиграции, семья Н.И. Толстого никогда не порывала духовной связи с Россией, ее историей и культурой и мечтала о возвращении на Родину. Никита живо интересовался современной русской литературой 20–30-х годов. Уже тогда его увлекали вопросы сравнительного изучения славянских языков, этнографии и духовной культуры славян. В 1941 году Никита Ильич окончил гимназию. В это время Югославия уже была оккупирована немцами. Толстые перебрались в город Новый Бечей, где Н.И. Толстой вступил в партизанский отряд, а в октябре 1944 года, когда Красная армия вошла в Югославию, добровольно вступил в ее ряды. Простым солдатом-артиллеристом прошел через Австрию и Венгрию и впоследствии с гордостью вспоминал о той суровой жизненной школе, которую прошел на войне. В сентябре 1945 года Н.И. Толстой прибыл в Москву, где уже находились его родители. Он поступил на славянское отделение филфака МГУ им. М.В. Ломоносова. В это время уже складываются его научные интересы — изучение духовной жизни славян, отраженной в языке. Этому во многом способствовало знание славянских языков. Сербский язык Никита Ильич знал с детства, он был для него вторым родным языком. Болгарский язык изучал в университете, под руководством своего учителя

С.Б. Бернштейн участвовал во многих диалектологических экспедициях в болгарские села Бессарабии и Приазовья. Материалы этих экспедиций были использованы при создании «Атласа болгарских говоров в СССР», одним из авторов-составителей которого является Н.И. Толстой. В аспирантские годы Никита Ильич бывал в диалектологических поездках в Болгарию и внес свою лепту в собирание материалов для Болгарского диалектологического атласа. Никита Ильич был одним из первых исследователей македонского языка. Его дипломная работа была посвящена изучению предлога *од* в македонском языке. После окончания университета и аспирантуры МГУ Никита Ильич преподавал болгарский и сербохорватский языки в Институте международных отношений, занимался переводами болгарской художественной литературы, написал множество статей в БСЭ о славянских языках и об ученых-филологах. В 1954 г. Никита Ильич защитил кандидатскую диссертацию «Краткие и полные формы прилагательных в старославянском языке» (научный руководитель С.Б. Бернштейн) и начал работать в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором этнолингвистики и фольклора. В 50-е годы Н.И. Толстой был увлечен идеями структурализма, а именно проблемами структурной типологии лексики и семантики. В 1956 г. академик В.В. Виноградов, возглавлявший в то время Международный комитет славистов, привлек Н.И. Толстого к участию в организации IV Международного съезда славистов в качестве ученого секретаря по отделению лингвистики. Съезд состоялся в Москве в 1958 г. и сыграл огромную роль в определении направлений развития славистики. В Москву приехали такие корифеи науки, как Р. Якобсон, М. Фасмер, А. Вайян, Т. Лер-Сплавинский и др. Участие в подготовке и проведении Московского съезда славистов, общение с выдающимися учеными сыграло важную роль в становлении Н.И. Толстого как ученого-слависта. Вдохновленный идеями съезда и охваченный энтузиазмом заняться «черновой» работой на благо науки, Никита Ильич отправляется в архив Ленинградского отделения Академии наук с целью разбора не востребованных до этого материалов Резьянского словаря И.А. Бодуэна де Куртенэ и подготовки этого словаря к печати. Резьянский словарь отражал словенские диалекты области Резия в Италии, удивительно сохранившиеся в иноязычном окружении. Никитой Ильичом была проделана огромная работа по разбору и тщательному переписыванию транскрибированных текстов и комментариев И.А. Бодуэна де Куртенэ. Результатом этой работы явилось издание части Резьянского словаря (буквы А – D) в 1966 г. с предисловием Н.И. Толстого и под его редакцией, однако до сих пор этот весьма ценный словарь полностью не издан.

Одной из инициатив московского съезда славистов, как писал в своих воспоминаниях о Н.И. Толстом О.Н. Трубачев, была идея перевода и издания «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера. Никита

Ильич постоянно убеждал Олега Николаевича согласиться взять на себя эту работу, и благодаря хлопотам Н.И. Толстого О.Н. Трубачев получил предложение об издании перевода словаря от издательства «Иностранная литература» (позднее – издательство «Прогресс»)¹. Н.И. Толстой оказал помощь и поддержку О.Н. Трубачеву и в осуществлении грандиозного проекта создания этимологического словаря славянских языков на базе Института русского языка АН СССР, который тогда возглавлял один из учителей Н.И. Толстого академик В.В. Виноградов. Никита Ильич убедил В.В. Виноградова в важности этого проекта, и тот дал «добро» на его осуществление. Никита Ильич был ответственным редактором ряда книг О.Н. Трубачева («Происхождение названий домашних животных в славянских языках», «Этногенез и культура древнейших славян»), часто выручал его в трудных ситуациях². Н.И. Толстой активно участвовал в посмертном издании избранных трудов В.В. Виноградова в качестве члена редколлегии, а также ответственного редактора и автора подробной вступительной статьи к одному из томов («История русского литературного языка»). Перу Н.И. Толстого принадлежат статьи о научных взглядах В.В. Виноградова; Никита Ильич был ответственным редактором последующих изданий научных трудов Виктора Владимировича. Авторитет В.В. Виноградова как ученого и человека был для Н.И. Толстого очень высоким. Будучи чрезвычайно требовательным к себе, Никита Ильич отмечал, что в отличие от него Виктор Владимирович никогда не впадал в уныние, даже в суровых условиях сибирской ссылки³.

В 60-е годы Н.И. Толстой продолжает исследование церковнославянского языка в различных его изводах и современных славянских диалектов. В ряде своих публикаций он убедительно показывает, что церковнославянский (или *древнеславянский* в терминологии Н.И. Толстого, охватывавшего этим понятием и церковнославянский, и старославянский языки) был общим литературным языком православного славянства вплоть до XVIII в. и при тяготении «к общей норме» и «общей стандартизованности» являлся живым и развивающимся средством выражения славянской культуры, существуя в форме «локальных вариантов или типов». Изучение Н.И. Толстым общего литературного языка стран *Slavia Orthodoxa* повлекло за собой исследование его влияния на формирование восточнославянских и южнославянских литературных языков. Используя концепцию В.В. Виноградова о двух типах древнерусского языка — книжно-славянском и народно-литературном, — на материале других славянских языков православной культуры, Никита Ильич установил, что книжно-славян-

¹ Трубачев О.Н. Мои воспоминания о Никите Ильиче Толстом. Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 9.

² Там же. С. 5–15.

³ В.В. Виноградов был сослан в Тобольск с 7 августа 1941 г. по 2 июня 1943 г.

ский тип обнаруживается в истории любого славянского языка мира *Slavia Orthodoxa*. Сравнительное изучение истории славянских литературных языков кирилло-мефодиевской традиции позволило Никите Ильичу определить типологические черты их исторического развития. Результаты этих исследований были отражены в книге Н.И. Толстого «История и структура славянских литературных языков» (1988 г.) и во 2-м томе трехтомного издания его «Избранных трудов», озаглавленном «Славянская литературно-языковая ситуация» (1998 г.). Данная проблематика находилась в поле зрения ученого на протяжении всей его жизни. Уже после его смерти вышла последняя статья этой серии «*Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* — общее и различное в литературно-языковой ситуации» (1997 г.). Можно утверждать, что своими трудами по древнеславянскому языку и истории славянских литературных языков Н.И. Толстой заложил основы новой лингвистической дисциплины — истории и типологии славянских литературных языков⁴.

С 1962 по 1986 год под руководством Н.И. Толстого проходят ежегодные этнолингвистические экспедиции в Полесье — древний уголок восточнославянской культуры, где собирается бесценный диалектный материал, предметы славянской старины, записываются местные обряды, верования. Материалы полесских экспедиций были использованы Н.И. Толстым в его докторской диссертации «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии» (1972 г.), а также в грандиозном коллективном труде — словаре «Славянские древности», вдохновителем и активным участником создания которого он был. При жизни Н.И. Толстого вышел первый том этого словаря (1995 г.), в 1999 г. — 2-й том, в 2004 г. — 3-й, в 2009 г. — 4-й и в 2012 г. — последний, 5-й том. Тем не менее, по желанию супруги, Светланы Михайловны Толстой, в знак уважения со стороны сподвижников редактором всех томов был указан Никита Ильич. Именно полесские экспедиции, кстати, и сблизили будущую чету Толстых, ставших друг другу верными и преданными соратниками как в научных изысканиях, так и в трудных жизненных ситуациях.

Изучение огромного лингвоэтнографического материала позволило Н.И. Толстому создать новое направление в лингвистике — этнолингвистику. Это, по определению Никиты Ильича, комплексная наука, изучающая в синхронно-диахроническом плане общенародный язык в совокупности всех его разновидностей, этнографию, мифологию, историю, фольклор и искусство этноса⁵. Именно на пути комплексного изучения языка и культуры (в широком понимании) славян, по мнению Н.И. Толстого, лежит решение проблем реконструкции их духовной культуры и этногенеза.

⁴ Толстая С.М. Никита Ильич Толстой и его путь к этнолингвистике. *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 3.

⁵ Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Индрик, 1995. С. 27-45.

Н.И. Толстой предложил понятия «изодокса» и «изопрагма» (линии, определяющие границы распространения соответственно элементов духовной и материальной культуры)⁶, выдвинул понятие территориального культурного диалекта, которое считал ключевым «в опытах реконструкции праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка»⁷. Н.И. Толстой поставил задачу создания этнолингвистической географии для изучения истории языков и истории этносов, прежде всего — составления «этнолингвистических атласов, в которых лингвистические и этнографические карты были бы представлены параллельно или нерасчлененно», при этом «этнографическая карта должна быть базовой, первичной, а лингвистическая — вторичной, как первичен предмет и вторичен относящийся к нему знак»⁸.

С 1968 г. Н.И. Толстой работает в МГУ им. М.В. Ломоносова по приглашению В.В. Виноградова, заведующего кафедрой русского языка филологического факультета. Он вел курсы «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Славянский фольклор», а также спецкурс «Славянская историческая лексикология и семасиология» и спецсеминар «Сравнительно-историческое изучение славянских языков».

Мы, участники спецсеминара, относились к Никите Ильичу с благоговением и обожанием. Когда он входил в аудиторию, высокий и статный, с несколько застенчивой улыбкой, все почтительно вставали и даже, бывало, аплодировали. Говорил он божественно, это была прекрасная, благозвучная русская речь. Никита Ильич обладал колоссальными знаниями в области языкознания, литературы, истории, культуры. Это потрясало нас, вызывало желание в какой-то мере соответствовать нашему Учителю. Мы воодушевленно изучали старинные рукописи, погружаясь в дивный, неведомый мир ушедших эпох.

Никита Ильич был чрезвычайно деликатен и внимателен ко всем своим ученикам. Своим бисерным, каллиграфическим почерком он составлял библиографию к выбранной теме каждого студента (я до сих пор трепетно сохраняю эти трогательные, уже пожелтевшие листочки), разговор с ним был всегда плодотворным, он определял направление твоего исследования, очерчивал его масштабы. Это был действительно выдающийся научный руководитель! Я помню, как-то Никита Ильич похвалил мою работу, но у меня были вопросы, и я, думая сэкономить его время, предложила ему обсудить эти вопросы по дороге до метро «Университет», далее мне надо было проехать до «Библиотеки Ленина», а Никита Ильич ехал дальше. Потрясающая деликатность, истинный аристократизм Никиты Ильича выразились в том, что он вышел на моей станции, поцеловал мне руку и сел

⁶ Толстой Н.И. Язык и народная культура... С. 27–45.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

в следующий поезд. Об удивительной душевной тонкости и деликатности Никиты Ильича свидетельствует и такой случай. Никита Ильич медленно листал мою работу, комментируя сделанные им замечания, и вдруг на оборотной стороне одного листа оказался волос, я залилась краской стыда, а Никита Ильич как ни в чем не бывало аккуратно взял этот злополучный волос, положил его на лицевую часть листа и перевернул страницу. Никита Ильич был совершенно особой личностью на филфаке. Ему была присуща поразительная галантность, проявляющаяся в том, что он неизменно целовал ручки всем лицам женского пола. Возможно, что некоторые из них злоупотребляли его вниманием. Вспоминается такой случай. Мы как-то сидели у Никиты Ильича дома и обсуждали мою работу, вдруг появилась какая-то девица, она сказала, что ей для работы нужен словарь, и она знает, где он стоит на полке, прямоком направилась к этому месту и бесцеремонно взяла нужную ей книгу. Никита Ильич был, конечно, обескуражен, но не подал вида. Дома Никита Ильич был окружен бесконечным вниманием, заботой и почитанием. Причем это касалось не только домочадцев, но и домашних животных. Как-то я пришла по приглашению Никиты Ильича к нему домой, Никита Ильич был занят, и Светлана Михайловна, его жена, проводила меня в библиотеку и стала беседовать со мной; вдруг в комнату ворвался веселый рыжий спаниель и в знак приветствия начал бесцеремонно лизать мне лицо. Как Светлана Михайловна ни старалась его пристыдить, он не унимался. Тут вошел Никита Ильич, и собаку как будто подменили: она мгновенно села, стала задом смешно ползти к выходу и исчезла за дверью. Никита Ильич не был равнодушен и к личной жизни своих учеников. Он всегда расспрашивал о семье, о детях, что большая редкость у научных руководителей. Никиту Ильича отличала постоянная готовность поддержать, помочь, выразить сочувствие. Его общение с учениками не ограничивалось только научными проблемами. Интересы Никиты Ильича были весьма широки, он был всегда в курсе происходящих событий. Так, в 70-е годы вся московская интеллигенция была без ума от фильмов Тарковского, и в частности, от фильма «Андрей Рублев». Как-то Никита Ильич спросил меня, каково мое мнение об этом фильме. Я с юношеской запальчивостью ответила, что считаю этот фильм великим. Никита Ильич сказал, что его огорчил этот фильм, что он выполнен с непростительной для такого крупного режиссера небрежностью к историческим фактам, к культурным традициям русского народа. Особенно его возмущало совершенно недопустимое для XV века присутствие женщины в мужском монастыре.

Никите Ильичу было свойственно постоянное стремление делиться своими знаниями, просвещать. Никита Ильич был настоящим библиофилом, обладателем огромной библиотеки, особенно славянистической. Он щедро делился своими книжными сокровищами. Так, О.Н. Трубочев вспоминал, что во время IV съезда славистов Никита Ильич подарил всю свою коллекцию курсов славянской палеографии разных авторов английской славистке.

Известно, что на свои доклады он привозил буквально чемоданы книг по тематике доклада с тем, чтобы слушатели подержали в руках эти бесценные книги, полистали их. А какие это были доклады (чего стоит хотя бы название выступления о числе «2» в славянской этнолингвистике: «Черта с два! Я не ломовая лошадь!»)! Сколько народа собиралось послушать их!

После смерти Никиты Ильича семь с половиной тысяч томов его библиотеки были переданы Московской патриархии и были помещены в Синодальную библиотеку Андреевского монастыря. Там они составили собрание зала, получившего имя их покойного владельца. В 1984 г. Н.И. Толстой был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1987 г. — академиком; с 1987 г. Н.И. Толстой — вице-президент Международного комитета славистов; с 1988 г. — заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН; с 1992 г. Н.И. Толстой — член Президиума РАН, с 1994 г. — председатель Российского гуманитарного научного фонда, член совета по научно-технической политике при Президенте РФ. В 90-е годы Н.И. Толстой воссоздает дореволюционный журнал «Живая старина», посвященный фольклору и народной культуре, с 1993 г. является его главным редактором; с 1994 г. возглавляет журнал «Вопросы языкознания». Н.И. Толстой избирается действительным членом Европейской академии наук и искусств (Зальцбург), иностранным членом многих зарубежных академий наук, в том числе Словенской академии наук и искусств, Австрийской, Македонской, Сербской, Белорусской академий наук. Он являлся Почетным членом Славистического общества Сербии, Союза сербских писателей, Почетным доктором Люблинского университета им. М. Складовской-Кюри (Польша). Никита Ильич удостоился Демидовской премии (Научный Демидовский фонд, 1993), был награжден золотой медалью с лентой «За развитие дружбы и сотрудничества с ЧССР» (Чехословацкое общество международных отношений, 1968), медалью университета Сорбонны (Париж, 1995). Н.И. Толстой являлся членом общественного наблюдательного Совета по возрождению Храма Христа Спасителя (1994).

Такое количество званий и должностей, полученных Н.И. Толстым в конце 80-х и в 90-е годы, безусловно, свидетельствует о признании заслуг этого поистине выдающегося ученого и человека; в то же время это и свидетельство востребованности Н.И. Толстого как организатора науки, борца за отстаивание ее интересов, сохранение исторических духовных ценностей в условиях перемен и хаоса. При всей своей врожденной интеллигентности и мягкости Н.И. Толстой проявлял твердость и принципиальность в решении вопросов развития науки, ее финансирования. Будучи человеком долга и чести, он, не жалея сил, подвижнически служил делу, которое считал необходимым, зачастую даже в ущерб личным научным планам. Конечно, все это не могло не сказаться пагубно на его здоровье.

Никита Ильич умер 27 июня 1996 г. в возрасте 73 лет. Для рода Толстых возраст довольно скромный. Никиту Ильича отпевали 1 июля в лю-

бимом его храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» на Большой Ордынке, где Никита Ильич и жил. Было огромное количество народа. В большом помещении храма всем места не хватило — стояли на улице. Кажется, весь цвет интеллигенции сошелся здесь. Кто-то пришел, невзирая даже на собственные костыли. В течение довольно долгой панихиды все стояли в скорбном молчании. На лицах многих читалось искреннее горе. Пока шла панихида, погода была сумрачной, но когда выносили тело, вдруг засияло солнце. В Ясную Поляну отправился целый эскорт автобусов и машин. Никита Ильич всегда заботился о ближних. Такими же заботливыми проявили себя и его близкие, позаботившись о небольшом ланче для тех, кто был в автобусах. Причем угощение они явно готовили сами.

Пока ехали, все темнее становилось вокруг. Уже возле Тулы поднялся сильный ветер, затем наступило затишье и — началась гроза. Казалось, что небо разверзлось, и из него потоками, стеной полилась вода, молнии полыхали, гремел гром. Ехать было невозможно, наша траурная процессия остановилась. Из окон мы наблюдали это безумное неистовство природы. Казалось, что и природа неутешно рыдает вместе с нами, скорбя о том, что слишком рано ушел из жизни столь нужный людям человек! Гроза кончилась, и лучисто, радостно засияло солнце, и все вокруг было умыто этим очищающим ливнем, и как будто сверху из ослепительной синевы Господь утешал нас, говоря, что Он принял Никиту Ильича в свое Царствие. Никиту Ильича похоронили на родовом кладбище Толстых.

Н.И. Толстой был личностью космического масштаба. Его уход стал невосполнимой потерей. Многое он безвозвратно унес с собой. Но имя Н.И. Толстого останется навсегда в истории науки, в сердцах любивших его людей.

Назову основные сборники сочинений Н.И. Толстого: «Славянская географическая терминология: семасиологические этюды» (М., 1969); «История и структура славянских литературных языков» (М., 1988); «Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике» (М., 1995); *Jezik slovenske kulture* (Перевод с рус. Л. Жоксимовић. Ниш: Просвета, 1995); «Славянская лексикология и семасиология» (Избранные труды, т. I, М., 1997); «Славянская литературно-языковая ситуация» (Избранные труды, т. II, М., 1998); «Очерки по славянскому языкознанию» (Избранные труды, т. III, М., 1999); «Очерки славянского язычества» (М., 2003).

Общее же количество печатных трудов Н.И. Толстого составляет 859 наименований⁹.

⁹ Толстой Н.И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию. С. 390–440; Славянская этнолингвистика. Библиография. Изд. 3-е, исправл. и доп. М.: Институт славяноведения, 2008. С. 14–19.

Литература

- Славянская этнолингвистика. Библиография. Изд. 3-е, исправл. и доп. М.: Институт славяноведения, 2008. С. 14–19.
- Толстая С.М. Никита Ильич Толстой и его путь к этнолингвистике. *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 10–25.
- Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Индрик, 1995.
- Толстой Н.И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I: Славянская лексикология и семасиология.
- Толстой Н.И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация.
- Толстой Н.И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию.
- Трубачев О.Н. Мои воспоминания о Никите Ильиче Толстом. «Вопросы языкознания». 1997. № 2. С. 5–15.

References

- Institut slavianovedeniia RAN, 2008. *Slavic Ethnolinguistics. Bibliography. Edition 3rd, Corrected and Completed*. Moscow: Institut slavianovedeniia, pp. 14–19. (In Russian)
- Tolstaya, S.M., 2013. Nikita Ilyich Tolstoy and His Way to Ethnolinguistics. In: S.M. Tolstaya, ed., 2013. *Ethnolinguistica Slavica. To the 90th Anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy*. Moscow: Indrik, pp. 10–25. (In Russian)
- Tolstoy, N.I., 1988. *History and Structure of Slavic Literary Languages*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Tolstoy, N.I., 1995. *Language and Popular Culture. Essays on Slavonic Mythology and Ethnolinguistics. Edition 2nd, Corrected*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Tolstoy, N.I., 1997. Selected Works. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. Vol. I: *Slavic Lexicology and Terminology*. (In Russian)
- Tolstoy, N. I., 1998. Selected Works. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. Vol. II: *Slavic Literary and Language Situation*. (In Russian)
- Tolstoy, N. I., 1999. Selected Works. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. Vol. III: *Essays on Slavic Linguistics*. (In Russian)
- Trubachev, O.N., 1997. My Recollections About Nikita Ilyich Tolstoy. *Voprosy iazykoznanii*, 2, pp. 5–15. (In Russian)

ГОДОНИМ «УЛИЦА НИКИТЕ ТОЛСТОЈА» НА КАРТЕ ГОРОДА ВРШАЦ (СЕРБИЯ)

Марина Геннадиевна Обижаева

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: marina.obizajeva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0563-0944

Аннотация

Статья посвящена переименованию 22 мая 2005 г. в г. Вршац, Республика Сербия, Люблянской улицы в улицу Никиты Толстого. По воспоминаниям автора, работавшей тогда референтом по научно-гуманитарным вопросам Российского центра науки и культуры при МИД РФ «Русский дом в Белграде», а также с привлечением публикаций в СМИ здесь рассказывается о событиях, которые предшествовали этой коммеморативной реноминации, приведены имена тех, благодаря кому память о выдающемся российском ученом стала частью историко-культурного текста его родного города и повседневным контекстом жителей Вршаца.

Сербский годоним *Улица Никите Толстоја* возник в период проевропейских реноминаций в Сербии благодаря усилиям и сербов, жителей Вршаца, и российских сотрудников РЦНК в Белграде, и потомков русских беженцев в межвоенной Югославии. Он объединил в себе несколько пластов исторической номинации: отношение к выдающемуся человеку, биографически связанному с этим городом; отношение сербов к потомку великого русского писателя и признание общемирового значения русской культуры; отношение к личности человека, представившего духовно близкую сербам сильную Россию; отношение к ученому, занимавшемуся историей сербского языка и исследованием духовной культуры славян; отношение к историческим событиям, связанным с освобождением Сербии и данного города от фашистской оккупации во время Второй мировой войны; отношение к наследию русской эмиграции, которая помогла возрождению Югославии после Первой мировой войны; и, наконец, отношение к личности человека, примиряющего в себе две разорванные Гражданской войной части российского общества. Каждый из этих семантических пластов обусловлен особенностями незаурядной личности и биографии академика Никиты Ильича Толстого.

Инициаторы этой номинации рассчитывали, что именно множественность семантических пластов данного годонима позволит сохранить его в геокультурном пространстве Вршаца, что даже изменение политической конъюнктуры, вектора сербско-российских отношений и прочих факторов не сможет обесценить все его слои.

Ключевые слова

Сербская политика в городской топонимике, советские и российские урбанонимы, русская эмиграция в Югославии, род Толстых, славистика

Статья поступила в редакцию 4 июля 2023 г.

Статья доработана автором 7 июля 2023 г.

Статья принята в печать 14 июля 2023 г.

Цитирование: *Обижаева М.Г.* Годоним «Улица Никите Толстоја» на карте города Вршац (Сербия). *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 1–2. С. 152–160. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.14>

THE *ULICA NIKITE TOLSTOJA* HODONYM ON THE CITY MAP OF VRŠAC (SERBIA)

Marina G. Obizhaeva

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: marina.obizajeva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0563-0944

Abstract

This paper is devoted to the renaming of Ljubljanska street in the city of Vršac (Serbia) to commemorate Nikita Tolstoy on May 22, 2005. The paper's author, who was then working as a Humanities Program assistant at the Russian Center of Science and Culture in Belgrade under the Russian Federation's Ministry of Foreign Affairs, relays a memoir that references relevant media articles and describes the events which preceded this commemorative event. The memory of this outstanding philologist has become at once part of the historical and cultural legacy of his native city and the everyday context of its inhabitants thanks to the involvement of key individuals who are commemorated here. As pro-Europeanism led to the change of many Serbian naming conventions, the hodonym *Ulica Nikite Tolstoja* was adopted thanks to the efforts of Serbs, the residents of Vršac, Russian employees of the Russian Center of Science and Culture in Belgrade, and the descendants of the Russian refugees who emigrated to the Kingdom of Yugoslavia between the two world wars. The renaming unites several types of historical convention, i.e. (1) to commemorate an outstanding person biographically associated with a place, in this case, the city of Vršac, (2) the great Russian writer's attitude towards Serbs regarding their descent from and recognition of the global significance of Russian culture; (3) commemoration of a strong Russian figure also spiritually close to the Serbs; (4) commemoration of a humanist who was engaged in the history of the Serbian language and the study of the spiritual culture of the Slavs; (5) attitude to historical events related to the liberation of Serbia and this city from Nazi occupation during World War II; (6) attitude to the heritage of Russian emigration which fostered the revival of Kingdom of Yugoslavia after the First World War; (7) commemoration of a figure who unites within himself two parts of Russian society torn apart by the Civil War. Each of these semantic layers is determined by the peculiarities of the outstanding personality and biography of Academician Nikita Tolstoy. The initiators of this commemorative toponym hoped that its multiple semantic layers would allow it to be preserved in the geocultural space of Vršac regardless of future political change. Neither narrower Serbian-Russian relations nor other factors should diminish the legitimate breadth of the consideration behind it.

Keywords

Serbian politics in the city toponymy, Soviet and Russian urbanonyms, the Russian abroad in Yugoslavia, the Tolstoy family, Slavic Studies

Received 4 July 2023

Revised 7 July 2023

Accepted 14 July 2023

How to cite: Obizhaeva, M.G., 2023. Godonim Ulitsa Nikite Tolstoja na karte goroda Vrshats (Serbiia) [The *Ulica Nikite Tolstoja* Hodonym on the City Map of Vršac (Serbia)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 152–160. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.14>

В Союзной Республике Югославия (СРЮ) начало 2000-х годов, непосредственно после так называемой «бульдозерной революции», свергнувшей власть Слободана Милошевича, ознаменовалось намерениями городских властей провести новые — после 1997 г.¹ — в русле политических стремлений к евроинтеграции официальные переименования топонимических объектов. Очередная² волна стремлений к трансформации топонимов длилась примерно до 2008 года и была когерентна колебаниям общественных прозападных настроений, доминировавшим разочарованиям в российской внешней политике накануне и во время бомбардировок Сербии 1999 года, и позднее, когда члены семьи Слободана Милошевича получили политическое убежище в России. Поскольку эта волна несла с собой отказ от многих знаков и символов предшествующей эпохи, постольку неизбежно под ударом оказались и наименования, связанные с Россией.

Начиная с 2004 года Российский центр науки и культуры в Белграде³, или «Русский дом»⁴, в своей работе значительно усилил направление, связанное

¹ Тогда, после окончания межэтнических войн 1990-х годов на территории бывшей Югославии и изменения границ союзного государства, переименования стали следствием официального отказа от идей югославизма, атеизма и коммунизма. Например, в Белграде в 1997 г. почти на два десятилетия исчез, а затем изменил locus топографический объект, связанный с памятью Народного героя Югославии и Героя Советского Союза генерал-полковника В.И. Жданова. В ходе Белградской операции под его командованием 4-й гвардейский механизированный корпус вместе с НОАЮ освобождал Югославию от гитлеровских войск, а 19.10.1964 прославленный советский военачальник вместе с делегацией, направлявшейся на празднование 20-летия освобождения Югославии от фашистов, разбился в авиакатастрофе под Белградом. В 1997 году улице в центре Белграда, где происходили боевые действия в октябре 1944 года и которая в 1946–1951 и 1965–1997 годах носила имя генерала Жданова, вернули первое, данное в 1872 г., название Ресавская (по реке Ресаве), которое одновременно напоминает о южнославянской школе книжников, находившейся в XV веке в сербском монастыре Манасия. В 2016 г. на волне пророссийских настроений имена генерала Жданова, а также маршала Толбухина вновь были присвоены улицам, но уже в Новом Белграде и вблизи Земуна. См., например: E. V. N. Rusi opet oslobadaju ulice. Новости. 2009. 10 X. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.290.html:253610-Rusi-opet-oslobadaju-ulice#> (дата обращения: 04.07.2023)

² На адресных табличках в старой части Белграда, на которых приведены предыдущие названия указанной улицы, можно увидеть до десятка топонимов. Начиная с 1872 г., когда закончила свою работу первая муниципальная Белградская комиссия князя Михаила Обреновича по наименованию улиц (1864–1872), например, та же улица Ресавска меняла свое название девять раз. Руководство других муниципалитетов Сербии может вести свою политику в вопросах наименования топографических объектов. Однако даже на примере современной, «сербоцентричной» волны переименований, когда с административных улиц Республики Сербия уходят этнонимы, топонимы бывших республик СФРЮ, можно проследить, как эта волна проходит через всю страну, снижая осцилляции в населенных объектах с низким муниципальным бюджетом. См., например, *Радовић С.* Од центра до периферије, и обратно: политика топонима у транзицијској престоници. Гласник Етнографског института САНУ. 2018. Т. 56. № 2. С. 53–74.

³ РЦНК, в то время представительство Росзарубежцентра, ныне РОССОТРУДНИЧЕСТВА при МИД России.

⁴ Такое название с коммеморативным добавлением «имени Императора Николая II» в 1933 году было дано специально построенному в Белграде зданию и основанной

с гуманитарными науками и с сохранением памяти о российском присутствии в Сербии и Черногории. Во многом усиление гуманитарного направления было связано с тем, что в конце 2003 г. директором РЦНК в Белграде был назначен советник Посольства РФ Глеб Борисович Вышинский. Территория Сербии стала его местом рождения и последним местом службы — он родился в 1943 году в Югославии, в г. Шид (НГХ), в семье выпускника Крымского кадетского корпуса в г. Бела-Црква (5-й выпуск 1925 г.). Во время оккупации его отец сражался с фашистами в рядах югославских партизан. Семья Вышинских вернулась на родину, во Владикавказ, в 1954 г.⁵

В рамках научно-гуманитарной составляющей в 2004–2005 гг. «Русский дом в Белграде» провел цикл торжественных заседаний, конференций, вечеров памяти, библиотечных выставок, посвященных, в частности, ученым, чьи судьбы оказались связаны с русской эмиграцией в Королевстве СХС / Югославия: лингвисту, председателю Сербской академии наук и искусств (САНУ), председателю Комиссии по размещению русских беженцев Александру Ивановичу Беличу; слависту, члену Президиума РАН, вероятно, первому человеку, рассказавшему российским слушателям в эфире государственного радио о детстве в Сербии, о воспитании в эмигрантской среде, об учебе в Первой Русско-сербской гимназии, находившейся в помещении «Русского дома в Белграде», Никите Ильичу Толстому; затем филологу и историку, палеографу, протоиерею Владимиру Алексеевичу Мошину; историку языка, палеографу Степану Михайловичу Кульбакину и др. Об их вкладе в науку, о своих учителях, коллегах и друзьях, о собственных исследованиях читали доклады и делились воспоминаниями многие сербские ученые и исследователи: историк языка профессор Богдан Терзич (1928–2016); археограф и историк русской межвоенной колонии в Сербии Алексей Борисович Арсеньев; литературовед, переводчик и историк русской эмиграции, профессор Остоя Джюрич; литературовед, историк русской эмиграции в Югославии профессор Бобан Чурич (1968–2019), переводчик и литературовед Зорислав Паункович; филолог академик Предраг Пипер (1950–2021); языковед, преподаватель Белградского Филологического факультета Вера Васильевна Борисенко-Свинарская; музыковед академик Димитрие Стефанович (1929–2020); филолог профессор Джордже Трифунович; протоиерей Деян Деянович (1930–2016); автор книги по истории фехтования в Югославии, каскадер и физиотерапевт, родственник по материнской линии (Раевских) с одной из ветвей Толстых Андрей Александрович Гарденин (1933–2009) и многие другие. Этот

в нем институции, призванной сохранять культуру, науку и традиции Русского Зарубежья.

⁵ В 1967 г. Г.Б. Вышинский и его супруга закончили физический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Позднее он получил постдипломное образование историка-унгариста в ВПШ. В Сербию дипломатический путь Г.Б. Вышинского пролегал через Венгрию и Украину.

просветительский проект не мог состояться без деятельного участия его организатора — литературоведа, выпускника Первой Русско-сербской гимназии в Белграде, преподавателя Филологического факультета Белградского университета, основателя Общества сохранения памяти о пребывании русских в Сербии, «сказителя белоэмиграции в Сербии», основателя хора выпускников славянского отделения белградского Филологического факультета «Лучинушка», друга семьи Никиты Ильича Толстого — Андрея Витальевича Тарасьева.

Внимание, которое, в частности, с помощью торжественного вечера памяти (сербский формат мероприятия — *свечана академија*) к 90-летию академика Никиты Ильича Толстого (1923, Вршац – 1996, Москва) удалось привлечь к личности, истории жизни и наследию ученого, поспособствовало решению созданного в 2004 г. на родине ученого Общества сербско-русской дружбы в г. Вршац назвать свое объединение именем этого слависта и начать просветительскую деятельность по сохранению памяти ученого в родном городе. Жители города, председатель Общества Валентина Деджянски, ее заместители — потомок русских эмигрантов, уроженец Вршаца, участник партизанского движения в Югославии, инженер, преподаватель Крагуевацкого университета, автор публикаций о русской колонии в Вршаце и бескорыстный собиратель русских книг, бытовавших в среде беженцев, Александр Александрович Рогаткин (1926–2013), а также Павле Влахович, служивший директором вршацкого Национального театра им. Йована Стерици — проводили вечера и небольшие выставки в своем городе, приняли позднее самое деятельное участие в продвижении идеи и в организации торжеств в связи с появлением коммеморативного урбанизма «Никита Толстой».

С инициативой сохранить память об академике Никите Ильиче Толстом — выдающемся уроженце города Вршац, о слависте с мировым именем, члене Президиума РАН, прямом потомке Л.Н. Толстого, сыне автора большого Сербско-русского словаря — обратились к руководству города и муниципалитета во время официального визита в октябре 2004 года уроженец Вршаца, политолог, русофил, профессор Сава Живанов (1929–2021), выпускник Вршацкой реальной гимназии, сын выпускника Владикавказского кадетского корпуса, физик-ядерщик, профессор Георгий Николаевич Бек-Узаров (1929–2016), выпускник Вршацкой гимназии, антрополог и этнолог, друг семьи Толстых академик Петар Влахович (1927–2016) и сын русского кадета и югославского партизана, директор «Русского дома в Белграде» Глеб Борисович Вышинский. Вместе они обратили внимание градоначальника на русский след в истории города в целом и, в частности, на личность Никиты Ильича как уроженца этого города. Тогда и был поднят вопрос об увековечении памяти ученого в родном городе. Благодаря совместным усилиям «Русского дома в Белграде», Общества им. Н.И. Толстого и видных представителей общественности Вршаца — в частности, тогда

депутата республиканской Скупщины, а ныне политического обозревателя, профессора Стевицы Деджански этот вопрос был положительно решен уже осенью 2004 года, к 60-летию освобождения Вршаца от фашистов.

Когда администрация Вршаца, города у границы Румынии с населением 40 000 человек, начала выбор топонимических объектов в городе, которым можно было бы присвоить имя Никиты Ильича, директор «Русского дома в Белграде» Г.Б. Вышинский предлагал назвать именем Никиты Толстого одну из небольших, возможно, нецентральных улиц или площадей, опасаясь возможных в будущем реноминаций под влиянием политических изменений в сербско-российских отношениях⁶. Все же руководство города действовало по принципу «палимпсеста»⁷ и приняло решение переименовать наиболее протяженную, проходящую через старую часть города улицу, носившую до 2005 г. название *Люблянская*. В этом решении отразилась продолжающаяся до настоящего времени тенденция отказа от топографических урбанонимов, связывавших разные части федеративного союзного государства в период существования Югославии, если только эти наименования не сохраняются как зеркальные⁸.

Апелляция к прадеду Никиты Ильича стала существенным фактором в принятии решения руководства муниципалитета⁹. В вербальных ассоциациях носителей сербского языка отношение к Льву Николаевичу Толстому можно охарактеризовать как отношение к «гению русской литературы, который благоволил сербам». Распространенным в Сербии является устный нарратив о том, что, уходя из Ясной Поляны, Лев Николаевич направлялся в Сербию, где в Воеводине для него был приготовлен дом сербами-толстовцами. Практически каждый серб, знающий что-то о романе «Анна Каренина», ответит, что роман заканчивается отъездом Вронского на сербский фронт и т.д. Поэтому ожидания инициаторов переименования годонима, который постепенно в обиходном языке может трансформироваться в *Толстојева улица* (имя *Никита* непривычно сербскому уху¹⁰), связаны с тем, что эта улица больше менять название не будет.

6 Ворошилин С.И. Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации. Вопросы всеобщей истории. 2001. № 13. С. 81.

7 В значении метафоры для описания культурного ландшафта, которое предложил Д. Мейниг: Meinig D.W. Introduction. The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. by D.W. Meinig. New York — Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 1-7.

8 См., напр.: Лане К. В Белграде поменяют югославские названия улиц. Балканист (интернет-ресурс). 2020. 27 VII. URL: <https://balkanist.ru/v-belgrade-pomenyayut-yugoslavskie-nazvaniya-ulits/> (дата обращения 04.07.2023).

9 Названная в честь всемирно известного писателя *Толстојева улица* есть в других городах Сербии, например, в Белграде, Нови-Саде, Нише, в Стара-Пазове.

10 Имя *Никита* не было распространено в Сербии и непривычно для сербского слуха (ср. семейное предание Толстых о том, что сербский священник не хотел крестить этим именем мальчика).

Хотя решение по переименованию улицы было принято ко 2 октября 2004 г., к 60-летию освобождения Вршаца от фашизма, актуализировав в биографии Никиты Ильича участие в партизанском движении в Югославии и вступление добровольцем в Красную армию в 1944 г., его участие в боях за освобождение европейских городов, торжества состоялись 22 мая 2005 г. Поводом для переноса даты стало приглашение на торжества одним из русских «патриархов» Белграда, однокашником по белградской Первой Русско-Сербской гимназии и другом Никиты Ильича Андреем Витальевичем Тарасьевым при поддержке РЦНК «Русский дом в Белграде» вдовы и дочерей Н.И. Толстого. Почетный академик САНУ Светлана Михайловна Толстая с дочерьми Марфой Никитичной и Феклой Никитичной откликнулись на приглашение, собрав российских потомков «сербских» Толстых в городе Вршац. Двенадцать человек прилетели в Сербию — к семье Никиты Ильича присоединились в этой миссии Илья Ильич Толстой, Ольга Алексеевна Толстая с сыном Петром Олеговичем Толстым и его супругой Дарьей, Владимир Ильич Толстой с супругой Екатериной, Наталья Олеговна Толстая с сыном Иваном Лысяковым и Василий Татов, — что стало громким медийным событием «Возвращение сербских Толстых», организованным «Русским домом в Белграде» и поддержанным Белградским и Вршацким обществами дружбы с Россией¹¹.

На торжественную церемонию, во время которой Толстые сняли покрывало с синей таблички с новым названием улицы, прибыл Посол РФ в Сербии и Черногории Александр Алексеев. Помимо руководства Вршаца и его жителей, для которых это событие стало уникальным и прославило их город, присутствовали представители Банатской епархии СПЦ, в качестве зрителей собрались мэр соседнего города Бела-Црква Борис Джорджев¹², потомки русских эмигрантов из разных городов Сербии, члены Объединения выпускников русских кадетских корпусов в Югославии, сюда приехал директор Института балканистики САНУ Любинко Раденкович¹³ и другие сербские коллеги Никиты Ильича; был на церемонии и историк, тогда за-

¹¹ Мирковић З.Т. Повратак Никите Толстоја. «Вечерње новости». 2005. 18 V. URL: <https://www.novosti.rs/вести/култура.487.html:169949-Povratak-Nikite-Tolstoja> (дата обращения 04.07.2023). Русскоязычные материалы в СМИ были подготовлены на основе пресс-релиза «Русского дома в Белграде» и новостных сообщений сборка РИА «Новости» Николая Пасхина URL: <https://ria.ru/20050522/40396650.html> (дата обращения 04.07.20023 г.).

¹² Значение городка Бела Церковь для русской колонии Королевстве СХС трудно переоценить. В результате похожей работы «Русского дома в Белграде» в 2017 году появится урбаноним *Трг руских кадета* (Площадь русских кадет), что отчасти станет заслугой гимназического преподавателя географии Бориса Джорджева.

¹³ По словам Любинко Раденковича, он также предлагал увековечить память Н.И. Толстого в родном Вршаце, однако его письмо руководству города осталось без ответа. См.: Мирковић З.Т. Повратак Никите Толстоја. «Вечерње новости». 2005. 18 V. URL: <https://www.novosti.rs/вести/култура.487.html:169949-Povratak-Nikite-Tolstoja> (дата обращения 04.07.2023).

меститель директора Института славяноведения РАН Андрей Леонидович Шемякин¹⁴ (1960–2018).

Итак, в годониме *Улица Никите Толстоја* собрано несколько пластов исторической номинации: отношение к выдающемуся человеку, биографически связанному с этим городом; отношение сербов к потомку великого русского писателя и признание общемирового значения русской культуры; отношение к личности человека, представлявшего духовно близкую сербам сильную Россию; отношение к ученому, занимавшемуся историей сербского языка и исследованием духовной культуры славян; отношение к историческим событиям, связанным с освобождением Сербии и данного города от фашистской оккупации во время Второй мировой войны; отношение к наследию русской эмиграции, которая помогла возрождению Югославии после Первой мировой войны; и, наконец, отношение к личности человека, примиряющего в себе две разорванные Гражданской войной части российского общества. Инициаторы этой номинации рассчитывали, что именно множественность семантических пластов данного годонима не позволят повлиять на него никаким изменениям политической конъюнктуры в сербско-русских отношениях, которые вели и ведут к деноминации самых разнообразных топонимов.

Сохранению урбанонимов помогают события, поддерживающие память жителей о том, почему так назван данный объект на карте города, поскольку «то, что имеет ценность — остается; то, что не имеет ценности — исчезнет»¹⁵, а «переименование в палимпсестном подходе не просто единичный дискретный акт геоконцептуализации, это часть семиотического процесса (пере)конструирования места»¹⁶. Возле улицы Никиты Толстого в Вршаце позднее возник новый урбаноним — Русский парк. А 15 апреля 2023 г. там состоялось центральное событие в череде научных и просветительских мероприятий, приуроченных к 100-летию со дня рождения ученого — на улице его имени в Вршаце семья Толстых вместе с официальными представителями России и администрацией города открыли памятник работы российского скульптора Айдына Зейналова. Событие сопровождали мемориальная выставка и научная конференция. Помимо общечеловеческого смысла сохранения памяти о Никите Ильиче Толстом, помимо значения для истории науки и Русского Зарубежья, у апрельских мероприятий этого

¹⁴ Андрей Леонидович тогда с улыбкой сказал, что оказался в Сербии по своим делам историка, но как туляк не мог пропустить нового появления фамилии *Толстой* на карте Сербии.

¹⁵ Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K. Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. No. 2. P. 119 (цитата приведена в переводе Митина И.И.)

¹⁶ Митин И.И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места. *Псковский регионалогический журнал*. 2021. Т 17. № 4. С. 80.

года, приуроченных к 100-летию ученого и связанных с открытием памятника Никите Ильичу Толстому на вршацкой улице, названной в его честь, была выполнена еще одна важная для всех людей, упомянутых в этой статье, задача — сохранение геокультурных смыслов названия этой улицы.

Литература

- Ворошилин С.И.* Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации. Вопросы всеобщей истории. 2001. № 13. С. 80–98.
- Митин И.И.* Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места. Псковский регионологический журнал. 2021. Т 17. № 4. С. 73–83. <https://doi.org/10.37490/S221979310016932-8>
- Радовић С.* Од центра до периферије, и обратно: политика топонима у транзицијској престоници. Гласник Етнографског института САНУ. 2018. Т. 56. № 2. С. 53–74.
- Meinig D.W.* Introduction. *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* / Ed. by D.W. Meinig. New York – Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 1–7.
- Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K.* Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*. 2004. Vol. 44. No. 2.

References

- Meinig D.W., 1979. Introduction. *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* / Ed. by D.W. Meinig. New York – Oxford: Oxford University Press, p. 1–7.
- Mitin I., 2021. The toponymical palimpsest: renaming as a symbolic (re)construction of space and place. *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, No. 4, pp. 73–83. <https://doi.org/10.37490/S221979310016932-8> (In Russian)
- Radović, S., 2018. From Center to Periphery and Vice Versa: The Politics of Toponyms in the Transitional Capital. *Bulletin of the Institute of Ethnography SASA*, LVI (2), p. 53–74 (In Serbian)
- Urbanc M., Printsman A., Palang H., Skowronek E., Woloszyn W., Gyuró E.K., 2004. Comprehension of Rapidly Transforming Landscapes of Central and Eastern Europe in the 20th Century. *Acta Geographica Slovenica*. Vol. 44. No. 2.
- Voroshilin, S.I., 2001. Toponymical Wars in the World — Toponyms' Violent Change as a Result of War, Revolution and Colonization. *Problems of General History*, 13, pp. 80–98 (In Russian)

**«НА НАС, БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ, СМОТРЯТ КАК НА МАТЕРИАЛ,
КОТОРЫЙ, ИСПОЛЬЗОВАВ, МОЖНО И БРОСИТЬ...».
НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА
ОБ ИЗМЕНЕ ШТАБА 14-Й АРМИИ В ИЮНЕ 1919 Г.**

Андрей Владиславович Ганин

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Аннотация

Материал представляет собой публикацию неизвестного письма советского военного специалиста, бывшего капитана Б.Ф. Черниговского-Сокола своему однокашнику по Военной академии Г.И. Теодори о событиях лета 1919 г. на Украине. В тот период обстановка на фронте складывалась неблагоприятно для красных: белые овладели Донбассом и развернули наступление на харьковском и екатеринославском направлениях. 2-я Украинская советская армия была переформирована в 14-ю армию, но перемена названия и реорганизация мало что изменили. В состав армии входили партизанские части махновцев и григорьевцев, а войскам не хватало оружия и боеприпасов, поскольку белые отрезали снабжение по железным дорогам. В результате поражения советских войск части РККА оставили Екатеринослав, а группа работников штаба 14-й советской армии перешла на сторону белых. В письме подробно изложены обстоятельства сдачи Екатеринослава красными. Автор описал драматические обстоятельства обороны города, неразбериху и отсутствие централизации в управлении войсками, плохое руководство со стороны командующего 14-й армией К.Е. Ворошилова, находившегося неизвестно где, злоупотребления комиссаров, забиравших штабные автомобили для личного пользования, а также незнание штабом оперативной обстановки. Особый интерес представляют личные переживания автора письма, который писал о тяжелом положении военных специалистов РККА, невнимании к ним командования, опасности для бывших офицеров попасть в плен к белым и о других моментах. Документ хранится в Центральном архиве Федеральной службы безопасности и впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова

Гражданская война, революция, РККА, Украина, военспецы, офицерство, переходы от красных к белым

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2023 г.

Статья доработана автором 24 мая 2023 г.

Статья принята в печать 16 июня 2023 г.

Цитирование: *Ганин А.В.* «На нас, бывших офицеров, смотрят как на материал, который, используя, можно и бросить...». Неизвестное письмо советского военного специалиста об измене штаба 14-й армии в июне 1919 г. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 1–2. С. 161–174. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.10>

**“THEY LOOK AT US, FORMER OFFICERS, AS MATERIAL THAT,
HAVING USED IT, CAN BE THROWN AWAY...”
AN UNKNOWN LETTER FROM A SOVIET MILITARY SPECIALIST
ABOUT THE BETRAYAL OF THE HEADQUARTERS
OF THE 14TH ARMY IN JUNE 1919**

Andrey V. Ganin

D. Sc., Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Abstract

The material is a publication of an unknown letter from a Soviet military specialist, former Captain B.F. Chernihovsky-Sokol, to his classmate at the Military Academy G.I. Teodori about the events of the summer of 1919 in Ukraine. At that time, the situation at the front was unfavorable for the Reds: the Whites have captured the Donbass and launched an offensive in the Kharkov and Yekaterinoslav directions. The 2nd Ukrainian Soviet Army was reorganized into the 14th Army, but the name change and reorganization changed little. The army consisted of partisan units of Makhno and Grigoriev, and the troops lacked weapons and ammunition, since the Whites cut off supplies by rail. As a result of the defeat of the Soviet troops, Yekaterinoslav was abandoned by the Red Army units, and a group of employees of the headquarters of the 14th Soviet Army defected to the Whites. The letter details the circumstances of the surrender of Yekaterinoslav by the Reds. The author outlined the dramatic circumstances of the defense of the city, the confusion and lack of centralization in the management of troops, poor leadership on the part of the commander of the 14th Army K.E. Voroshilov, whose location was unknown, abuse of commissars who took staff cars for personal use, as well as ignorance of the operational situation by the headquarters. Of particular interest are the personal experiences of the author of the letter, who wrote about the plight of the military specialists of the Red Army, the inattention of the command to them, the danger for former officers to be captured by the Whites and other moments. The document is stored in the Central Archive of the Federal Security Service and is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords

Civil war, revolution, Red Army, Ukraine, military experts, officers, transitions from the Reds to the Whites

Received 15 April 2023

Revised 24 May 2023

Accepted 16 June 2023

How to cite: Ganin, A. V., 2023. “Na nas, byvshikh ofitserov, smotriat kak na material, kotoryi, ispol’zovav, možno i brosit’...”. Neizvestnoe pis’mo sovetnskogo voennogo spetsialista ob izmene shtaba 14-i armii v iune 1919 g. [“They Look at Us, Former Officers, as Material That, Having Used It, Can Be Thrown...”]. An Unknown Letter from a Soviet Military Specialist about the Betrayal of the Headquarters of the 14th army in June 1919]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 161–174. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.10>

В июне 1919 г. положение на Украине для красных складывалось неблагоприятно: белые овладели Донбассом и развернули наступление на харьковском и екатеринославском направлениях¹. 7 июня 1919 г. 2-я Украинская советская армия была переформирована в 14-ю армию. Однако смена вывески и реорганизация мало что изменили, поскольку состав армии, включавшей партизанские части махновцев и григорьевцев, оставлял желать лучшего, а в войсках не хватало оружия и боеприпасов (белые отрезали снабжение по железным дорогам).

На штабные должности назначили бывших офицеров — военспецов. Начальником штаба армии по рекомендации харьковского окружного военного комиссариата стал недоучившийся слушатель ускоренных курсов Николаевской военной академии, кавалер Георгиевского оружия, бывший капитан С.И. Шкляр-Олексюк (Шкляр-Алексюк). Его считали сочувствующим коммунистам, но для контроля приставили двух энергичных комиссаров. Прибыли и другие специалисты из харьковского военкомата.

Тяжелейшая фронтовая обстановка усугублялась антиспецовскими настроениями командующего армией К.Е. Ворошилова, недовольного «бывшими» (порой не без оснований). На военспецов смотрели как на расходный материал². Красноречива характеристика, принадлежащая Ворошилову и члену РВС армии В.И. Межлауку: «Вскоре же выяснилось, что Генштаба Шкляр³ не соответствует своему назначению благодаря неразвитости, военному невежеству и полному неумению разбираться в обстановке»⁴. Шкляр-Олексюк, к примеру, отличился тем, что издал приказ по армии без подписи и ведома командующего⁵. Не менее удручающую оценку получил бывший подполковник А.Н. Ягода: «Начальник оперативного отдела Ягода, вместе со всеми другими начальниками отделений штаба перешедший впоследствии к белым <...>, представлял собой вялого и бестолкового человека, не справлявшегося с задачами, несмотря на свою принадлежность к Генштабу. Его оперативные распоряжения свидетельствуют о полной неосведомленности об окружающей обстановке и неумении учитывать ни свои, ни противника силы»⁶.

¹ Гражданская война в СССР / под общ. ред. Н.Н. Азовцева. М.: Военное издательство, 1986. Т. 2. С. 137.

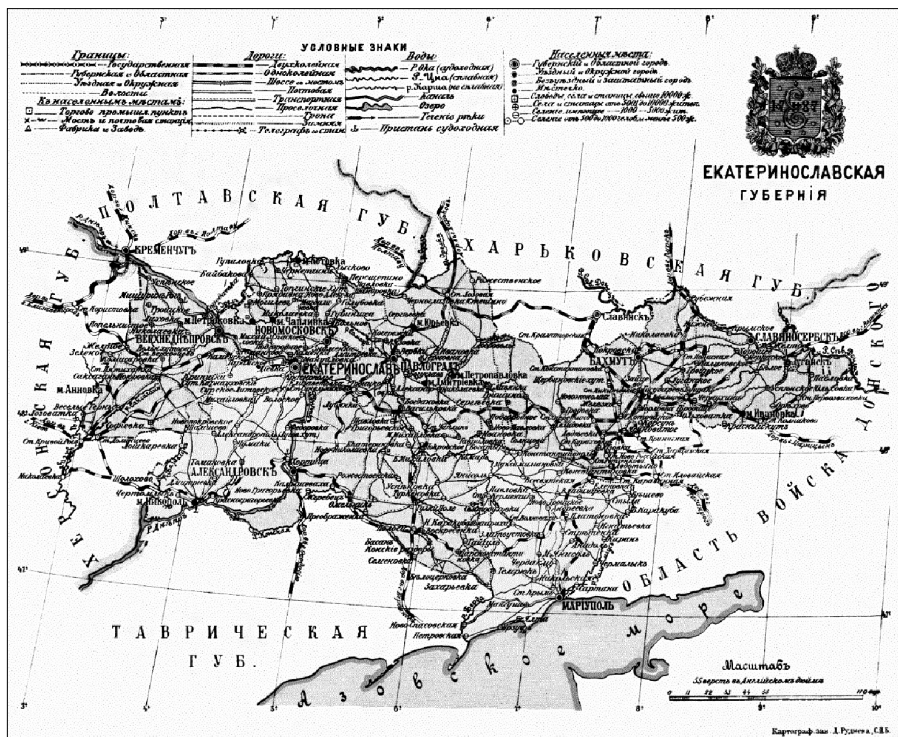
² Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ). Д. Н-603. Т. 1. Л. 141об.

³ Приставка «Генштаба» перед фамилией употреблялась в РККА в условиях упразднения прежних чинов в период Гражданской войны для обозначения выпускников Николаевской академии Генерального штаба (Императорской Николаевской военной академии), считавшихся дефицитными высококвалифицированными военными специалистами.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 17.

⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 86.

⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 14.

Карта Екатеринославской губернии
Map of Ekaterinoslav Governorate

В конце июня 1919 г. возмущенные Ворошилов и Межлаук телеграфировали командующему Южным фронтом В.М. Гиттису с копией председателю Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкому: «К сожалению, на[чальник] штаба Генштаба Шкляр-Алексюк и нач[альник] опер[ативного] о[т]д[ела] Генштаба Ягода совершенно не справляются со своими обязанностями. Прошу не отказать в самой срочной высылке двух [специалистов] Генштаба для занятия подлежащих должностей»⁷.

23 июня белые взяли Белгород, 24-го — Харьков, 30-го — Екатеринослав (упорные бои за город шли несколько дней). Красный фронт трещал по швам. Тогда у многих военспецов сложилось впечатление скорой победы белых. Последовали массовые переходы на сторону противника. Неудивительно, что при эвакуации красного Екатеринослава в городе остался почти весь полевой штаб 14-й армии, включая начальника штаба С.И. Шкляр-Олексюка, начальника оперативного отдела А.Н. Ягуду и состоявшего для поручений при командарме К.Е. Ворошилове бывшего капитана Б.Ф. Черни-

⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 132.

К.Е. Ворошилов. 1918 г.
Kliment E. Voroshilov

говского-Сокола⁸. Последний в публикуемом документе утверждал, что на самом деле попал в плен⁹, однако на территории белых в Ейске находилась семья военспеца, позднее вместе с ним оказавшаяся у красных. Следовательно, военспец вполне мог стремиться к родным. Также в Екатеринославе остались состоявший для поручений при начальнике штаба, начальник административного отдела, начальники организационного и оперативного отделений, помощник начальника разведывательного отделения, переводчики, лица, состоявшие в резерве комсостава, делопроизводители и даже уборщики. Перебежчиков исключили из списков и объявили вне закона.

⁸ Российский государственный военный архив. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 3; Д. 1009. Л. 47об.; Д. 69. Л. 39; РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 170.

⁹ ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 141об.

В.И. Межлаук
Valery I. Mezhlauk

Показательно, что заменивший Шкляр-Олексюка бывший штабс-капитан К.Ф. Монигетти также вскоре перешел к белым¹⁰. Черeda неудач отразилась на карьере Ворошилова, которого сняли с поста командующего и предали суду. Впрочем, никакого наказания не последовало.

Если Шкляр-Олексюк и Ягода поступили на службу к белым и у них же и остались, то судьба Черниговского-Сокола сложилась иначе — он также служил у белых, но в 1920 г. вновь оказался у красных, был арестован, освобожден и вернулся на службу в РККА. 1 мая 1920 г. он направил своему товарищу по академии Г.И. Теодори пространное письмо, в котором изложил свои злоключения, пытался показать, что попал к белым не добровольно, а вынужденно и просил помочь (Теодори ценили за пробивные способности и связи с большевистским руководством). Черниговский не знал, что его однокашник уже больше года сам находился под арестом. Письмо попало к чекистам и оказалось в деле арестованного.

¹⁰ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. С. 453–459.

**Штабс-кап. 302 п. Суражскаго полка
ЧЕРНИГОВСКИЙ-СОКОЛЬ,
награжд. орд: св. Георгія 4 степ.**

Автор письма, Борис Фаддеевич Черниговский-Сокол, родился в 1883 г. Участвовал в Первой мировой войне, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Службу в старой армии завершил капитаном, после чего, будучи выпускником ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии, весной 1918 г. попал в Красную армию. Как и адресат письма Теодори, Черниговский служил консультантом Оперативного отдела наркомата по военным делам. Затем перешел в штаб Московского военного округа, а весной 1919 г. был назначен в штаб Украинского фронта и дальнейшие его приключения читателям уже известны. Как далее сложилась судьба этого человека, остается неясным.

Адресат письма Г.И. Теодори (1886–1937) в старой армии дослужился до чина капитана, был одним из лидеров выпуска ускоренных курсов академии, стоял у истоков советской военной разведки. Весной 1919 г. из-за

Г.И. Теодори под арестом
Georgiy I. Teodori under arrest

конфликта с чекистами, а также своей общественной деятельности по сплочению однокашников по академии попал под арест и находился в местах лишения свободы вплоть до начала 1921 г. Затем продолжил службу в РККА. В 1937 г. был арестован и расстрелян¹¹.

Автор письма изложил драматические обстоятельства обороны Екатеринослава, неразбериху и отсутствие централизации в управлении войсками, плохое руководство командующего К.Е. Ворошилова, неизвестно где находившегося, злоупотребления комиссаров, забиравших штабные автомобили для личного пользования, а также незнание штабом оперативной обстановки. Большой интерес представляют личные переживания автора в дни сдачи Екатеринослава. Черниговский-Сокол писал о сложном положении военспецов, невнимании к ним командования, хотя многие связали судьбу с красными и при попадании в плен к белым могли пострадать. Сам Черниговский-Сокол, вновь оказавшись у красных, скорее всего, намеренно сгустил краски о пережитом у белых, чтобы облегчить свою участь. Фактом остается лишь то, что он уцелел.

¹¹ Подробнее см.: Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. С. 241-304.

Документ публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей.

1 мая 1920 г. Начальнику Разв[едывательного] отдел[ения]
Полевого штаба тов. Теодори¹²

Приблизительно в 20[-х] числах июня 1919 года штаб XIV сов[етской] армии перешел из гор[ода] Александровска в гор[од] Екатеринослав. Условия, в которых очутился штаб армии, были самые невыгодные. Так, во-первых: прибыл новый командарм тов. Ворошилов¹³ с новым начальником штаба¹⁴ Шкляр-Алексюком¹⁵ и новым штатом служащих. Во-вторых, кругом еще бродили шайки григорьевских банд¹⁶, с которыми борьба еще не была закончена, начались трения с Махно¹⁷ и т.д., и в довершение всего вся армия находилась в периоде реорганизации частей армии. Из неорганизованных, расшатанных остатков войск Махно, а также и оставшихся верными частей Григорьева надо было создать две стрелковых дивизии. Белые не ждали, а усиленно напирали, и пока власть имущие судили и рядили о том, как лучше решить этот вопрос, подошли вплотную к гор. Екатеринославу. В последнем, как объявленном красной крепостью, созданся штаб обороны. Казалось, что проще: есть штаб обороны, есть местный гарнизон, усиленный частью полевых войск, и вопрос покончен. Но на самом деле оказалось, что нет, и его необходимо было усложнить, а именно: во-первых, выделили полевой штаб и пристегнули к штабу обороны, а, во-вторых,

¹² До своего ареста в марте 1919 г. Г.И. Теодори не занимал такую должность, а был консультантом Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. На документе резолюции: «Агранову. К делу». Надпись по краю листа рукой автора документа: «Прошу не отказать сделать все, что возможно для поддержки меня, очутившегося в таком положении. Больной, страдающий нервными припадками, я прошу выручить меня». Агранов Яков Саулович (12.10.1893–01.08.1938) — особоуполномоченный Особого отдела ВЧК, впоследствии — один из видных работников ОГПУ — НКВД и организаторов массовых репрессий.

¹³ Ворошилов Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969) — революционер, член РСДРП(б) с 1904 г. Командующий 14-й армией (07.06–18.07.1919).

¹⁴ В документе — штабом.

¹⁵ Шкляр-Олексюк (Шкляр-Алексюк) Степан Иосифович (1889–?) — бывший капитан, военный специалист РККА, начальник штаба 14-й армии (07–22.06.1919).

¹⁶ Григорьев Николай Александрович (1878–27.07.1919) — эсер (1917–1918), затем боротьбист (1919). Штабс-капитан. Командир повстанческого отряда, затем Херсонской дивизии армии Украинской народной республики. Комиссар Александровского уезда Херсонской губернии. Фактически — диктатор в районе Херсон — Николаев. Перешел на сторону РККА. Командовал дивизией РККА. Затем поднял восстание, которое потерпело поражение, присоединился к махновцам и убит по приказу Н.И. Махно.

¹⁷ Махно Нестор Иванович (26.10.1888–25.07.1934) — анархист, лидер повстанческого движения на юге Украины в 1918–1921 гг. Заключив временный союз с большевиками, командовал бригадой 3-й Украинской советской армии. После разрыва с большевиками стал главнокомандующим Революционно-повстанческой армии Украины.

Н.И. Махно
Nestor I. Makhno

почти все полевые части передали в ведение штаба обороны. Штаб армии ушел из Екатеринослава, командарм где-то обретался в передовой линии. Донесения, по-видимому, или сосредотачивались в штабе обороны или же посылались с места непосредственно в высшие инстанции. По крайней мере, в полевом штабе их не было, а если и были, то весьма старые.

Вот в какой обстановке очутился я. Следствием этого и было то, что я попал в плен. Последнее мне совершенно не улыбалось, так как меня могли опознать как старательного работника, тем более что пока я был начоперодом¹⁸ штарма¹⁹, 2[-я] укр[аинская] армия сделала успехи и, во-вторых, могли выяснить мое участие в роли нач[альника] штаба при подавлении восстания в Рязанской губер[нии]²⁰.

Все правила о назначениях были аннулированы, и я из штаба армии получил назначение в полевой штаб, где подвизался по новой должности «дежурного по штабу». Положение было самое печальное, так как штаб обороны работал самостоятельно. Начальник полевого штаба Шкляр-Алексюк

¹⁸ Начальником оперативного отдела.

¹⁹ Здесь и далее — штаба армии.

²⁰ По-видимому, речь идет о крестьянских восстаниях в Рязанской губернии в ноябре — декабре 1918 г.

хранил упорное молчание, и, таким образом, об обстановке мы имели самое смутное понятие. Накануне падения гор[ода] Екатеринослава я видел из окна военного комиссариата, что левый берег Днепра был очищен от наших войск, и борьба сосредоточилась у железнодорожного моста, который был подготовлен к взрыву. Принимая во внимание, что все перевоз[о]чные средства были утилизированы нашими войсками при переправе через Днепр, я был спокоен, так как при уничтожении железнодорожного моста форсировать реку было очень трудно и даже невозможно без соответствующей подготовки. Сменившись вечером с дежурства, я отправился домой отдохнуть, так как на другой день я должен был заступить на ночное дежурство. В городе было сравнительно спокойно; в стороне моста слышалась обычная перестрелка.

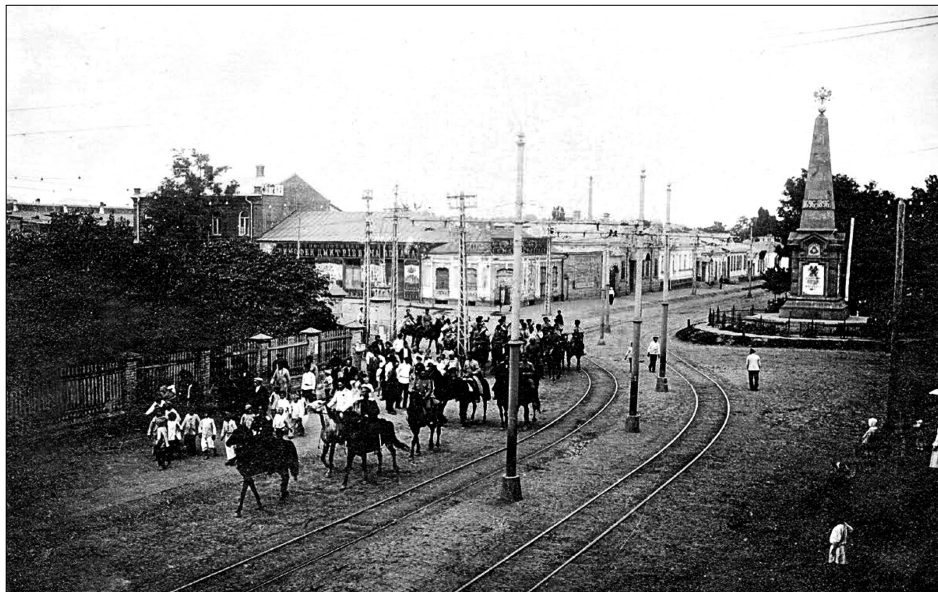
Ночью послышался взрыв — я совершенно успокоился.

На другой день, слыша обыкновенную перестрелку, я, не торопясь, собирался на дежурство. Около часу дня я вышел из квартиры и стал спускаться к проспекту, достигнув который, я был встречен пулями, летящими вдоль него. Вдали показались всадники. Я повернул назад с желанием выйти на Полевую улицу, но там встретил то же самое, а потому, свернув к себе на квартиру, я скрылся в ней.

Что пришлось пережить, трудно описать, так как, во-первых, я жил в буржуазной реквизированной квартире, а, во-вторых, кругом жили семьи, отцы которых ушли с белыми. Спрятаться где-либо в другом месте не пред-

Украинская Красная армия освобождает свой народ (Советский плакат. 1919 г.)
 The Ukrainian Red Army liberates its people (Soviet poster. 1919)

Вступление белых в Екатеринослав
Whites' entry into Yekaterinoslav

1-я Кавказская конная дивизия белых в Екатеринославе. 1919 г.
The 1st Caucasian Cavalry Division of the Whites in Yekaterinoslav. 1919.

ставлялось возможным, так как я никого не знал, кто бы встал на мою сторону и припрятал. Партийным это было легче сделать, так как, имея поддержку среди низов, для них это было плевое дело. Не то предстояло мне. И за что? По-видимому, за то, что:

[далее зачеркнуто: Требуя дела, я, конечно, не особенно нравился некоторым как сотрудникам, так и политкомам. Особенно положение стало тяжелым, когда прибыл новый командарм, новый начштаба и многие другие, которые прибыли уже с предвзятым взглядом, а именно, что де мол штаб ничего не делал. Между тем, несмотря на то, что я состоял для поручений:]

Новый начштаба Шкляр-Алексюк, преследуя, по-видимому, свои личные цели, старался вытеснить меня, устроив так, что я, несмотря на то, что состоял для поручений при командарме, приказание должен был получать от него, а не от командарма.

Выделив нас в полевой штаб, никто не заботился о том, чтобы приготовить средства на случай отступления. Напротив, все почти автомобили были, согласно приказанию военкома²¹, были²² сосредоточены в его распоряжении и использованы, конечно, в личных целях. А принимая во внимание, что на нас, бывших офицеров, смотрят как на материал, который, использовав, можно и бросить. И вот за 1 ½ годовую службу последовала расплата. нас таскали, издевались и на[конец] отослали в Ростов, а затем в Екатеринодар, оттуда — в Ейск под надзор до окончания следствия. Шесть кошмарных месяцев вечной муки, так как все мои ложные показания могли вскрыться, полуголодное существование и т.д. Никто не хотел разговаривать, как только узнавал, что я находился на службе у Советской власти. По мере развития успехов Красной доблестной армии я оживал, ожидая с нетерпением ее прихода. И что же, пришли! Результатом прихода был арест, а затем мытарства по разного рода особ[ым] отделам. Нервы, здоровье истрепаны в конец, семья голодает форменным образом, так как жена, больна[я] и изнуренная, не в состоянии работать и поддерживать детей. И за что же — за то, что я, как умел, работал искренно на пользу трудового народа.

Ввиду вышеизложенного обращаюсь к Вам [с] величайшей просьбой поддержать меня, а главное поддержать мою семью, проживающую в гор[оде] Ейске.

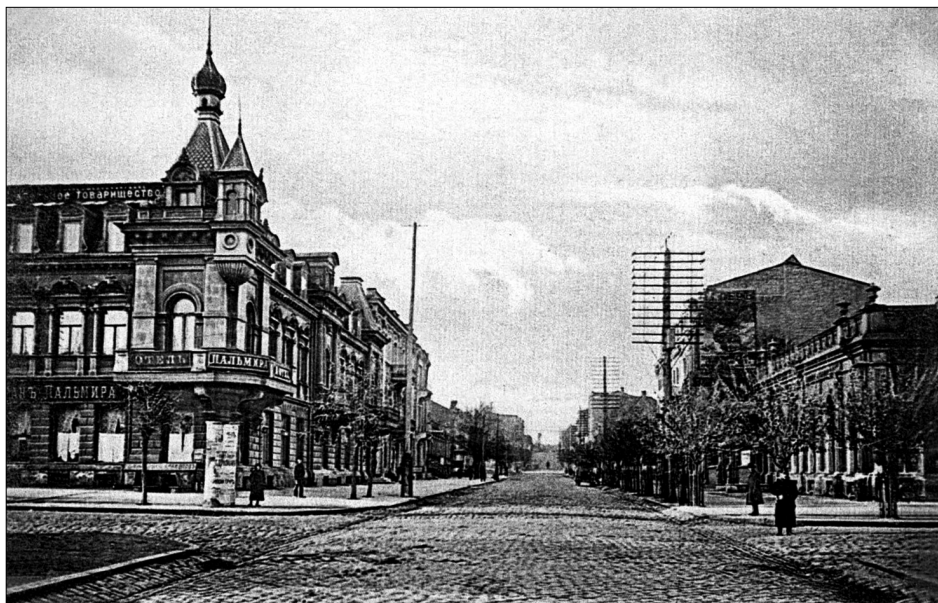
В настоящее время я нахожусь совершенно без денег и без всяких средств в Ростове н[а] Д[ону] и жду каждую минуту, что меня опять начнут водить по Особ[ым] отделам. Если этого не будет, то адрес: 1[-й] территориальный полк, Ростов н[а] Д[ону], где я пристроился работать.

Борис Черниговский-Сокол

**Центральный архив Федеральной службы безопасности России.
Д. Н-603. Т. 1. Л. 140–141 об. Автограф. Чернила.**

²¹ Военного комиссара.

²² Так в документе.

Екатеринослав (дореволюционная открытка)
Yekaterinoslav (pre-revolutionary postcard)

Литература

Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. <https://doi.org/10.31168/907171-53-4>

Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013.

Гражданская война в СССР / под общ. ред. Н.Н. Азовцева. М.: Военное издательство, 1986. Т. 2.

References

Azovtsev, N.N., ed., 1986. *The Civil War in the USSR*. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. Vol. 2. (In Russian.)

Ganin, A.V., 2013. "The Brain of the Army" during the "Russian Turmoil": *Articles and Documents*. Moscow: Russkii put'. (In Russian)

Ganin, A.V., 2022. *Military Specialists. Essays on Former Officers Who Stood at the Origins of the Red Army*. Moscow: Kuchkovo pole. <https://doi.org/10.31168/907171-53-4> (In Russian)

«ЕСЛИ МНЕ БЫЛ ОТПУЩЕН КАКОЙ-ТО ПОЛЕТНЫЙ РЕСУРС, ТО Я В МАКСИМАЛЬНОЙ МЕРЕ ЕГО ИСЧЕРПАЛ, РАБОТАЯ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ». ВОСПОМИНАНИЯ Ю.П. ГУСЕВА

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Юрий Павлович Гусев (род. 1939), доктор филологических наук, известный исследователь и переводчик венгерской литературы. Ю.П. Гусев родился и вырос на Урале. После окончания филологического факультета МГУ проработал два года учителем русского языка и литературы в венгерском селе в Закарпатской области Украины, прекрасно овладев венгерским языком. Окончив аспирантуру Института мировой литературы АН СССР, он стал сотрудником этого института и трудился в нем до начала 1990-х годов, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Четверть века его деятельность была связана с Институтом славяноведения РАН, где он трудился в 1994–2019 гг. в должности ведущего научного сотрудника. С начала 1970-х годов Юрий Павлович совмещает свою научно-исследовательскую работу с активной деятельностью в качестве переводчика венгерской художественной литературы, как классической, так и современной. За свои заслуги в области перевода и изучения венгерской литературы Ю.П. Гусев был удостоен государственных наград и престижных премий Венгрии. Ю.П. Гусев рассказывает о своем детстве во время войны и в первые послевоенные годы, юности, учебе в Московском университете и о студенческих впечатлениях, о своей работе в Институте мировой литературы и Институте славяноведения, о своих многочисленных поездках в Венгрию и общении с венгерскими коллегами. Он также делится своим мнением о развитии российской унгаристики и о возможностях дальнейшего диалога двух культур.

Ключевые слова

Московский университет, Институт мировой литературы РАН, Институт славяноведения РАН, история венгерской литературы, художественный перевод, русско-венгерские литературные, культурные и научные связи

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2023 г.

Статья доработана автором 22 февраля 2023 г.

Статья принята в печать 13 июня 2023 г.

Цитирование: *Гусев Ю.П.* «Если мне был отпущен какой-то полетный ресурс, то я в максимальной мере его исчерпал, работая в Институте славяноведения». Воспоминания Ю.П. Гусева. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 175–214. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.11>

Текст подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 21-59-23002 «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)». Беседовал и подготовил текст к публикации А.С. Стыкалин.

**“IF I WAS GIVEN SOME KIND OF FLIGHT RESOURCE,
THEN I EXHAUSTED IT TO THE MAXIMUM EXTENT,
WORKING AT THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES”.
THE MEMOIRS OF YU. P. GUSEV**

Abstract

At the request of the editors of the *Slavic World in the Third Millennium*, Yuri Pavlovich Gusev (born in 1939), Doctor of Philology, a well-known researcher and translator of Hungarian literature, speaks about his life and path in science. Yu.P. Gusev was born and raised in the Urals. After graduating from the Faculty of Philology of Moscow State University, he worked for two years as a teacher of Russian language and literature in a Hungarian village in the Transcarpathian region of Ukraine, having perfectly mastered the Hungarian language. After post-graduate studies in the Institute of World Literature of the Academy of Sciences of USSR, he became a member of that Institute and worked there until the early 1990s, rising from junior to leading researcher. A quarter of a century of his activity is associated with the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, where he worked in 1994–2019 as a leading researcher. Since the early 1970s, Yuri Pavlovich has been actively combining his research work with his work as a translator of Hungarian fiction, both classical and contemporary. For his merits in the field of translation and study of Hungarian literature Yu. P. Gusev was awarded prestigious state awards and prizes in Hungary. Yu. P. Gusev talks about his childhood during the war and in the first post-war years, his youth, studies at the Moscow University and his impressions of those times, his work at the Institute of World Literature and the Institute of Slavic Studies, his many trips to Hungary and communication with Hungarian colleagues. He also shares his opinion on the development of the Hungarian studies in Russia, the possibilities for further dialogue between the two cultures.

Keywords

Moscow University, Institute of World Literature RAS, Institute of Slavic Studies RAS, history of Hungarian literature, literary translation, Russian-Hungarian literary, cultural and scientific ties

Received 5 February 2023.

Revised 22 February 2023

Accepted 13 June 2023

How to cite: Gusev, Yu.P., 2023. “Esli mne byl otpushchen kakoi-to poletnyi resurs, to ia v maksimal'noi mere ego ischerpal, rabotaia v Institute slavianovedeniia”. *Vospominaniia Yu. P. Guseva* [“If I Was Given Some Kind of Flight Resource, then I Exhausted It to the Maximum Extent, Working at the Institute of Slavic Studies”]. *The Memoirs of Yu.P. Gusev*. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 175–214. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.11>

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 21-59-23002 “Soviet-Hungarian scientific relations in the field of the humanities: communication channels, intellectual presence, transfer of ideas (1945–1991)”. Interviewed and prepared the text for publication by A.S. Stykalin.

А.С. Стыкалин. *Юрий Павлович, вы родились в январе 1939 года в Пермской области, теперь этот регион называется Пермский край. Расскажите о детстве, о семье, о ваших корнях. Едва ли ошибусь, если скажу, что вы относитесь к поколению, чьи самые ранние детские впечатления пришли на конец Великой Отечественной войны. Что-то, наверное, осталось в памяти? Было ли в раннем детстве осознание того, что в мире происходит что-то аномальное, определяемое словом «война»? Может быть, запомнился и День Победы. И конечно, первые послевоенные очень голодные годы...*

Ю.П. Гусев. Не зря, наверное, размышляя о своей (прожитой или, пускай, наполовину прожитой) жизни, люди (во всяком случае, те, кому свойственно погружаться в это неблагоприятное занятие — размышление о своей жизни) охотно пользуются возможностью видеть в себе представителей не только какой-либо нации, сословия и т.д., но и какого-либо поколения. Некоторые поколения в нашей недавней истории очень даже, как говорится, на слуху. Например, поколение первых пятилеток, военное поколение. А как импозантно звучит: поколение шестидесятников!.. Стремление (пускай даже неосознанное) чувствовать себя частью чего-то большого, значительного, вообще присуще человеку: оно является одним из общедоступных способов самоутверждения, придает индивиду уверенности, а значит, помогает жить. (Какой-нибудь распоследний, вконец опустившийся алкаш, ударив себя кулаком во впалую грудь и сипло проорав — или мысленно воскликнув — «Я — русский народ!», — обязательно ощутит прилив энергии и, расpiraемый чувством собственного достоинства, отправится добывать денег на очередную выпивку.)¹ Так что твердое сознание своей принадлежности к какому-либо поколению — вещь драгоценная, оно помогает людям хоть немного приблизиться к достижению того, что называется смыслом жизни. То есть является одним из факторов, условий счастья.

Мне такого счастья — не было дано.

К довоенному поколению, понятное дело, я никак не могу относиться: поздно вато родился. Но и к военному тоже: война, конечно, определяла наш с матерью быт, образ жизни (наш с матерью, потому что отец из нашей жизни рано — мне, наверное, года четыре было — исчез, развелся с матерью), но разве я в состоянии был понять, что это из-за войны мы едим в основном одну вареную картошку, и то мелкую (я это хорошо запомнил, потому что приходилось чистить ее, то и дело задумываясь, выковыривать ли глазки и почерневшие места), да хлеба вовсе не досыта. Или — почему

¹ Почему-то меня часто упрекают в том, что в моих текстах слишком много скобок и тире. Но я ведь не нарушаю при этом правил русской орфографии или синтаксиса! Кто-то, скажем, имеет привычку постоянно теревить себе мочку уха. И что? Не одергивают же его за это. Он, в конце концов, свое ухо теревит, а не чужое. Если бы мои скобки и тире мешали понимать то, что я хочу сказать, — тогда другое дело (Примечание Ю.П. Гусева).

в доме, над третьим этажом, где мы какое-то время жили, торчали обугленные обломки следующего, четвертого этажа. Дело было в Туле, куда отца направили преподавать в Суворовском училище — в действующую армию он не попал (мне запомнилось с тех пор неприятное словосочетание — костный туберкулез), там-то у них с матерью, очевидно, и назрел разрыв. Или — как это получилось, что в однокомнатную квартиренку, где жили мы с матерью и еще одна женщина (помню ее имя: тетя Липа) с дочерью примерно моего возраста, однажды стал ломиться какой-то офицер (теперь-то я догадываюсь, что ему, видимо, дали там жилье, а мы, скорее всего, жили там не вполне законно), и мы, все четверо, орала от страха и плакали, и офицер этот в конце концов выломал дверь, и, помню, сидел потом, не сняв шинели, угрюмый, у стола, думая, видимо, что ему делать с этими двумя женщинами и двумя детишками — не выгонять же их на улицу! — а рядом на полу лежал его вещмешок, и он нагнулся и достал из него и дал нам, маленьким, по конфете в цветной обертке, и мы не смогли устоять, перестали реветь и, боязливо косясь на матерей, взяли это чудо... И вот еще: почему в детском садике («детсад детей офицеров» — так мне запомнилось, — видимо, ходил я туда благодаря отцу) один толстый мальчишка, которого все звали Жирный, очень горячо убеждал нас, что самое полезное и вкусное у селедки — это голова (теперь-то я понимаю, что он был, скорее всего, не толстый, а опухший от недоедания, — но я еще долго, уже взрослым, первым делом старался съесть из порезанной селедки именно голову).

Но все это, повторяю, такие детали, которые я в том возрасте воспринимал как нечто совершенно естественное, не подозревая, что может быть и по-другому. Так что война как таковая, как (позвольте выразиться по-ученому) базовый фактор — в моем сознании не присутствовала. А без этого можно ли говорить о себе как представителе военного поколения?

Правда, день победы — точнее, момент, когда мне об этом стало известно, — я помню. Я проснулся (мы с матерью жили уже в Тагиле), в окно било солнце, мама была дома, она стояла у комода, причесывалась. Увидев, что я проснулся, улыбнулась и сказала: «Юра, война кончилась!»

Правда, в жизни у нас ничего не изменилось. Мать, работая медсестрой, дежуря часто по две смены подряд, получала какие-то пустяки, на еду едва-едва хватало. Мы с соседскими ребятами осваивали окрестности, ближе к осени бродили по огородам, подкапывали сбоку кусты картошки и, если удавалось добыть пару клубней, сжирали их прямо сырыми. Да, занятие было опасное: не дай Бог, хозяева поймают. Зато после того как хозяева соберут урожай, огороды были в полном нашем распоряжении. То есть — были *бы*: тут приходили взрослые (в основном рабочие, у которых не было своего огорода) и тщательно перекапывали грядки, ища в земле случайно оставшуюся картошку. А однажды мы наткнулись на россыпь белых мягких шариков (теперь я знаю, что это были дождевики... или шампиньоны? — удобряли огороды коровьим навозом, так что шампиньоны тоже,

пожалуй, могли вырасти... но скорее все же дождевики), и кто-то сказал, что их можно есть, и мы тут же съели — и ничего.

В Центре (там было трамвайное кольцо, откуда ходили трамваи черт-те куда, на Вагонку, то есть в поселок при Уралвагонзаводе, и на Тагилстрой — поселок при Metallургическом комбинате, а рядом с кольцом, недалеко друг от друга, находились два кинотеатра, «Горн» и «Искра», — туда мы, спустя пару лет, прорывались без билета смотреть «Тарзана»), возле скверика на углу в хорошую погоду сидел на табуретке одноногий инвалид в заношенной гимнастерке, играл на гармошке и пел про лейтенанта, который «после яррой атаки написал о себе всё домой». Что же он написал? — «Дорогая жена, я калека, у меня нет обеих ног». И так далее. А вот что ответила ему жена: «Милый муж, я письмо получила, и не знаю, тебе что писать. Оно сильно меня огорчило, и решила я с горя гулять». Дальнейшие перипетии у меня в памяти не очень сохранились, но письмо лейтенанта явно было, что называется, проверкой на вшивость. Последние строчки песни звучали так: «...поезд словно на крыльях летит. В этом поезде счастье и горе, лейтенант там с дочуркой сидит». Что ж, действительно недостойна такая женщина воспитывать дочь. Люди, слушавшие инвалида, стояли насупленные, переживали за лейтенанта, но монеты в шапку падали скупо: не было у народа лишних монет.

Жили мы с мамой у ее сестры, тети Веры, вдовы (муж погиб на фронте). Вообще промышленный город Нижний Тагил был гнездом семьи Истоминых: мать была одиннадцатой, самой младшей из братьев и сестер (и прожила она, несмотря на тяжелую, нескладную жизнь, дольше всех, умерла девяноста восьми лет, совсем недавно). Тетя Вера как-то показала мне приземистое длинное кирпичное строение в соседнем переулке: там была, если я правильно помню, гвоздильная мастерская, которой владел дед. Но XX век все растоптал, разметал. Дед и бабушка, как мне рассказывала мама, однажды поехали куда-то на поезде (это были годы гражданской войны) — и не вернулись, пропали бесследно. Из одиннадцати братьев и сестер кто-то умер от болезни, кто-то покончил с собой (неизвестно почему), другие разъехались: тетя Оля оказалась в Губахе (есть, оказывается, такой город в Пермской области), тетя Валя — в Краснодаре, тетя Нюта — аж в Норильске, тетя Женя — в Кандалакше (город на Кольском полуострове; муж у тети Жени был геодезистом). В Тагиле, кроме матери и тети Веры, оставался единственный уцелевший из братьев, дядя Миша, маленький, носатый, морщинистый, сильно пьющий мужичок (он скоро умер). Через пару лет в Тагил вернулась и тетя Женя; с ее сыном, Вовкой, который был младше меня на год, мы дружили всю жизнь, он и в Москву потом перебрался. Но все мы, тагильчане, жили в почти одинаковой бедности, граничащей с нищетой. Сейчас мне самому трудно в это поверить, но дома у нас не было абсолютно никаких часов: ни наручных, ни каких-нибудь ходиков. Когда я пошел в школу, время мы определяли по заводским

гудкам: видимо, гудок означал начало смены. Однажды (помнится, в разгар зимы) все, как обычно, проснулись, меня одели, укутали, отправили, я побрел (школа была километрах в полутора), прихожу, а двери школы закрыты, кругом ни души, тьма; пришлось брести обратно. Оказалось, гудок то ли кому-то приснился, то ли был каким-то внеочередным, а на самом деле было всего часов пять утра. Я вернулся, заснул — и в результате опоздал на целый урок.

Кстати, о гудках. Когда температура на улице была ниже сорока, заводы гудели как-то особенно долго и настойчиво, а мы слушали и радовались: значит, школьникам первых четырех классов можно оставаться дома.

О недавно закончившейся войне напоминали не только инвалиды и пленные немцы, которые рыли какую-то канаву на соседней улице. Осколком войны мне представляется наша училка во втором классе (ее единственную я и запомнил из начальной школы). Высокая, белокурая (нордической внешности, сказал бы я сегодня), она приучила нас вставать из-за парты на счет четыре: раз — вскочил, два — повернулся направо или налево, три — сделал шаг из-за парты, четыре — повернулся лицом к доске. Восхитительное, должно быть, было зрелище: сорок два маленьких оболтуса синхронно и четко совершают механические движения. С ума можно сойти! Мы ее обожали...

Так, может, причислить себя к послевоенному поколению? Хм... Нет, вряд ли. Не было, опять же, сознания особости. То, как мы жили, выглядело совершенно естественным. Другого мы не видели и не знали. Смело могу утверждать: весь Тагил жил впроголодь, обитал в бревенчатых домишках или в бараках, ходил замызганный, оборванный, стоял в очередях, отоваривался по карточкам, потом без карточек, но все равно в очередях. Если бы очереди были только после войны, тогда я мог бы сказать: принадлежу к тому поколению, которое стояло в очередях. Но очереди у нас оставались обычными и естественными где-то до 91-го года. Очень многие наши современники родились и умерли, не узнав, что продукты и вещи можно покупать просто: пришел в магазин и купил, — лишь бы денег хватило.

Нет, не отношусь я к послевоенному поколению. (Разве что считать послевоенными все четыре с половиной десятилетия, прошедшие после 1945 года?)

Мне начинает казаться, что поколенческая промежуточность влечет за собой «промежуточность» (точнее, может быть, сказать: переходность) и в других отношениях. Взять хотя бы принадлежность к тому, что называется сословие. Или — социальный класс. Или, совсем уж мудрено, страта.

А. С. Ваш отец был учителем русского языка и литературы. Интерес к литературе, к чтению передался от отца? Расскажите и о вашей школе. Судя по тому, что по окончании школы в уральской глубинке вы сразу поступили на филфак МГУ, у вас были неплохие учителя, да и доступ к неплохим библиотекам...

Ю. Г. Отец мой, который меня не воспитывал, но, наверное, передал мне свои гены (и еще — врожденный дефект зрения, дальность зрения, которая, если кто не знает, ничего общего ни с зоркостью, ни с дальновидением не имеет), происходил из крестьян, но вышел в интеллигенты: был сельским учителем (в селе Ножовка я и имел удовольствие появиться на свет), преподавал в Суворовском училище (в упомянутой выше Туле), а после войны заведовал детским домом в родном городе Оса (есть такой город в Пермском крае), потом там же возглавлял районо. (Интересная вещь: хотя умер он где-то в 60-х годах, задолго-задолго до появления компьютеров и интернета, но я совсем недавно нашел в интернете два сайта с его — очень краткой, к сожалению — биографией и благодарными письмами нескольких воспитанников того детдома. Видимо, заметным гражданином города Оса был мой отец.) Профессия матери, медсестра, — это интеллигентская профессия?.. Что не рабочая, это факт. Но мать, помыкавшись со мной лет пять или шесть, нашла нового мужа. Вот уж кто был рабочий на все сто сорок шесть процентов! Он умел все: работал слесарем, каменщиком, сварщиком, плотником, столяром... и даже, как выяснилось позже, в молодости — поваром-кондитером. И выпить любил — какой же рабочий без этого! При этом был украинцем с хорошей украинской фамилией Тимченко. В веселом настроении, под хмельком, охотно вворачивал в разговор украинские слова и целые фразы...

Откуда в Нижнем Тагиле взялся украинец? Ну, в Нижнем Тагиле разного народа было много, на тамошних заводах рабочая сила всегда требовалась. С началом войны туда перевезли из Поволжья немцев; немцы учились и у нас в классе, я до сих пор помню две немецкие фамилии: Шааб и Рейх (первый был ражий детина, хулиган и двоечник, второй — молчаливый, грустный, какой-то пришибленный, — сейчас я думаю, это у него была какая-то форма аутизма). Встречались еще корейские, эстонские фамилии; много татар... Но главной причиной многонациональности здешнего населения, думаю, было вот что: Нижний Тагил — город, где размещалось (да и сейчас, кажется, размещается) несколько огромных зон («исправительно-трудовых колоний»), и большинству эков, отбывших срок, запрещалось ехать на родину, они оставались в Тагиле, где могли получить работу и жилье. Из эков вышел и мой отчим. Конечно, я постеснялся бы это написать, будь он уголовником, — но я сам был свидетелем того, как ему (уже где-то в конце 90-х) выдали документ о реабилитации. То есть он был из тех, кого в конце 30-х годов гребли по всему Союзу, выполняя спущенные из Москвы разнарядки. А что ему сломали жизнь — кого в России это интересует! Ломали, ломают и будут ломать — новым и новым миллионам. Мы привыкли.

Короче говоря, если отцовские гены и выволокли меня в ту общественную среду, которую в какой-то степени можно отождествить с интеллигенцией, то душой, менталитетом (кто бы знал, что это такое!) я дол-

го, до середины жизни оставался там, в низах, в мешанине, состоящей из работяг-выпивохов, бывших зэков, вчерашних мужиков, сбжавших от колхозного рабства, всякого рода обслуги и прислуги (медсестры, мне кажется, тоже сюда относятся). Это — та огромная масса, к которой более всего подходит понятие «народ». В наши дни придумали словосочетание «глубинный народ»; оно, может быть, и уместно — действительно же, это — толща населения, до самых глубин, — только вот политический смысл этому словосочетанию зря придают. Глубинный народ живет, движимый простыми потребностями: работать, чтобы содержать семью, скрашивать будни выпивкой и каким-никаким застольем, иногда отдыхать, собирая грибы или купаясь. Начальство, от начальника цеха до самых-самых верхов, для этого народа что-то чуждое и враждебное, он особо о нем и не думает: чего о нем думать, начальство само по себе, мы сами по себе. Политической позиции у глубинного народа нет, есть только мнения, которые формируются тем, что он слышит по радио (теперь — по ящику). Эти мнения он высказывает, когда заходит речь о политике, но высказывает между своими, — с чужими же этих материй касается неохотно и скупно. Когда жизненный опыт или какие-то события заставляют его задумываться, *почему* так или этак, *почему* то-то и то-то, он перестает быть глубинным народом. А чем становится? Интеллигенцией? Ну, вряд ли. Просто — homo sapiens. А останется ли тот или иной человек рабочим, землепашцем, курьером, медсестрой — или потянется к какой-либо форме умственного труда, это не так существенно. Есть и учителя, и врачи, и даже большие начальники, которые никогда не затрудняют себя вопросом *почему*.

Мне кажется, показательна та реакция, с какой мы — то есть я и все, кого я имел в виду вокруг себя, — встретили смерть Сталина.

А. С. Это март 1953 года. Кто-то из современников вспоминает чувство беззащитности от внешних угроз, испытанное их близкими, — настолько велика была вера в вождя, насаждавшаяся пропагандой. Другие, напротив, говорят о чувстве облегчения...

Ю. Г. Я был тогда то ли в шестом, то ли в седьмом классе. Ну да, нас всех построили в широком школьном коридоре на траурную линейку, звучала печальная музыка, кто-то что-то говорил, потом всех отпустили по классам и уроки продолжились. Возможно, кто-то искренне горевал, кто-то злорадствовал; вокруг меня никаких особых переживаний не было. Дома тоже речь шла об обыденном. А ну их, это их дело, начальства, — так, я уверен, думали (или не думали, а чувствовали) массы. Ну конечно, если спросить, то человек ответит, как положено: скорбь, потрясенность, то, се...

Всплывать из гущи глубинного народа я начал, конечно, с поступлением в университет. Отцовские гены проявились еще в школе: у меня хорошо получались сочинения по литературе. А однажды учитель немецкого (фамилия у него была вроде и немецкая, но не очень — Штерба; наверное,

он тоже был из перемещенных на Урал) велел нам, кто хочет, перевести на русский стихотворение Гейне «Я хочу подняться в горы». Никто не захотел, а я почему-то решил перевести. Штерба был невероятно этим удивлен. Он прочитал мой перевод перед классом и сказал, что это очень здорово — если, конечно, я это не содрал откуда-то. (Ядовитый мужичок был этот Штерба; но немецкому он учил плохо, я его до сих пор не знаю по-настоящему.) В общем, после таких успехов я, наивный и глупый, замахнулся на Московский университет, на филологический факультет. У меня была серебряная медаль, так что из вступительных экзаменов мне предстояло сдавать только один — писать сочинение. Я бодренько его написал, получил четверку, конкурс был большой, мне ничего не светило. Но в приемной комиссии оказалась очень хорошая женщина, Елена Федоровна Васеко (одну руку она потеряла в Сталинграде; недавно я узнал, что она прожила 94 года и умерла в 2017-м), она сказала мне, что если я не претендую на общежитие, то меня зачислят. Ну, я согласился. Но жить-то где-то надо было! И вот мы с одним таким же условно зачисленным (по фамилии Коваленко, а имя я забыл) стали ходить по окрестностям (гуманитарные факультеты были тогда на Моховой) и спрашивать, не сдается ли угол. Первым делом пошли на улицу Грановского: это было ближе всего. Там был один такой высокий красивый дом; люди во дворе посмотрели на нас с удивлением, но не обругали, а вежливо послали подальше, хотя вполне могли бы обругать (москвичи, вероятно, знают, что это за дом; я как-то проходил мимо и увидел садящегося в машину маленького тучного человека, очень похожего на Ворошилова). Самое удивительное, что угол мы нашли-таки, причем именно на улице Грановского, в другом, правда, доме; точнее сказать, это была крохотная комнатенка без окон, где помещалась одна широкая кровать и тумбочка.

Через полгода мы получили общежитие на Стромынке.

Вот так, дуриком, я попал в кабину социального лифта, который со скрипом стал выволакивать меня из недр глубинного народа.

Дело шло медленно. Венгерских событий осени 1956 года мы даже не заметили...

А. С. После того как венгерские студенты вышли на улицу под лозунгами перемен, настроения в студенческой среде, особенно московской и ленинградской, очень беспокоили наше партийное руководство. Это нашло отражение даже в партийных постановлениях. Особенно известно так называемое «дело Краснопевцева», когда несколько аспирантов и старшекурсников МГУ, молодых историков, на основе осмысления венгерского опыта приходят к выводам, которые властям казались крамольными. Шьются уголовные статьи, некоторые молодые люди, жившие там же, на Стромынке, получают сроки.

Ю. Г. Во всяком случае, я говорю о первокурсниках, а точнее, о тех первокурсниках, с которыми я общался. Мозги у нас заняты были совсем другими вещами: надо было вникать в какие-то совершенно новые материи,

Юрий Гусев в юности
Yuri Gusev in his youth

учиться слушать и записывать лекции, заниматься в библиотеке, готовиться к семинарам. Надо было привыкать к новому образу жизни, создавать для себя новый быт, свыкаться с незнакомыми, по-иному воспитанными людьми, которые тебя окружали...

Из всего первого курса мне больше всего почему-то запомнился один эпизод. Мы сидим в Коммунистической (сейчас она, кажется, стала Академической) аудитории, на лекции Рубена Александровича Будагова², он читал

² Будагов Рубен Александрович (1910-2001) — специалист в области общего и романского языкознания, член-корреспондент РАН (1970). Зав. кафедрой романской филологии МГУ (1952-2000).

нам Введение в языкознание, читал эффектно, немного даже театрально, мы любили его слушать. Где-то в середине часа внизу слева открывается дверь — и по ступенькам медленно восходит высокая сутулая фигура в длинном черном пальто. Будагов, слегка опешив, спрашивает: «Простите, вы к кому?» Фигура, не обращая на него внимания, выбирает ряд, усаживается и раскладывает перед собой бумаги. Будагов, взяв себя в руки, продолжает лекцию.

Так я познакомился с Сережей Аверинцевым³. Нет, конечно, познакомились мы с Сергеем Сергеевичем лишь лет двадцать спустя, в ИМЛИ, а в тот раз я узнал о его существовании, потому что в рядах стали шушукаться, кто, мол, такой, и кто-то знающий сообщил: это наш курс, античная группа.

Другой наш именитый сокурсник, Александр Евгеньевич Кибрик⁴ (тогда просто Саша Кибрик), как-то увлекся производством маленьких любительских фильмов (у него была кинокамера). Один такой фильм я запомнил. Вот его сюжет. В читальном зале библиотеки, на столе, студенты находят — видимо, кто-то выронил — фотографию очень красивой девушки. И загораются желанием вернуть ее рассеянному владельцу: горюет же, поди, человек. Поисковая группа развивает бурную деятельность, опрашивая весь доступный контингент филфака, совершая экспедиции в общежитие на Стромынке; студенческий юмор, понятное дело, в фильме бьет ключом. Поиски заходят в тупик. В конце концов энтузиасты обращаются даже к Сереже Аверинцеву; — для очистки совести, потому что его, с головой зарывшегося в книги, заподозрить в романтических побуждениях никому в голову не приходило. Но Сережа-то и оказывается искомым владельцем фотографии. Со своей знаменитой меланхолической, немного смущенной улыбкой он сообщает: это — актриса, которая играла Клитемнестру в пьесе Эсхила (или Софокла, уж не помню)⁵.

А. С. Интерес к Венгрии, ее литературе, культуре, к тому, что потом стало делом вашей жизни, проявился уже в студенческие годы? Знаю, что вы уже в те годы в Москве начали изучать венгерский язык.

Ю. Г. О Венгрии, о том, что Венгрия, венгерская литература станет главным объектом моих интересов, моей профессией, я в то время, разумеется, и думать не думал. В общежитии среди прочих, как тогда говорили, «демократов» были, конечно, и венгры, но среди других они не особенно выделялись; заметнее всех были почему-то албанцы. На третьем, на чет-

³ Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004) — филолог, историк философии и культуры, переводчик. Академик РАН (2003). Мировую известность получили его работы по истории античной и византийской литературы, философии, культуры.

⁴ Кибрик Александр Евгеньевич (1939–2012) — лингвист широкого профиля. Член-корреспондент РАН (2006). В 1992–2012 гг. зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ.

⁵ Персонаж древнегреческой мифологии. Упомянута в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Действующее лицо трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида. В более позднее время судьба Клитемнестры послужила сюжетом для трагедий Ж. Расина и Ж.-П. Сартра.

вертом курсе меня стали интересовать языки; я даже подумывал (подходило время, когда каждый должен был выбрать специализацию), не пойти ли мне в лингвисты. На факультете была куча языковых кружков, я сунулся в итальянский, в польский, в болгарский. Группа наша учила французский; очаровательная преподавательница, Ольга Сергеевна Арутюнян, крепко привила нам вкус к французскому; потом, когда она почему-то ушла от нас, я даже стал ходить на ромгерм, в тамошнюю французскую группу, чтобы узнать побольше (до сих пор помню выученные там стихи Верлена). А летом, между четвертым и пятым курсами (не помню, почему я не поехал тогда домой, — кажется, потому, что подрабатывал на стройке; позже, восстанавливая события, я обнаружил, что строили мы китайское посольство), мы подружились с Борисом Огибениным (будущий индолог, с 1974 года живет во Франции) и все время разговаривали с ним только по-французски⁶. А потом я забрел в венгерскую группу — и застрял там.

Почему? А черт его знает. Случайно. Хотя иногда я пытаюсь объяснить это тем, что предки мои — по крайней мере, по отцовской линии — могли быть финно-уграми: унаследованные от них гены и заставили меня остановиться на венгерском языке. Ведь вся северная часть нынешней европейской России была в древности заселена финно-угорскими племенами, большинство которых со временем обрусело. А когда я узнал, что тотемами финно-угров очень часто были птицы, я и фамилию свою стал объяснять этим обстоятельством. Подумайте сами, сколько русских носят «птичьи» фамилии...

А может быть, это всего лишь такой самодельный миф, сотворенный для самого себя. Предков своих мы, выросшие при советской власти, почти не знаем, — вот и появляется подсознательная потребность сотворить свою предысторию.

Как бы то ни было, занятия в кружке венгерского языка продолжались. Учила нас пожилая крупнотелая венгерка Ева Санто (потом я узнал, что она — дочь Антала Гидаша⁷; когда я, много лет спустя, увидел его большое, рыхлое лицо, я словно увидел ее, бывшую нашу преподавательницу венгерского; мать же ее была Юдит Санто, которая после развода с Анталом Гидашем долгое время была гражданской женой великого поэта Аттилы Йожефа; кстати сказать, настоящие имя и фамилия Гидаша — Дюла Санто⁸). (Была еще одна ниточка, которая позволила мне ощущать некоторую

⁶ Огибенин Борис Леонидович (род. 1940) с 1988 г. возглавляет кафедру санскрита в Страсбургском университете.

⁷ Гидаш Антал (*Hidas Antal*; 1899–1980) — венгерский пролетарский поэт.

⁸ Живя долгое время в СССР и позиционируя себя в качестве крупного венгерского поэта, Антал Гидаш прилагал усилия для того, чтобы воспрепятствовать ознакомлению советского читателя с творчеством своего великого современника, поэта Аттилы Йожефа (*József Attila*; 1905–1937), 50-летие со дня рождения которого в 1955 г. фактически не было отмечено в советской печати (включая «Литературную газету»), что вызвало не только обиду в литературных кругах Венгрии, но и неудовольствие руководителей культурной политики Венгерской народной республики.

причастность к Аттиле Йозефу. В последние годы своей жизни поэт терзался безумной — в какой-то мере и в буквальном смысле этого слова — любовью к своему врачу-психиатру, Флоре Козмуца. Эта безответная любовь, по-видимому, стала одним из факторов, толкнувших его на самоубийство⁹. Флора же вышла замуж за поэта Дюлю Ийеша¹⁰. Когда Грузия в 1972 году отмечала — отмечала широко, гостеприимно, по-грузински — 800-летие своего великого классика, Шота Руставели, среди зарубежных делегаций была и огромная венгерская делегация, в том числе Дюла Ийеш с женой Флорой. Мы с Еленой Ивановной Малыхиной¹¹ были прикреплены к венграм в качестве переводчиков, так что я не только мог лицезреть легендарную — несколько увядшую, но сохранившую печать тонкой, необычной красоты — Флору, но и не раз сидел с ней рядом, пытаюсь представить те чувства, которые сжигали несчастного поэта. Так что, когда я увидел в Будапеште статую Аттилы Йозефа, сидящего на ступеньках набережной Дуная, какого-то неприкаянного, отчаявшегося, с бессильно опущенными большими руками, в этой его позе — позе человека, которому нечего больше ждать, — мне почудилось и воплощение безмерного краха безмерной любви...)

Ева Санто вела кружок недолго: вскоре она уехала на родину (это был период, когда многие венгерские эмигранты, жившие в СССР, возвращались в родные края; уехал и Антал Гидаш вместе с женой, Агнеш Кун¹²). Группа недолго оставалась бесхозной, у нас появился новый преподаватель, Владимир Сергеевич Байков, личность тоже в некотором смысле легендарная: в 1956-м он какое-то время находился в ближайшем окружении получившего власть Яноша Кадара — в роли переводчика и советника (и, как трудно не предположить, своего рода Савельича, поставленного присматривать за новым наместником¹³). Байков пробыл в Будапеште недолго: то ли не оправдал ожиданий, то ли необходимость в присмотре отпала, — но какие-то, не очень прозрачные связи у него оставались. В частности, их

⁹ Аттила Йозеф бросился под поезд 3 декабря 1937 г. близ Балатона.

¹⁰ Ийеш Дюла (*Illyés Gyula*; 1902-1983) — классик венгерской литературы, писал стихи, прозу, занимался публицистикой и художественным переводом. Один из идейных вождей литературно-общественного движения «народных писателей».

¹¹ Малыхина Елена Ивановна (1925-2016) — переводчица венгерской художественной литературы.

¹² Агнеш (Агнесса) Кун (1915-1990), переводчица и литературовед, была дочерью Белы Куна (1886-1938), одного из основателей венгерской компартии, видного деятеля Коминтерна (репрессирован в СССР). А. Гидаш и А. Кун тоже прошли через репрессии, но уже во второй половине 1940-х годов вернулись в литературную жизнь. Жившая в СССР с начала 1920-х годов Агнеш Кун могла до посмертной реабилитации отца в 1956 г. печататься в СССР только под псевдонимом — Анна Краснова. А. Гидаш и А. Кун вернулись в Венгрию в 1959 г.

¹³ О работе дипломата и переводчика В.С. Байкова (1916-2001) на венгерском направлении дают представление его мемуары: *Байков В.С. 1956. Венгрия глазами очевидца. М.-СПб.: Нестор-История, 2016.*

хватило, чтобы после того, как я получил диплом, устроить меня на работу в Закарпатскую область, в редакцию какой-нибудь из тамошних венгерских газет.

Как это часто (а со мной — особенно часто) бывает, дело, кажущееся простым, пошло наперекосяк. Как раз в тот момент венгерские газеты в Закарпатье были упразднены, и тамошнее начальство послало меня в сельскую школу, учителем русского языка и литературы. Правда, село было чисто венгерское, так что полное погружение в языковую среду мне обеспечили.

Ирония ситуации в том, что после обретения диплома — где черным по белому обозначена специальность: «учитель русского языка и литературы» — я был освобожден от обязательного распределения по той причине, что учителем я работать не мог из-за состояния голосового аппарата. Речи о блате или о взятке (как первым делом подумал бы человек нынешнего дня) быть не могло, ввиду полного отсутствия соответствующих знакомств, не говоря уж о деньгах; да и практики такой в те годы не было. Не подпав под распределение, я и поехал в Закарпатье. И тут — должен был идти работать все-таки по специальности, но в венгерскую школу.

Чтобы завершить тему университета и филфака, не могу не вспомнить с некоторой гордостью о том, что целых два года (на третьем и на четвертом курсах) я был постоянным участником спецсеминара о творчестве Маяковского, и вел этот семинар Виктор Дмитриевич Дувакин¹⁴. Позже, где-то в 1966 году, он прославился тем, что выступил в защиту Синявского и Даниэля¹⁵. Но на семинарах никаких диссидентских разговоров, конечно, не было, да, наверное, и быть не могло: Дувакин не являлся диссидентом, так сказать, по натуре, он стал им, мне кажется, по той простой причине, что глубоко понимал и любил настоящую поэзию¹⁶. Именно этому — в какой-то степени — я у него научился (вероятно, формулировка эта неправильна: *научиться* любить что-либо нельзя; тогда, может быть, лучше сказать: заразился). И если в студенческие годы мне удалось в чем-то по-настоящему подняться над вязкой толщей сознания глубинного народа, то, я убежден, не благодаря куче сданных истматов и диаматов, не благода-

¹⁴ Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982) — литературовед, архивист. Важным направлением его деятельности явилось создание фоноархива (фонда звуковых материалов по истории русской культуры первой трети XX в.).

¹⁵ Организованный в СССР в 1965–1966 гг. судебный процесс, на котором в феврале 1966 г. были приговорены к разным срокам тюремного заключения писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, опубликовавшие на Западе под псевдонимами ряд художественных произведений, которые не были пропущены советской цензурой. Обвинительный приговор вызвал возмущенные комментарии на Западе и протесты среди советской интеллигенции, ставшие вехой на пути формирования диссидентского движения в СССР.

¹⁶ Будучи уволенным из МГУ после процесса по делу Синявского и Даниэля, В.Д. Дувакин позже все же получил возможность вернуться к научной работе. Известны его записи бесед с М.М. Бахтиным.

ря проштудированным, плохо ли, хорошо ли, курсам историй всяких литератур, не благодаря разговорам о политике (вообще-то, я их не помню: то ли их не было, то ли они были очень уж поверхностными), а только благодаря полученной с помощью Виктора Дмитриевича Дувакина возможности услышать поэзию, почувствовать поэзию, прикоснуться к ее сути, ибо (тут уместно будет чуть-чуть включить регистр высокого штиля) такая возможность равнозначна возможности распечатать, высвободить дух, подмятый тяжелым советским бытием.

А. С. Работа в Закарпатье, общение с местными венграми как-то повлияли на ваше становление как унгариста?

Ю. Г. Неполные два года, проведенные в Закарпатье, я не слишком люблю вспоминать. Совершенно непривычная (хотя и не враждебная, нет, совсем нет, — ко мне относились скорее с осторожным и в общем доброжелательным любопытством, мол, чего это занесло сюда чудака аж из самой Москвы) обстановка, чужие люди, с которыми вначале я даже по самым простым вопросам общался с трудом, одиночество... Бытом я никогда не был избалован, но там было иной раз совсем плоховато. Жил я в комнатенке, пристроенной к крестьянскому дому; в Закарпатье, как, наверное, вообще в краях относительно южных, сельские дома не отапливаются; обыденная жизнь там сосредоточена в кухне, где горит плита. В моей комнате, правда, стояла буржуйка, так что иногда даже жарко становилось; однако одинарное окно и тонкие стены тепло удерживали недолго, и по утрам приходилось вылезать из-под одеяла (точнее, из-под перины: хитрые венгры хотя бы тело держали в тепле) в естественную природную температуру. Питание тоже не отличалось замысловатостью: хозяйева кормили меня тем, что ели сами; ну да, частенько, особенно если на улице стоял морозец, угощали стопкой мутноватой домашней палинки. Зато язык я осваивал интенсивно — и через пару месяцев (особенно если еще и подогрет был изнутри) довольно бойко вел уроки по-венгерски. Тем более, что отдельной программы для венгерских школ в Закарпатье тогда (не знаю, как сейчас) не существовало, и учитель должен был руководствоваться программой, составленной для преподавания русского языка и литературы детям, для которых русский язык родной.

Иногда я задумываюсь: как бы сложилась моя жизнь, не выдерни меня счастливый случай (в лице моей жены) из Закарпатья в Москву? Так бы и остался я сельским учителем, склонным к ипохондрии и к палинке, постепенно коснеющим, превращаясь в этакого Ионыча? Ну да, наверное, женился бы на девушке из среды сельской интеллигенции, обзавелся домом, садом, курами, научился варить домашнюю палинку? Словом, чуть высунув в московской университетской среде голову из толщи глубинного народа, так и плыл бы, все реже и реже поднимая лысеющую макушку над привычной субстанцией, такой родной и уютной...

Летняя идиллия. На школьной экскурсии в Закарпатье. 1961–1962 гг.
(Дама в кадре оказалась рядом случайно.)

Summer idyll. On a school trip to Transcarpathia. 1961–1962.
(The lady happened to be nearby by accident.)

Нет, пожалуй, все же не допустил бы я (спешу ободрить себя), чтобы жизненный путь мой был таким тусклым (не безрадостным: там, в глубине, радостей больше и они доступнее, чем в высях). Что-то толкнуло же меня из Нижнего Тагила в Москву! Вот и тут: посидел бы я года три-четыре в деревне — и попробовал бы построить себе новую траекторию («Маршрут перестроен», — как объявляет в машине к месту и не к месту зануда-навигатор). Может, опять в Москву бы рванул, в аспирантуру; или пускай ближе, в Ужгород, в тамошний университет... А может, со временем попытался бы тихой сапой просочиться в Венгрию, — за последние десятилетия туда «репатриировались» очень многие этнические венгры из соседних с Венгрией стран, так что я тоже мог бы попроситься в приемьши. (В конце концов какой-то долей своих генов я тоже «финно-угр», если позволено так выразиться. Вот и сослался бы на зов крови: зудит, дескать, проклятая, даже аппетит потерял...)

Наверное, Бог все-таки есть.

Вот любопытная вещь: я в Него не верю (не соблюдаю обрядов, не поюсь, не причащаюсь, не исповедаюсь, даже не крещусь, проходя мимо храма), а Он все равно меня любит...

Такой, надо думать, должна быть настоящая христианская любовь.

Словом, нежданно-негаданно я снова оказался в Москве, причем с солидной «прибавочной стоимостью» — со знанием венгерского языка, что в те годы, годы интенсивной дружбы с «братскими» народами, было качеством востребованным. Два года ушло на реакклиматизацию: свое новое

качество я более или менее успешно реализовал в отделе внешних сношений Главного архивного управления (что на Пироговке). Потом решил штурмовать аспирантуру ИМЛИ. Первый заход был неудачным. Сегодня-то мне понятно, что знал я тогда о венгерской литературе позорно мало. Так что следующий год пришлось посвятить ликбезу, ориентиры в котором мне давал будущий мой научный руководитель Олег Константинович Россиянов¹⁷. Доброжелательные люди (не помню уже, кто именно) подсказали: шансы быть принятым будут выше, если я вступлю в партию. Ну, чего ж, я подал заявление. Но вступительный экзамен на второй раз выдержал без дураков, так что в аспирантуру был принят, кажется, не как кандидат в члены КПСС, а как довольно хорошо разбирающийся в предмете кандидат в специалисты.

А. С. Итак, вы попали в Институт мировой литературы, где защитили диссертацию, позже и другую, и где проработали четверть века. Что представлял собой в то время этот институт?

Ю. Г. ИМЛИ в тот период переживал пору расцвета, и расцвет этот примерно совпал с директорством Бориса Леонтьевича Сучкова¹⁸. Правда, расцвет не следует понимать однозначно — как и личность Б.Л. Сучкова. С одной стороны, институт считался учреждением идеологическим, и сам Сучков (человек изрядно побитый, даже прошедший лагеря за «шпионаж»¹⁹) не уставал это повторять, жестко требуя соблюдения линии партии. Но, с другой стороны, наука там (насколько литературоведение является наукой, — тут у меня накопилось много всяких соображений, но в этот вопрос я не стану здесь углубляться, иначе конца данному тексту не будет никогда) развивалась, пускай в заданных рамках, весьма интенсивно. Активно трудились там и столпы соцреализма: Щербина, Дымшиц, Мясников, Овчаренко, Ломидзе²⁰ (простите, кого не вспомнил); но в сферах, не при-

¹⁷ Россиянов Олег Константинович (1921–2016) — литературовед, переводчик, один из ведущих российских специалистов по венгерской литературе.

¹⁸ Сучков Борис Леонтьевич (1917–1974) был директором ИМЛИ в 1968–1974 гг. Член-корреспондент АН СССР (1968).

¹⁹ Б.Л. Сучков, начавший делать карьеру еще в 1940-е годы (отв. редактор журнала «Интернациональная литература», сотрудник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), директор Издательства литературы на иностранных языках и Издательства иностранной литературы), был в 1947 г. арестован и обвинен в шпионаже. Отбывал заключение в Карлаге до 1955 г. После реабилитации в 1956 г. включился в литературную жизнь в качестве критика и редактора.

²⁰ Перечисляются работавшие в ИМЛИ официозные литературоведы — член-корреспондент АН СССР Владимир Родионович Щербина (1908–1989), Александр Сергеевич Мясников (1913–1982), Александр Иванович Овчаренко (1922–1988), член-корреспондент АН СССР Георгий Иосифович Ломидзе (1914–1999). Александр Львович Дымшиц (1910–1975), известный прежде всего как германист, во второй половине 1940-х годов служил начальником отдела культуры Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии, много работая в этом качестве с левой немецкой интеллигенцией. В последние годы жизни замдиректора ИМЛИ АН СССР.

давленных его тяжелой ступней, довольно свободно чувствовали себя такие светила, как С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, Е.М. Мелетинский, Н.И. Балашов, А.Д. Михайлов, Ю.В. Манн²¹ (опять же не буду увлекаться перечислением). Да и сам Сучков, блюдя рамки, придерживался своеобразной партизанской тактики, довольно успешно вводя в кругооборот советского сознания — за счет умелой интерпретации — творчество ключевых фигур зарубежной литературы: Ф. Кафки, М. Пруста, Э.М. Ремарка и др.

Одним из признаков расширения кругозора нужно, видимо, считать и то обстоятельство, что в этот период начинается серьезное изучение литературы авангарда; до тех пор из авангарда брали только «лучшего, талантливейшего» Маяковского, всячески оговаривая при этом, что на самом-то деле он был чистой воды соцреалист. К повороту в сторону авангарда оказался причастным и, как говорится, ваш покорный слуга. Очень мне захотелось заняться поэзией Лайоша Кашшака: все поэты как поэты, а Кашшак — особенный, пишет свободным стихом, во как! Ученый совет утвердил мне тему кандидатской диссертации: «Творческий путь Лайоша Кашшака». Написал. Защитил²².

Нынешнее мое (оценочное) мнение таково: Кашшак был человеком с очень сильной волей, но с весьма средним талантом. Попав в Будапешт полуграмотным пареньком и проникшись жаждой приобщения к сиянию интеллекта, он буквально сделал себя, освоил левый образ мысли, приобщился к новой литературе. Долгое время он писал, подражая символистам, в том числе великому Эндре Ади²³, иногда даже приближался к ним — но, видимо, сам чувствовал, что какой-то почти незаметный, но чрезвычайно важный барьер он не в состоянии одолеть. Надо отдать ему должное: там, где другой бы смирился, удовлетворившись ролью старательного эпигона (у всякого гения есть ореол, состоящий из учеников и подражателей) или перестав писать, Кашшак предпринял кардинальный шаг — и стал-таки первым. Во-всяком случае, в венгерской словесности. Он начал писать стихи — ну, если пренебречь тонкостями, то, скажем, в духе Уолта Уитмена²⁴ и нашего Пролеткульта. Да еще объединил эту стилистику с социалистической и (в разгаре была Первая мировая война) антимилиитаристской

²¹ Перечисляются выдающиеся ученые, работавшие в ИМЛИ. Помимо ранее упомянутого С. С. Аверинцева названы филолог-классик академик РАН Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005), фольклорист, специалист по сравнительному литературоведению и историк культуры Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005), специалисты по западноевропейским литературам, литературным связям и сравнительному литературоведению академик РАН Николай Иванович Балашов (1919–2006) и член-корреспондент РАН Андрей Дмитриевич Михайлов (1929–2009), специалист по русской литературе XIX в. Юрий Владимирович Манн (1929–2022).

²² Диссертация о творчестве венгерского поэта Лайоша Кашшака (*Kassák Lajos*; 1887–1967) была защищена в 1969 г.

²³ Ади Эндре (*Ady Endre*; 1877–1919) — великий венгерский поэт.

²⁴ Американский поэт Уолт Уитмен (1819–1892) был новатором свободного стиха в англоязычной поэзии.

идейностью. К нему потянулись. Он стал лидером. Он сам определил и решительно утвердил свое место в истории венгерской литературы и венгерской культуры.

Если авангард как движение считать явлением для европейской культуры закономерным (почему бы и нет: в истории любого духовного феномена бывает свой *Sturm und Drang*²⁵), то Кашшак свою задачу выполнил блестяще. Он, в сущности, один реализовал в поэзии едва ли не все направления авангарда, от экспрессионизма (в Венгрии он назывался активизмом) до дадаизма, захватив и прозу, делая экскурсии и в изобразительное искусство (коллажи; рисовать Кашшак совсем не умел). Но когда шторм авангарда улегся (почти одновременно с авангардом унялась в Европе и революционная буря), у Кашшака остался в активе лишь свободный стих. Он мог бы и верлибр возвести на уровень большой поэзии – при наличии мощного таланта; при отсутствии же такового его поэтическое творчество практически не выходило за пределы банальности или риторики.

Это — как бы запоздалое послесловие к моей кандидатской диссертации.

Еще будучи аспирантом, я в первый раз выехал за рубеж — в Венгрию.

А. С. *Расскажите о ваших первых впечатлениях. Какой вам показалась страна? С кем вы общались? Думаю, не ошибусь, если предположу, что во время первых поездок вы познакомились с людьми, с которыми поддерживали потом дружеские отношения на протяжении десятилетий.*

Ю. Г. Курица, может, и в самом деле не такая уж птица, но Венгрия была для меня ох какая заграница! Нет, серьезно, заграница ощущается сразу же, как только ты уезжаешь из Чопа (в те времена командиремых в братские страны возили туда на поезде). Перед этим пассажиров, томящихся в купе или мотающихся в окрестностях вокзала, в течение нескольких часов — пока вагоны переставляют на другую, более узкую колею — подготавливают морально. Потом ты, дождавшись наконец отправления и проводив взглядом фигуры пограничников, стоящих внизу у полотна, шаршишь нетерпеливым взглядом по заграничным откосам и канавам, тянущимся вдоль дороги, и обнаруживаешь, что они — другие, не замусоренные, не убогие, как у нас. Там, в каких-то нескольких сотнях метров от Чопа, уже не могли бы быть написаны строки: «Под насыпью, во рву некошеном, лежит и смотрит, как живая...» — прежде всего потому, что там нет некошенных рвов. И домики в деревнях, мимо которых ты проезжаешь, стоят ладные, чистенькие, и у тебя язык не поднимется назвать их хатами, а уж тем более избами. (Лачуги — да, попадаются, в них живут цыгане, а изб нет.) Тот (бóльший) сегмент моей души, который все еще прочно, как знаменитая репка, сидел в толще глубинного народа, разрывался между хорошей завистью и нехорошей злостью (Ишь, буржуйское племя!.. Ух, я бы вас!..).

²⁵ В переводе с немецкого: «Буря и натиск». Так называлось литературное движение в истории немецкой литературы последней трети XVIII в., связанное с великими именами И.В. Гёте и Ф. Шиллера.

А Будапешт! Меня еще, как нарочно, поселили едва ли не в самой аристократической (на то время) гостинице «Астория». И в первый или второй день Ласло Иллеш²⁶, который меня опекал, устроил мне небольшую экскурсию по столице и для начала привел меня на набережную Дуная, откуда открывался вид на скальные обрывы противоположного берега, с цитаделью и королевским дворцом наверху. И был это февраль, то есть начало весны в тех краях, солнце пряталось в облаках, облака были плотными, но легкими, так что все вокруг: и спокойный, как асфальт, Дунай, и мосты, которых было видно оттуда как минимум четыре, и набережная, и здания вдоль набережной, и Парламент, словно вырезанный из книги детских сказок, — казалось прикрытым тончайшей жемчужной дымкой... Прошу прощения за некоторую тургеневщину, но первое эмоциональное впечатление от места, которое навсегда станет объектом твоих мыслей, предметом приложения твоих усилий, имеет невероятно важное значение. Эта жемчужная дымка словно и всю венгерскую литературу укрыла в моих глазах, — тем более что читать ее всерьез я начал с книг Мора Йокаи²⁷, волшебно прекрасный язык которых концентрирует в себе все то лучшее, что есть в венграх (и даже немножко того, чего в них... ну, скажем, маловато).

Ласло Иллеш, с которым мы познакомились еще в Москве, в ИМЛИ, и часто пересекались в Ленинке, в тамошнем читальном зале, стал моим другом на всю жизнь. Для меня он воплощал в себе, в самом лучшем издании — нет, не венгра, а скорее человека Центральной Европы. Где-то у Дёрдя Конрада²⁸ я встречал рассуждение о том, что жителя Центральной Европы (тут, конечно, имеется в виду регион, не включающий в себя ни Германию, ни, в общем, Австрию) он узнает везде — по не очень высокого вкуса манере одеваться, по провинциальным манерам, по сочетанию в глазах пришибленности и заносчивости. Ласло Иллеш же был трудолюбив и целеустремлен, как немец, и жизнелюбив, как француз... ну, ладно, не как француз, а как житель Вены. К тому же в характере его был очень прочный стержень: выйдя из крестьян и став исследователем литературы, ученым, он по натуре был демократом, чуждым всякому догматизму, за что и пострадал в период ракошистской диктатуры²⁹ (его выгнали из университета, и в науку он вернулся лишь спустя семь лет). Основным предметом его исследований была социалистическая литература, то есть, если смотреть с нынешних позиций, литература, связанная с левыми (не левацкими), демократическими общественными тенденциями и настроениями.

²⁶ Иллеш Ласло (*Illés László*; 1928–2012) — венгерский литературовед.

²⁷ Йокаи Мор (*Jókai Mór*; 1825–1904) — венгерский писатель, известность за пределами страны получили его исторические романы.

²⁸ Конрад Дёрдь (*Konrád György*; 1933–2019) — венгерский писатель, публицист.

²⁹ Речь идет о режиме сталинского типа, установленном в 1948 г. и существовавшем с некоторыми модификациями до 1956 г. Связан с именем коммунистического диктатора Матяша Ракоши (1892–1971).

Он и сам был по своим убеждениям социалист, но не в смысле партийной принадлежности, а по моральным устоям. Я был крайне удивлен, даже обескуражен в какой-то степени, когда после смены режима, то есть после 1990-го года, он, в числе немногих, остался в прежней партии³⁰ (я-то вернул партбилет в 1990-м). Я спорил с ним, пытался доказывать, что он не хочет понять простых и очевидных вещей; он, глядя на меня с некоторой грустью, говорил, что произошедший поворот (а главное, то, как он произошел) открывает дорогу самым скверным тенденциям капиталистического общества; потом он стал уклоняться от разговоров на эти темы. Может быть, он был неправ, но исходной его позицией было убеждение в том, что не отказываться нужно от социализма, а пытаться демократизировать его (в этом он был согласен с Дёрдем Лукачем³¹, изучению теоретического наследия которого посвятил последний период своей жизни). Да, скорее всего, в этом он был неправ: тот социализм, который у нас и у них построили, невозможно было демократизировать, и все попытки в этом плане вылились бы в утопию, в авантюризм. Однако теперь с его опасениями я вынужден согласиться. И вот что еще я, кажется, понял: готовность менять свою позицию, способность сегодня говорить «да», а завтра, в изменившихся условиях, «нет» — это, по-видимому, тоже скорее свойство не *homo sapiens*, а глубинного народа, для которого важнее всего не моральная суть происходящего, а возможность приспособиться к нему, найти *удобный modus vivendi*. Подобно земноводным, с готовностью «принимать температуру окружающей среды» (этот оборот я встретил недавно у Б. Акунина). (А если еще обставить это красивыми латинскими выражениями, то вообще получается *ne plus ultra*.)

А. С. Венгрия конца 1960-х. Десять лет прошло после подавления революции 1956 года. Каковы были настроения в среде гуманитарной интеллигенции, филологов, литераторов, с которыми вы общались? Были ли у собеседников оптимизм в связи с предпринятой командой Кадара в 1968 году экономической реформой? И не сменился ли он через несколько лет разочарованием, когда стало ясно, что реформы придется свернуть? Думаю также, что вы сразу заметили: культурная политика кадаровской Венгрии заметно отличается от того, что мы видели в СССР.

Ю. Г. Та, первая моя командировка в Венгрию состоялась в феврале 1968-го. События 56-го года ушли далеко в прошлое, чехословацкие события были еще впереди, так что состояние умов в Венгрии было доволь-

³⁰ Речь идет о сохранении Ласло Иллешем членства в венгерской социалистической партии, возникшей в результате раскола в 1990 г. кадаровской Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) на базе ее реформаторского крыла. Позиционируя себя правопреемницей ВСРП, эта партия вместе с тем приняла социал-демократические ценности и стала членом Социалистического Интернационала. В 1994–1998 и 2002–2010 гг. стояла во главе правящей коалиции Венгрии.

³¹ Лукач Дёрдь (*Lukács György*; 1885–1971) — венгерский философ-неомарксист и литературный критик, одна из ключевых фигур западного марксизма XX века.

но спокойное. Да и общая ситуация в стране была вполне благополучной. А уж в моих глазах — тем более. После наших московских гастрономов бродить по будапештским супермаркетам, выбирая — и находя! — что-нибудь подешевле и в то же время повкуснее, было чистое наслаждение. В кинотеатрах показывали западные фильмы, о которых у нас ходили только легенды (например, «Забриски Пойнт»)³². В Будапеште, в самом центре города, находились аж два магазина русской книги, и там лежали издания, которые в Москве можно было купить — и то если повезет — в Книжной лавке писателя на Кузнецком, а до доступа в эту лавку мне было еще ой как далеко. Словом, глубинный человек во мне опять разрывался между восторгом и озлоблением.

Что касается отношения венгров ко мне, то оно было вполне доброжелательным. Думаю, те, кто ненавидел Советский Союз и русских, просто меня обходили. В основном же большинство, видимо, понимало, что Кремль и Ю. Гусев — это не одно и то же. К тому же они умели ценить человека, который выучил их непростой язык и занимается их (тоже непростой) литературой. И вообще умели ценить людей с нестандартным мышлением — например, Б.Л. Сучкова, который с некоторыми тамошними видными учеными даже завязал дружеские отношения. Я это чувствовал даже по тому, как они упоминали о нем в каком-нибудь нейтральном разговоре. Особенно после того, как Борис Леонтьевич умер в Будапеште (он был там на каком-то симпозиуме). Во всяком случае, Г.П. Бердникова³³, который придавил ИМЛИ после смерти Сучкова и после кратковременного директорства Ю.Я. Барабаша³⁴, они вспоминали совсем по-другому.

Перелом 1990–1991 годов сильно все перемешал. Правда, договоры о сотрудничестве между академиями наук, Российской и бывших соцстран, еще довольно долго, по инерции, продолжали действовать, хотя и стали во многом формальными (формальными они были и до тех пор, но по-другому), так что сохранилась и возможность научных командировок. Но изменилось очень многое, начиная с загранпаспортов, которые теперь не выдавались «дубликатом бесценного груза» в Иностранном отделе АН, а хранились дома, и кончая тем, что теперь билет ты должен был покупать сам. (Говорят, начальство по-прежнему ездило в командировки за казенный счет; так ведь то — начальство!) Отношение к русским (во всяком случае, я могу это сказать о Венгрии) в какой-то мере даже, может быть, потеплело: ведь с выводом войск мы перестали быть оккупантами, а уважение

³² Американский фильм, поставленный итальянским кинорежиссером Микеланджело Антониони. Вышел на экраны в 1970 г. Социальная драма об американской молодежи конца 1960-х, один из ключевых фильмов кинокультуры хиппи.

³³ Бердников Георгий Петрович (1915–1996), до этого работавший в отделе культуры ЦК КПСС, был директором ИМЛИ в 1977–1987 гг.

³⁴ Барабаш Юрий Яковлевич (род. 1931), с 1965 г. находившийся на партийно-идеологической работе, был директором ИМЛИ в 1975–1977 гг., а затем переведен на пост первого заместителя министра культуры СССР.

к нашей литературе, культуре, науке продолжало сохраняться. К сожалению, синдром обидевшегося «старшего брата» у нас все крепчал, и соответственно возрастало равнодушие к «младшим братьям», которые теперь стали смотреть в другую сторону. Не знаю даже, что для меня хуже: былая протокольная дружба или нынешнее равнодушие. Тогда я, во всяком случае, работой (особенно переводческой) был обеспечен, хотя переводить часто случалось какую-нибудь бескрылую, но идеологически выдержанную чушь; ну, или написанную тем, кем надо. А сейчас... сейчас дело даже не в том, что венгерские писатели пишут хуже американских, немецких, французских и т.п., — нет, не хуже, а порой даже лучше. Дело, конечно, в том, что от книг, на обложке которых стоит венгерское имя, издательства не надеются получить столько же наvara, сколько от американских, немецких, французских и т.д. авторов. Парадоксально, но даже японские фамилии для русского уха звучат чуть-чуть привлекательнее, чем венгерские (слабое утешение, что к венгерским можно добавить румынские, словенские, даже болгарские). (Маленькая, но показательная мелочь: слово «господин» мы понимаем без перевода на очень многих языках: мистер, герр, месье, синьор, пан, даже — сан или саид, но попробуй написать «ур» — например, «Ковач ур», то есть «господин Ковач» — и встретишь недоуменный взгляд.)

Именно в контексте этого возрастающего равнодушия (в котором мне явственно слышится и нотка высокомерия, а значит, и презрения) я воспринимаю и изменение названия института, в который перешел в 1994 году. Нынешний Институт славяноведения РАН тогда назывался Институтом славяноведения и балканистики. Ну да, понятно, там имелся в виду «социалистический» регион Европы, от Черного моря до Балтийского. Но в прежнем названии все-таки отражалась (кроме политической) и некоторая объективная цельность, которую выражала и до сих пор выражает диковато звучащая аббревиатура ЦЮВЕ, то есть Центральная и Юго-Восточная Европа. Нынешнее название, Институт славяноведения, как бы исключает из этой цельности неславянские страны, хотя они занимают обширную сердцевину этого региона. Правда, упомянутая выше аббревиатура — так сказать, явочным порядком — в обиходе по-прежнему активно присутствует. И не только аббревиатура: унгаристика, как и румынистика, в институте все же имеют место. (Если бы этот логический вывих был в нашей жизни единственным, то на него можно было бы просто не обращать внимания.) Причем унгаристика представлена в нем не только филологией: здесь существует мощная школа историков-унгаристов. Многие из них уже ушли: Т.М. Исламов, В.П. Шушарин, А.И. Пушкаш; но есть те, кто плодотворно работает: О.В. Хаванова, Б.Й. Желицки, А.С. Стыкалин.

Как бы там ни было, я, унгарист, специализирующийся на венгерской литературе, проработал в Институте славяноведения двадцать пять лет, и никто не делал большие глаза и не спрашивал: что это я, не будучи славистом (от слова «совсем», как нынче говорят), потерял среди славистов?

А. С. За годы работы в институте вами сделано немало как литературоведом. Сначала, в 1990-е годы, главы совместно с В. Середой в труде по истории восточноевропейских литератур во второй половине XX века³⁵. Позже по вашей инициативе была подготовлена книга очерков о выдающихся венгерских писателях³⁶. Надо упомянуть и ряд проектов для серии «Литературные памятники». Это академические издания шедевра венгерской литературы XIX века знаменитой «Трагедии человека» Имре Мадача, стихов поэта XVI века, ключевой фигуры венгерского Ренессанса Балинта Балашии, «Турецких писем» Келемена Микеша, сподвижника князя Ференца Ракоци, вождя венгерского антигабсбургского движения начала XVIII века. Вы участвовали в работе над этими проектами и как литературовед, и как переводчик. А кроме того, десятки статей, докладов на конференциях... Обо всем этом можно получить представление, хотя и неполное, по вашей личной странице на сайте Инслава³⁷. Вы упомянули и вашу деятельность переводчика венгерской художественной литературы, в которую вы погрузились еще в 1970-е годы, когда опубликовать у нас можно было далеко не все из того, что вам хотелось перевести. За полвека работы переведены десятки романов и повестей, множество рассказов венгерских писателей разных исторических эпох. Переводили вы и поэзию.

Ю. Г. В Инслав (тогда еще ИСБ РАН) я перешел из ИМЛИ, где мне стало (выражусь обтекаемо) неудобно. Наверное, я бы перетерпел это, но как раз в этот момент (я же говорю: Он, Тот, Который там, наверху, почему-то мне потворствует) Виктор Александрович Хорев предложил мне перейти в Инслав³⁸. Я последовал совету — и ни разу об этом не пожалел (а если когда-то и случалось пожалеть, то Он, Тот, Который там, наверху, только отмахивался досадливо и крутил пальцем у виска).

Сравнивать два института неправильно, да и нехорошо. В конце концов, ИМЛИ я многим обязан; там я и докторскую защитил³⁹. Там было много людей, которых я уважал, у которых учился: пожалуй, среди них Николай Иванович Балашов больше всех на меня повлиял, больше всех был для меня примером человека и ученого. Но в Инславе меня тоже окружали очень хорошие люди; были здесь (хотя видеть их приходилось редко) и

³⁵ История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995–2001. Т. 1–2.

³⁶ История венгерской литературы в портретах / отв. ред. Ю.П. Гусев, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2015.

³⁷ Гусев Юрий Павлович. Институт славяноведения РАН [сайт]. URL: <https://inslav.ru/people/gusev-yuriy-pavlovich> (дата обращения: 17.04.2023).

³⁸ Хорев Виктор Александрович (1932–2012) — ведущий российский специалист по польской литературе. Замдиректора Института славяноведения и балканистики АН СССР (Института славяноведения РАН) в 1988–2005 гг.

³⁹ В 1988 г. по теме «Художественный конфликт в литературе социалистической Венгрии». Этому предшествовала публикация в 1987 г. монографии «Современная венгерская литература в контексте литератур социалистических стран Европы: динамика художественного конфликта».

свои звезды, не менее яркие, чем в ИМЛИ: Вяч.Вс. Иванов⁴⁰, А.А. Зализняк⁴¹, В.Н. Топоров⁴², Е.А. Хелимский⁴³ (последний, кстати говоря, много сделал для моего сына Валентина, который вырос в серьезного лингвиста⁴⁴). Но больше всего я благодарен Инславу за то, что здесь я попал в атмосферу, которая каким-то образом очень мне подошла. Каким именно образом «подошла», определить едва ли возможно. Пожалуй, это — некое особое ощущение свободы (свободы, не отменяющей внутренней сосредоточенности), которое помогает снять, хотя бы на время, какие-то сковывающие комплексы...

Предположить подобное мне позволяет, например, то обстоятельство, что я, неожиданно для себя (это не рисовка, я и раньше время от времени, хотя и довольно вяло, пытался это делать, но ничего не получалось, — а тут вдруг взяло и получилось!), стал сочинять стихи. Нет, поэтом я не стал, — мыслимо ли к шестидесяти годам стать поэтом! Но в общем насобиралось три-четыре сотни стихотворений, которые складывались как бы сами собой, являясь неведомо откуда; несколько из них мне до сих пор нравятся. Не пугайтесь, я приведу только одно, коротенькое; оно, мне кажется, годится и на роль автоэпитафии.

У нас, у нынешних, нелегкая судьба.

О, как же это хлопотно, ребята,

По капле из себя выдавливать раба

И вдавливать

туда

по капле

демократа!

Понятное дело, сочинено это было в те, ставшие уже легендарными, времена, когда слово «демократ» звучало гордо, почти как слово «человек».

⁴⁰ Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) — всемирно известный лингвист-компаративист, семиотик, антрополог. Переводчик, литературовед, общественный деятель. Академик РАН (2000), член ряда иностранных академий.

⁴¹ Зализняк Андрей Анатольевич (1935–2017) — лингвист широкого профиля, автор классических работ по грамматике русского языка, реконструкции языка новгородских берестяных грамот, о языке «Слова о полку Игореве», а также по индоевропеистике и истории языкознания. Академик РАН (1997).

⁴² Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) — всемирно известный лингвист, семиотик, литературовед, культуролог, фольклорист. Академик АН СССР (1990, академик РАН с 1991), член ряда иностранных академий.

⁴³ Хелимский Евгений Арнольдович (1950–2007) — крупный специалист по финно-угорским и самодийским языкам, проблемам уральского и ностратического языкового родства, языковым контактам.

⁴⁴ Валентин Юрьевич Гусев известен своими работами по грамматической типологии, по истории и синхронному описанию самодийских языков и т.д.

В Отделе литератур стран ЦЮВЕ, где я состоял, было еще два стихотворца: А.А. Гугнин⁴⁵ и М.В. Фридман⁴⁶; один (по крайней мере один) поэт, Н. Шведова, был в соседнем отделе; и еще в разных отделах было несколько. Вот почему мне показалось уместным связать духовную атмосферу в институте с поэзией. А поскольку, еще раз повторю, я глубоко убежден, что приобщенность к поэзии — один (нет-нет, ни в коем случае не единственный!) из несомненных признаков духовной раскованности, подъема над густой и вязкой толщей «глубинного» существования, то я могу со спокойной совестью сказать: если мне был отпущен (кем отпущен? да, наверное, Им же, Тем, Который...) какой-то полетный ресурс, то я его в максимальной мере исчерпал, работая в Институте славяноведения.

Видимо, ресурс в самом деле исчерпан: стихи уже практически не идут, из института я ушел, синусоида моего духовного бытия плавно переходит в каденцию. (Не уверен в терминологической правильности этой фразы — зато красиво. Правда ведь, красиво?)

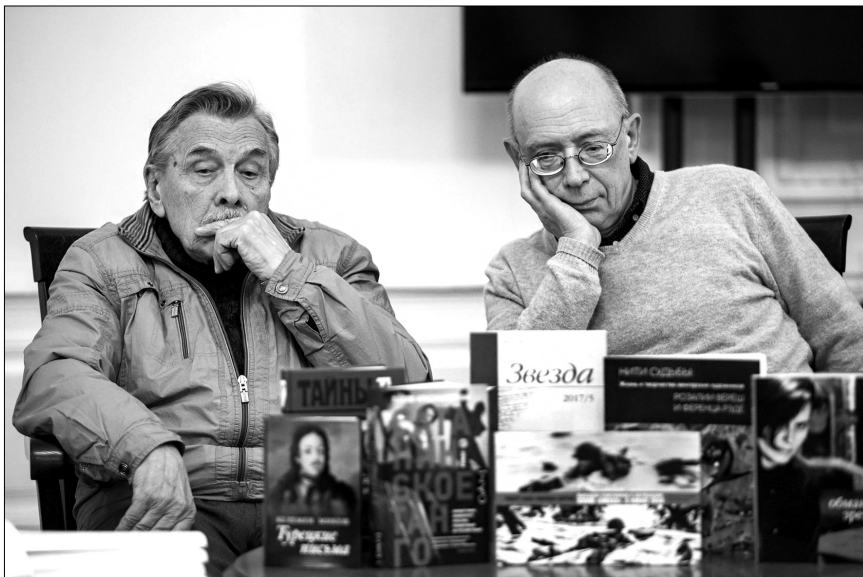
Отделу, в котором я состоял, сильно повезло в том смысле, что его руководителем и духовным лидером в течение многих лет был Виктор Александрович Хорев, человек очень легкий в общении и очень весомый в делах и поступках. С его уходом и в отделе, и в институте в целом стало немного пасмурнее... Отдел вообще довольно быстро лишился мужского компонента. Я в этом смысле был последним. Когда я написал заявление о выходе на пенсию, дамы, которые отныне обеспечивали в отделе гендерную чистоту литературоведения как научной дисциплины, конечно (совсем даже не протоколно), сожалели о происходящем. Но мне кажется, была одна дама, которая вздохнула с облегчением, — это была мадам Филология.

А я на (относительном) досуге получил возможность немного разобраться в себе. И, кажется, понял, что мое истинное призвание — не столько литературоведение (я и в литературоведении-то все время сбиваюсь на эссеистику, то есть на критику в чистом виде), сколько литература. То есть, в данных обстоятельствах и на данном жизненном этапе, литературный перевод⁴⁷. Так что экскурс в поэзию был в этом смысле, может быть, не случайным: Он, Тот, Который там, наверху, давал мне понять, что надо бы немного поменять приоритеты. Тут я мог бы обидеться: где ж Ты раньше-то был, почему

⁴⁵ Гугнин Александр Александрович (1941–2021) — российский и белорусский исследователь, переводчик и популяризатор немецкой литературы.

⁴⁶ Фридман Михаил Владимирович (1922–2006) — исследователь и переводчик румынской литературы.

⁴⁷ О деятельности Ю.П. Гусева как переводчика венгерской художественной литературы см. интервью, которое он дал в 2020 г. сайту Венгерского культурного центра в Москве в связи с вручением ему за заслуги в области перевода художественной литературы венгерской национальной премии Балашши: Учитель литературы и революционер под дождем. Интервью с Юрием Гусевым. Институт Листа. Венгерский культурный центр [сайт]. URL: <http://huncult.ru/blog/guszev> (дата обращения: 17.04.2023).

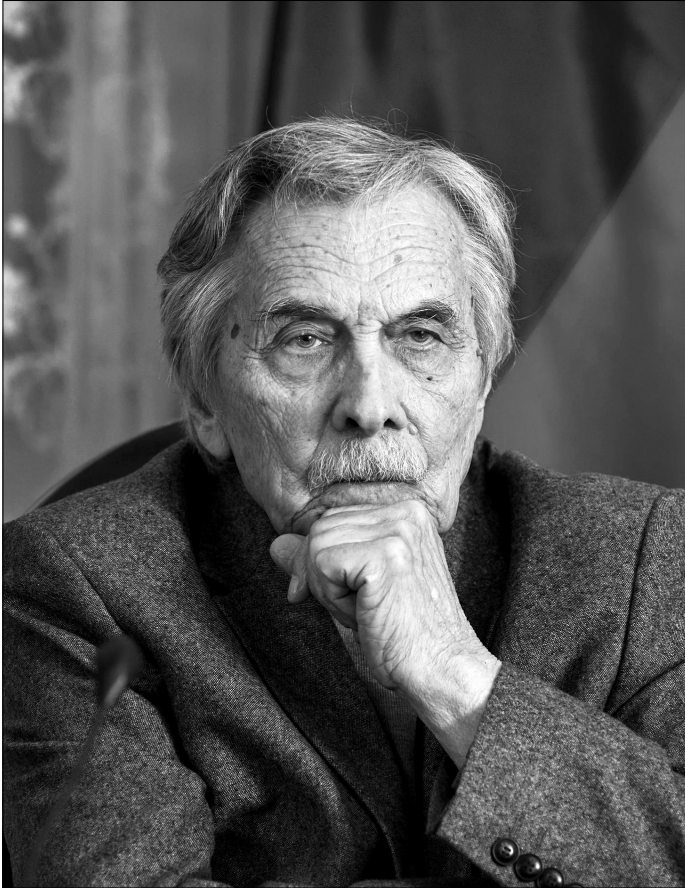
Юрий Гусев с Вячеславом Середой на книжной презентации
 Yuri Gusev with Vyacheslav Sereda at the book presentation

не намекнул вовремя? Но поскольку обижаться в этой ситуации, кроме как на себя, не на кого (я же в Него не верю), то остается пообещать: в следующей жизни (если Он ее мне даст) постараюсь все учество.

А. С. Профессия переводчика мне представляется одной из самых благородных — она помогает выстраивать мосты между нациями и культурами. Наверно, только общение высоких культур может хоть как-то помочь со временем зарубцеваться ранам, которые наносятся народам в результате авантюрных действий безумных политиков...

Ю. Г. Профессия переводчика, правда, не ахти как престижна: докторской и кандидатской степени тут не получишь, титула Заслуженный или тем более Народный не присвоят (представьте такое: Народный переводчик Ю. Гусев). Но если говорить всерьез, то работа переводчика, пожалуй, важнее. Литературоведы работают на свой круг, то есть, в общем, сами на себя. Переводчики же — на самую широкую аудиторию. А следовательно, участвуют в тяжелой, неблагодарной, но благородной деятельности по вытаскиванию глубинного народа из того дремучего болота, в котором он пребывает.

Скажу больше: переводчики, если их много и если они работают добросовестно (можно было бы добавить: если еще и обладают каким-никаким чувством языка, — но не хочу выглядеть максималистом), это такая армия, которая, без ракет и танков, способна покорить любого соседа. Даже если у него очень тяжелый характер...

Кажется, я отвлекся от поднятого в самом начале вопроса о поколении. К какому же поколению я отношусь?..

Для кого-то этот вопрос, может быть, важен. Для меня — нет. Я отношусь, если уж пытаться как-то ответить, к эпохе. К эпохе, когда все ломалось то так, то этак, то вдоль, то поперек, когда нас — не одних нас, тех, кого угораздило родиться в этой несчастной стране, но и венгров, и поляков, и немцев, и еще многих (кажется, только жителей Исландии не затронуло) — тащило по ухабам, по рытвинам, по оврагам, так что мы едва имели возможность в какие-то моменты поднять голову и посмотреть, где мы находимся. И мы, те, кто уцелел в этой гонке на выживание, сейчас ждем, чем же все это кончится. Ухнем ли мы, все вместе, окончательно в бездну, в небытие, или какая-то сила: Тот, Который там, где-то в сферах и в Которого я не верю, или Космический Разум, который по логике вещей должен быть, но никаких подтверждений факту его существования не об-

наружено, или просто здравый смысл (вот уж чем в наших краях точно не пахнет) — совершит еще один крутой вираж и вынесет то, что осталось, на более или менее ровную дорогу. И тогда мы, уцелевшие, понадобится хотя бы как свидетели...

Свидетели чего? Защиты? Обвинения?..

Литература

- Байков В.С. 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Балашши Балинт. Стихотворения / подгот. Н.И. Балашов, Ю.П. Гусев, И. Хорват. М.: Наука, 2006. (Серия: Литературные памятники).
- Гусев Ю.П. Современная венгерская литература в контексте литератур социалистических стран Европы: динамика художественного конфликта. М.: Наука, 1987.
- Гусев Ю.П. Творческий путь Лайоша Кашшака: дис. ... филол. наук. М.: ИМЛИ АН СССР, 1969.
- История венгерской литературы в портретах / отв. ред. Ю.П. Гусев, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2015.
- История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995–2001. Т. 1–2.
- Мадач Имре. Трагедия человека / подгот. издания и примечания Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2011. (Серия: Литературные памятники).
- Микеш Келемен. Турецкие письма / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2017. (Серия: Литературные памятники).

References

- Balashov, N.I., Gusev, Yu.P., Horváth, I., eds., 2006. *Balassi Bálint. Poems*. Moscow: Nauka. (Series: Literaturnye pamiatniki.) (In Russian)
- Baykov, V.S., 2016. 1956. Hungary through the eyes of an eyewitness. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)
- Gusev, Yu.P., ed., 2011. *Madách Imre. The Tragedy of the Man*. Moscow: Nauka. (Series: Literaturnye pamiatniki.) (In Russian)
- Gusev, Yu.P., ed., 2017. *Mikes Kelemen. The letters from Turkey*. Moscow: Nauka. (Series: Literaturnye pamiatniki.) (In Russian)
- Gusev, Yu.P., 1987. *Modern Hungarian Literature in the Context of Literature of the Socialist Countries of Europe: Dynamics of Artistic Conflict*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Gusev, Yu.P., 1969. *The Evolution of Lajos Kassák as a Creator*. Dis. ... kand. filol. nauk. Institute of world literature, Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)
- Gusev, Yu.P., Khavanova, O.V., Stykalin A.S., eds., 2015. *The History of the Hungarian Literature in the Portraits*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Khorev, V. A., ed., 1995–2001. *The History of Literatures of Eastern Europe after the World War II*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Переводы Юрия Павловича Гусева

- Патт, Ференц.* В дыму и в огне (роман). М.: Прогресс, 1972.
- Кашишак, Лайош.* У источника. Апрель, пять часов утра. Надежда и утешение. В конце концов. Звуки. Эберфанская трагедия. Из дневника агронома. Вводные строки к одной книге (стихи). Современная венгерская поэзия / ред. колл. К.И. Бонецкий и др. М.: Прогресс, 1973.
- Сабо, Пал.* Пядь земли (роман). М.: Прогресс, 1975.
- Кашишак, Лайош.* Крик по весне. Перевернутая скрижаль. Внутри круга. Вводные строки к одной книге (стихи). Поэзия социалистических стран Европы: сборник переводов / сост. и примеч. Б. Шуплецова. М.: ГИХЛ, 1976. (Серия: Библиотека всемирной литературы).
- Молнар, Золтан.* Уикенд в деревне (повесть). Современные венгерские повести (1960–1975) / сост. и послесл. О.К. Россиянова. М.: Прогресс, 1977.
- Меистерхази, Лайош.* А что там, по ту сторону горы? Реквием по выдающемуся таланту (рассказы). *Меистерхази Л.* Избранное / сост. Ю.В. Шкробинец. М.: Прогресс, 1977. (Серия: Библиотека венгерской литературы).
- Ийеш, Дюла.* Нищета, вечный голод. Ожидания. Мстительный наговор (стихи). *Ийеш Д.* Избранная лирика. М.: Прогресс, 1979.
- Семлер, Ференц.* Об этом нельзя не сказать. Мягкое утро. Водное зеркало; *Мелус, Йозеф.* Утреннее стихотворение Анне. Разговор на набережной; *Каняди, Шандор.* Лошади. Желание. Хорошо бы. *Силади, Домокош.* Тень. Поэзия современной Румынии: сборник / сост. и ред. К. Ковальджи, Ю. Кожевникова. М.: Худлит, 1979.
- Булчу, Берта.* Кенгуру (повесть). Затмение (рассказ). *Булчу Б.* Кенгуру. Повесть и рассказы. М.: Прогресс, 1979.
- Мориц, Жигмонд.* Не могу без музыки, без песни (повесть). *Мориц Ж.* Избранное / сост. Е. Умнякова. М.: Худлит, 1980.
- Йозеф, Аттила.* Curriculum vitae. Письма. Задачи поэта в наши дни (статья). И вот нашел я тихий угол... (стихотворение). Литературное обозрение. 1980. № 8.
- Ади, Эндре.* Автобиография. Маленькая прогулка. Дела студенческие. Венгерский двуглавый орел. Националисты. Строфы. Письмо отцу. Билек (публицистические статьи). *Ади Э.* Избранное. Будапешт: Корвина, 1981.
- Гараи, Габор.* Письма Овидия (стихи). *Гараи Г.* Мир — мой дом. Избранная лирика. М.: Прогресс, 1981.
- Немет, Ласло.* Вина (роман). *Немет Л.* Траур. Вина. М.: Прогресс, 1982. (Серия: Мастера современной прозы).
- Сабо, Магда.* Пилат. Современная венгерская проза. М.: Прогресс, 1982.
- Вёрёш, Шандор.* Дали. Величие. Монолог. Счастлив. Метроном (стихи). Из современной венгерской поэзии / сост. и предисл. О. Россиянова. М.: Прогресс, 1982.
- Сабо, Магда.* Старомодная история. Роман. М.: Прогресс, 1983.

- Иллеш, Эндре.* Карьеристы. Однокрылые птицы. Лжецы. *Иллеш Э.* Нетерпеливые влюбленные и другие пьесы. М.: Радуга, 1983.
- Дери, Тибор.* Теокрит в Уйпеште. Швейцарская история. Веселый розыгрыш в духе старых добрых времен. Сказка улицы Арпад. У Дуная. Конь и старуха. На панели. Снова дома. Лапша с маком (рассказы). *Дери Т.* Избранное. М.: Худлит, 1983.
- Геллеры Андор, Эндре.* Домик на пустыре; *Дери, Тибор.* Весело и дружно; *Сабо, Магда.* Петушинный крик; *Камонди, Ласло.* Двое у озера. 44 венгерских рассказа. Будапешт: Корвина, 1983.
- Шомоди Тот, Шандор.* Пророк на час (роман). Тигр или овца (рассказ). *Шомоди Тот Ш.* Как дела, молодой человек? Избранные повести и рассказы. М.: Радуга, 1984.
- Кертес, Акои.* Кашпарек (повесть). *Кертес А.* Стеклянная клетка. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1985.
- Мештерхази, Лайош.* А что там, по ту сторону горы? Реквием по выдающемуся таланту (рассказы). *Мештерхази Л.* Загадка Прометея. Роман. Рассказы. М.: Радуга, 1985.
- Фекете, Дюла.* Медовый месяц. Не вернулся мужчина (повести). *Фекете Д.* Медовый месяц. Повести. М.: Радуга, 1986.
- Костолани, Дежё.* Судья. Глупый Бела. Плохой врач (рассказы). *Костолани Д.* Избранное. М.: Худлит, 1986.
- Мештерхази, Лайош.* Воспоминания (фрагменты книги). Иностранная литература. 1986. № 12. С. 189–207.
- Каринти, Фридеш.* Встреча с молодым человеком. Слепой цыпленок. Февраль. Разговор с хорошим человеком. Яблоня, которую звали мадам Буксбаум. Господин Идегеш ложится спать. Господин Идегеш провожает друга. Господин Идегеш кончает жизнь самоубийством. Разговор, подслушанный в 1916 году. Таинственное письмо. Силач. Присоединяюсь к антираковому движению (рассказы, юморески). *Каринти Ф.* Избранное / сост. В. Белоусова, Ю. Гусев. М.: Худлит, 1987.
- Мештерхази, Лайош.* Говорить без приглашения. Возможности писателя в борьбе против военной угрозы. Герои или жертвы. Воспоминания. Личность и история (статьи, эссе). *Мештерхази Л.* Беру слово. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1987.
- Ласло, Немет.* Милосердие (роман). М.: Худлит, 1988.
- Михай, Бабич.* Цена жизни. Рождественская Мадонна. Бодри и Питю. Всего одно лето (рассказы). *Бабич М.* Калиф-аист. Розовый сад. Рассказы. М.: Худлит, 1988.
- Вёрёш, Шандор.* Дали. Величие. Монолог. Счастлив. Метроном. *Вёрёш Ш.* Огненный колодец. Стихи. М.: Радуга, 1988.
- Фекете, Дюла.* Ограбление будущего. Размышления о новой форме эксплуатации. Иностранная литература. 1988. № 5. С. 188–204; № 6. С. 195–213.
- Тершанский, Енё Йожси.* Легенда о заячьем паприкаше. *Тершанский Е.Й.* Легенда о заячьем паприкаше. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1989.
- Мелиус, Йозеф.* Кафе «Транзит». «Западное кафе» (фрагменты книг). Иностранная литература. 1989. № 4. С. 53–102.

- Дарфаш, Миклош.* Был однажды такой театр (повесть). М.: Радуга, 1990.
- Эрдёг, Сильвестер.* Упокоение Лазара (роман). Посвящение (Из новой венгерской прозы). Повести. М.: Радуга, 1990.
- Конрад, Дёрдь.* Тяжелый день (*A látogató*). Роман. Иностранная литература. 1991. № 4. С. 45–137.
- Костолани, Дежё.* Пробуждение. Отчаяние (стихи); *Тот, Арпад.* Ave morituri. Ресторанчик. Сокровище. Блаженство? О надежда! Грянь, буря! Только и всего. Дерево (стихи). От сердца к сердцу. Стихи четырех венгерских поэтов / сост. И вступ. ст. О. Россиянова. М.: Худлит, 1991.
- Лукач, Дёрдь.* Социалистический реализм сегодня (статья). Вопросы литературы. 1991. № 4. URL: <https://edu.vsu.ru/mod/resource/view.php?id=18185> (дата обращения: 04.04.2023).
- Эстерхази, Петер.* Вечер трудного дня. Знамя (рассказы). Иностранная литература. 1992. № 4. С. 37–46; 50–52.
- Конрад, Дёрдь.* Самиздат. Оглядываясь на самиздат. Что-то закончилось (эссе). Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 149–177.
- Мараи, Шандор.* Дневники. Иностранная литература. 1993. № 12. С. 144–162.
- Хамваш, Бела.* Водолей. Диапазон. 1994. № 1. С. 162–177.
- Шимонфи, Андраш.* Ржавая осень (фрагменты романа, 1990). Диапазон. 1995. № 2. С. 214–223.
- Корниш, Михай.* Апрельский дурак. Май под партой. Отцова победа (рассказы). Иностранная литература. 1995. № 3. С. 44–70.
- Манди, Иван.* Кино Жамбоки (фрагменты книги). Иностранная литература. 1995. № 4. С. 48–60.
- Конрад, Дёрдь.* Весенние заметки. Дневник-эссе (фрагменты). Иностранная литература. 1995. № 6. С. 96–105.
- Байяр, Жорж.* Мишель и летающая тарелка. М.: Совершенно секретно, 1995. (С франц. яз.).
- Немет, Ласло.* Венгры и Европа (эссе. сокр.). Иностранная литература. 1996. № 7. С. 263–274.
- Эстерхази, Петер.* Похвала материи, или Охота на химер в великом Дрогобыче. (Эссе о Бруно Шульце). Иностранная литература. 1996. № 8. С. 179–180.
- Ийеш, Дюла.* Ответ Гердеру и Ади (эссе. сокр.). Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 202–215.
- Керестури, Дежё.* Венгры и их место в мире (эссе. сокр.). Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 216–229.
- Конрад, Дёрдь.* Что такое венгерскость? (эссе). Вопросы литературы. 1996. № 6. С. 230–234.
- Дарваши, Ласло.* В горах. Первая сказка. Витембергские камнеомы (рассказы). Иностранная литература. 1997. № 2. С. 75–89.
- Кин, Кэролайн.* Тайна светящегося глаза. *Кин К.* Тайна персидских кошек. М.: Совершенно секретно, 1997. (С немецкого яз.).
- Бака, Иштван.* Стихи из книги «Заветы Степана Пехотного». Ночи Раскольникова. В Санкт-Петербурге снова. Иммануил Кант. In modo d'upa magica.

Русские сонеты (якобы Арсений Тарковский). *Slavica*. 1997. Т. XXVIII. Р. 157–162.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. (*Переводы материалов: Из стенограммы дискуссии о печати в кружке Петефи. Выступления Т. Гардоша и Т. Дери. 27 июня 1956 г.; «Более никогда!» Передовая статья газеты «Сабад неп». 6 октября 1956 г.; «Почему я его не люблю». Статья Д. Хая в газете «Иродалми уйшаг». 6 октября 1956 г.; «Новый весенний смотр войскам». Передовая статья газеты «Сабад неп». 23 октября 1956 г.; Сообщение радиостанции «Кошут». 23 октября 1956 г., 10 часов; Выступление Э. Герё по радио. 23 октября 1956 г., 20 часов; Записка А. Новотного о заседании Президиума ЦК КПСС с участием руководителей БКП, СЕПГ и КПЧ в связи с событиями в Польше и Венгрии. 24 октября 1956 г.; Письмо Ф. Доната и Г. Лошонци ЦР ВПТ с просьбой об освобождении их от членства в руководящих органах партии. 24 октября 1956 г.; «Венгерская свобода!» Передовая статья М. Гимеша в газете «Мадяр сабадшаг». 30 октября 1956 г.; «Партии и единство». Статья Л. Немета в газете «Уй Мадьярорсаг». 1 ноября 1956 г.; Обращение Т. Дери к повстанцам через газету «Иродалми уйшаг». 2 ноября 1956 г.; Брионская встреча. Из записей В. Мичуновича. 3 ноября 1956 г.; «Нация и писатель». Статья Л. Немета в газете «Игашаг». 3 ноября 1956 г.; выступление Й. Миндсенти по радио. 3 ноября 1956 г., 20 часов; «Тревога и Символ веры». Декларация венгерских писателей. 13 декабря 1956 г.)*

Эрдёг, Сильвестер. Безымянная могила (роман). Иностранная литература. 1998. № 5. С. 151–217.

Петри, Дёрдь. Осмысление итогов. Когда происходит НИЧТО. От искусства минимума к минимуму искусства. Я — стих, и что мне до всего. Ухмылка (стихотворения). Иностранная литература. 1998. № 10. С. 38–41.

Конрад, Дёрдь. Градооснователь (роман). Будапешт: Pont, 1999.

Тар, Шандор. Медленный товарняк. Самая холодная ночь. Ринальдо. Бледная Истома (рассказы). Иностранная литература. 1999. № 8. С. 5–28.

Месей, Миклош. Высокая школа. Венгерская новелла. Oh, che bella notte (повести). Месей М. Венгерская новелла. Будапешт: Pont, 2000.

Дарваши, Ласло. Добыть женщину (рассказ). Иностранная литература. 2001. № 3. С. 205–209.

Оравец, Имре. Вопрос. Восемнадцатое столетие. Послание. Деревенская свадьба. Опушка леса. Куда? (стихи). Иностранная литература. 2001. № 3. С. 219–221.

Петри, Дёрдь. Любовь до гроба (Рекурсивная функция) (стихотворение). Иностранная литература. 2001. № 3. С. 231.

Бака, Иштван. Завещание Степана Пехотного (сборник стихов). Сегед: Tiszataj könyvek, 2001.

Хамваши, Бела. Предисловие к «Преступлению и наказанию». Вопросы литературы. 2002. № 1. С. 213–229.

Кертес, Имре. Английский флаг. По следам. Протокол (рассказы). М.: Текст, 2002.

Фюлеп, Лайош. Национальная самодостаточность; Бабич, Михай. О венгерском характере (сокр.); Секфю, Дюла. Духовная общность Дунайского края; Хам-

- ваш, Бела.* Пять гениев (сокр.); *Месей, Миклош.* Соревнование литератур: равенство шансов или гандикап? (Взгляд из Центральной Европы); *Конрад, Дёрдь.* О памяти и забвении. Венгры и Европа: сборник эссе / сост. В. Серeda, И. Горетич. М.: Изд-во НЛЮ, 2002.
- Кович К.* Два сонета (перевод со словенского). Иностранная литература. 2002. № 12. С. 147–148.
- Конрад, Дёрдь.* Соучастник (роман). М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Ийеш, Дюла.* Гунны в Париже (фрагменты романа). Иностранная литература. 2003. № 7. С. 91–185.
- Кертес, Имре.* Кадиш по нерожденному ребенку (роман). М.: Текст, 2003.
- Кёрёши, Золтан.* Тайны над руинами. Роман. Будапешт: Pont, 2003.
- Каняди, Шандор.* Грива и череп. Из писем отцу. Еретические депеши. Вертикальные кони. Газ, электричество, водопровод... Хорошо бы. Желание. Пасхальный агнец (стихи). *Каняди Ш.* Избранные стихотворения / сост. и ред. пер. Е. Малахина. М.: Радуга, 2004.
- Хамваш, Бела.* Scientia Sacra (Священное знание). М.: Три квадрата, 2004.
- Надаш, Петер.* Дневники Томаса Манна. Хелен. Три угла треугольника. Большое рождественское убийство. Гражданин мира и козлице. Альтернатива изоляции. Тайные закрома расизма. Тренинги свободы (эссе). *Надаш П.* Тренинги свободы: избранные эссе / ред.-сост. В. Серeda. М.: Три квадрата, М., 2004.
- Кертес, Имре.* Без судьбы (роман). М.: Текст, 2004.
- Бодор, Адам.* Зона Синистра (повесть). М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Саваи, Геза.* Грустный спектакль без аплодисментов (роман). Будапешт: Pont, 2005.
- Кертес, Имре.* Самоликвидация (роман). М.: Текст, 2005.
- Йожеф, Аттила.* Пляска бликов у костра. Два горьких вдоха. Ромашка. Арань. Лесоруб. Скажи, что зреет... Ночь городской окраины. Без надежды. Элегия. Ода. Будь глупым. Балатонсарсо. Сгружают дрова. Два гекзаметра. Я видел дивную розу. Вот край, где я совсем как дома... (стихи); *Curriculum vitae.* Из переписки Аттилы Йожефа. *Йожеф А.* На ветке пустоты. Стихи, письма, документы. М.: Три квадрата, 2005.
- Далаш, Дёрдь.* Обрезание (роман). М.: Текст, 2006.
- Лукач, Дёрдь.* Большевизм как моральная проблема. *Лукач Д.* Политические тексты. М.: Три квадрата, 2006. С. 5–14.
- Киш, Янош.* Дилемма Дёрдя Лукача. *Лукач Д.* Политические тексты. М.: Три квадрата, 2006. С. 265–334.
- Еврейское остроумие = Der Judische Witz / сост. З. Ландман. М.: Текст, 2006. С. 7–382. (С немецкого яз.).
- Балашши, Балинт.* Первое. Aenigma; Второе. На имя Кристины; Двадцатое. Somnium proronit; Тридцать шестое. Поступает Венера...; Сорок седьмое. Item inventio poetica; Пятьдесят девятое. Пришла другая: на имя Жофи. *Балашши Б.* Стихотворения / подгот. Н.И. Балашов, Ю.П. Гусев, И. Хорват. М.: Наука, 2006. (Серия: Литературные памятники).

- Краснахоркаи, Ласло.* В сумрачном лесу (из книги «Пленник Урги»). Иностранная литература. 2007. № 12. С. 12–29.
- Вайсенштайнер Ф.* Жены гениев. М.: Текст, 2008. (С немецкого яз.).
- Габор Т. Санто.* Обратный билет. М.: Текст, 2008.
- Драгоман Д.* Белый король. Главы из романа. Иностранная литература. 2008. № 7. С. 134–176.
- Кёльчеи, Ференц.* С перехваченным горлом. Песня девы (стихи). Иностранная литература. 2009. № 12. С. 120–121.
- Далош, Дёрдь.* Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин. История одной любви. М.: Текст, 2010.
- Силади, Иштван.* Камень в сухом колодце. Фрагменты романа. Иностранная литература. 2010. № 5. С. 105–160.
- Сабо, Лёрицу.* Материализм. Случай. Сепаратный мир (стихи). Иностранная литература. 2010. № 8. С. 61–66.
- Силади, Иштван.* Камень в сухом колодце (роман). М.: Водолей, 2010.
- Шпиро, Дёрдь.* Неволя. Глава из романа. Звезда. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/3/nevolya.html> (дата обращения: 04.04.2023).
- Петер, Фаркаш.* Восемь минут (повесть). Иностранная литература. 2011. № 5. С. 70–127.
- Мадач, Имре.* Трагедия человека / подгот. изд. и примеч. Ю.П. Гусева. М.: Наука, 2011. (Серия: Литературные памятники).
- Керени, Карой.* Чудесный олень. Вергилий, поэт искупительного рубежа тысячелетий. Дух римской литературы. Бессмертие и культ Аполлона. Сатира и сатура. Вечная Антигона. Horatius noster. Наука о Древнем мире (эссе). *Керени К.* Мифология. М.: Три квадрата, 2012.
- Бёсёрмени, Золтан.* Регал (роман). М.: Водолей, 2012.
- Пилински, Янош.* Сказки. М.: КомпасГид, 2012.
- Лауфи, Янош.* Точки контакта. Песня-лавина. Я заглянул в трамвайное депо... Сам себе. Жажда терпения. Всё меньше (стихи). Иностранная литература. 2012. № 9. С. 144–151.
- Хаи, Янош.* Парень (роман). М.: Центр книги Рудомино, 2013.
- Надь, Абони Мелинда.* Взлетают голуби (роман). М.: Текст, 2013. (С немецкого яз.).
- Сёч, Геза.* Распутин: миссия (пьеса). Иностранная литература. 2014. № 8. С. 222–256.
- Дёни, Геза.* Пусть хотя бы на день (стихотворение). Иностранная литература. 2014. № 8. С. 125–127.
- Вашади, Петер.* Молитва, обращенная к человеку. Розы на стенах; *Торнаи, Йозеф.* В тени пирамидальных тополей. Мы здесь его услышим; *Юхас, Ференц.* Влюбленная зимняя сказка. Человек-арфа; *Каняди, Шандор.* Из цикла «Еретические Денеши» (Встреча. Сказка о романе. Небрежный сонет); *Чоори, Шандор.* Терпкий запах земли. Цветут каштаны. Утро в саду; *Калас, Мартон.* Высший смысл. Родина; *Буда, Ференц.* Delete. Молитва на рассвете; *Аг, Иштван.* Та, что была первой музой моей. Остановленное мгновение; *Лежак, Шандор.* А те ушли смотреть Спасителя; *Филип, Тамаш.* Магиче-

- ское изгнание. Поезд в глухомань; *Хаи, Янош*. Отец. Когда за сорок; *Лауфи Янош*. Песня-лавина. Все меньше. Сам себе; *Сентмартони, Янош*. Моя ARS ROETICA. О себе в интерьере; *Янку, Лаура*. Завеса. Рождение. Где-то ждет; *Уги, Сабина*. Пятница. Неведомой сути забытые грани... Из современной венгерской поэзии / сост. и предисл. Я. Сентмарони. М.: Центр книги Рудомино, 2015.
- Хаи, Янош*. Писательница (рассказ). Иностранная литература. 2015. № 12. С. 50–52.
- Хаи, Янош*. Путевые очерки: Индия; Швейцария. Иностранная литература. 2017. № 4. С. 243–268.
- Микеш, Келемен*. Турецкие письма / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2017. (Серия: Литературные памятники).
- Арань, Янош*. Валлийские барды (баллада). Иностранная литература. 2017. № 12. С. 142–149.
- Сёч, Геза*. На Солнце. Из дневника космонавта. Тот, кем ты будешь. Коложварский ноттог. Ночь в Уэльсе. Индейские слова, прозвучавшие по радио (стихи). Иностранная литература. 2018. № 3. С. 166–170.
- Ленард, Шандор*. Один день в невидимом доме (фрагменты романа). Иностранная литература. 2018. № 6. С. 137–252.
- Хаи, Янош*. Подземный гараж (роман). М.: Текст, 2018.
- Бёсёрмени, Золтан*. Сиротство (роман). М.: Водолей, 2019.
- Чери, Лили*. Годы, о которых полагалось молчать (роман). М.: Три квадрата, 2019.
- Сёч, Геза*. Страсти Христовы. Мистерия; Киллер и Маэстро (аудиопьеса); Распутин: миссия. Драма в трех действиях. *Сёч Г.* Небесное и земное. Проза. Драматургия. М.: Три квадрата, 2019.
- Кун, Арпад*. Счастливый Север (фрагменты романа). Иностранная литература. 2020. № 8. С. 3–48.
- Бёсёрмени, Золтан*. Морфемы мысли (сборник стихов). М.: Водолей, 2020.
- Фаркаш, Петер*. В Люксембургском саду навсегда (повесть). Иностранная литература. 2021. № 2. С. 3–43.
- Фаркаш, Петер*. Европейское мягкое порно, лебедь Грига и свободная воля (эссе). Иностранная литература. 2022. № 7. С. 262–268.
- Кунц, Аладар*. Черный монастырь. Записки интернированного (роман). М.: Три квадрата, 2022.

Список основных работ Юрия Павловича Гусева

- Современная венгерская литература в контексте литератур социалистических стран Европы: динамика художественного конфликта (монография). М.: Наука, 1987.
- Венгерская проза в эпоху «великого эксперимента». Современное венгерское искусство и литература / отв. ред. И.Е. Светлов. М.: Б. и., 1991.
- Грани диссидентства. Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 129–148.

- История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995–2001. Т. 1–2. (*Член авторского коллектива*).
- Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Наука, 1997. (*Член авторского коллектива*).
- Вечные образы и развитие художественного конфликта. Вечные образы и сегодняшние проблемы в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И.А. Бернштейн. М.: Наследие, 1997. С. 33–50.
- И все-таки реализм... Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 220–246.
- Роскошь в нищете (Размышления по поводу вышедшей за рубежом книги о русской литературе). Вопросы литературы. 1999. № 5. С. 93–107.
- Диссидентство в Венгрии: от фрондерства к политической позиции. Политика и поэтика / отв. ред. Ю.В. Богданов. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 138–143.
- Дело Гердера живет и побеждает, или Готовьте белые саваны, братья русичи! Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 336–348.
- Дождавшись свободы (дилемма «поэт–гражданин» в постсоциалистическую эпоху). Вопросы литературы. 2001. № 4. С. 223–238.
- Альтернативный взгляд на мир. Вопросы литературы. 2002. № 1. С. 206–212. (См. также: Академические тетради. 2006. Вып. 12. Тетрадь шестая: История литературы. URL: <http://www.independent-academy.net/science/tetradi/12/gusev.html> [дата обращения: 02.04.2023]).
- Знак Освенцима: о творчестве Имре Кертеса, лауреата Нобелевской премии по литературе. Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 124–151.
- Война и авангард (на материале русской и венгерской литературы). Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 285–294.
- Фольклоризм в современной венгерской поэзии. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (памяти Владимира Павловича Шушарина) / отв. ред. А.С. Стыкалин. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 260–288. (Центральноевропейские исследования. Вып. 1).
- О творчестве Имре Кертеса, лауреата Нобелевской премии по литературе за 2002 г. Венгерское искусство и литература XX века: Сборник статей российских и венгерских ученых / отв. ред. и сост. И. Светлов, В. Середя. СПб.: Алетейя, 2005. С. 460–481.
- Литература перед лицом Апокалипсиса (геноцид как рецепт всеобщего счастья). Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении: Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю. В. Богданов. М.: Индрик, 2006. С. 148–177.
- Балинт Балашши. «Как птица воспарю и в песне воспою...» Стихи. Перевод с венгерского. Вступление Ю. Гусева. Иностранная литература. 2006. № 4. С. 221–226.
- Литература и глобализация: к вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации = Literatura in globalizacija: k vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije: zbornik / ured. M. Javornik. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni inštitut Filozofske fakultete, 2006. (*Член авторского коллектива*).

Цена победы, цена поражения. Осмысление Второй мировой войны в венгерской литературе последних десятилетий. Опыт истории — опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. С.А. Шерлаимова. М.: Наука, 2007.

Дёрдь Лукач: взгляд из сегодня. Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 118–130.

XX век. Русская литература глазами венгров. Венгерская литература глазами русских / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. (*Ответственный редактор, автор разделов «Пророк в своем отечестве (О повести Ференца Шанты «Предатель»» (С. 68–78), «Интеграция и дезинтеграция или Постсоциализм с человеческим лицом (Грезы)» (С. 313–317))*).

«Венгрия», «Лайош Вайда», «Тибор Дери», «Аттила Йожеф», «Дюла Ийеш», «Лайош Кашшак», «Ма», «Документум», «Бела Хамваш». Энциклопедический словарь сюрреализма / отв. ред. Т.Балашова, Е.Д. Гальцова. М.: Наука, 2007.

Inter arma. Цена победы — цена поражения. Осмысление Второй мировой войны в литературе последних десятилетий. Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 242–262.

«Бела Хамваш», «Имре Мадач», «Гермес Трисмегист». Культурология. Энциклопедия в 2 томах / гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007.

«Культурный ландшафт» XX века. «Без судьбы» Имре Кертеса. Ландшафты культуры. Славянский мир / отв. ред. И.И. Свирида. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 176–190.

«Трагедия человека» Имре Мадача: между Богом и Люцифером. Гетевские чтения 2004–2006 = Goethe studien, 2004–2006 / под ред. Г.В. Якушевой. М.: Наука, 2007.

«Трагедия человека» Имре Мадача: сюжет и жанр. Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т.М. Исламова / отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб.: Алетей, 2009. С. 145–150.

Казус Лукача. Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 5–8.

Достоевский глазами Д. Лукача. Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 34–54. (См. также: Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И.Е. Адельгейм, Ю.П. Гусев. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 42–66).

Современное венгерское литературоведение и литература (к вопросу о преемственности постмодернизма и авангарда). Литературоведение и критика Центральной и Юго-Восточной Европы конца XX — начала XXI века. Идеи, методы, подходы / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

Литературный авангард и его место в венгерской литературе XX века. Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков и литератур. Доклады Международной научной конференции, посвященной 40-летию преподавания венгерской и финской филологии на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 17–19 ноября 2010 года / редкол. Н.С. Братчикова, А.П. Гуськова. М.: Изд-во Московского университета, 2011.

Имре Мадач и его «Трагедия человека». *Мадач Имре*. Трагедия человека / подг. Ю.П. Гусев. М.: Наука, 2011. (Серия: Литературные памятники).

- Образы России в творчестве классика венгерской литературы Мора Йокаи. Размышления над книгой. Славяноведение. 2013. № 1. С. 60–67.
- Madách Imre és műve, “Az ember tragédiája”. XX. Madach Szimpoziium / szerk. K. Bene, Z. Mate. Szeged; Balassagyarmat: Madách Irodalmi Társaság, 2013.
- Ференц Ракоци, писатель. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / отв. ред. О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 191–198.
- Поэзия здесь и сейчас. Стефанос. 2013. № 2. С. 253–270. URL: http://stephanos.ru/izd/2013/2013_2_21.pdf (дата обращения: 02.04.2023).
- Особенности венгерской литературы 60-х годов XX века. Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: сборник статей / отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 446–453.
- Традиции культурных взаимосвязей между Польшей и Венгрией в XVI–XXI вв. Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2013. С. 145–150.
- Диссиденты и диссидентствующие. Зинзивер. 2014. № 1 (57). URL: <http://www.zinziver.ru/publication.php?id=9328> (дата обращения: 02.04.2023).
- Поэзия здесь и сейчас. Зинзивер. 2014. № 2 (58). URL: <http://www.zinziver.ru/publication.php?id=10052> (дата обращения: 02.04.2023).
- Йожеф Этвеш и Николай Гоголь. Славяноведение. 2014. № 6. С. 15–20. (Опубликовано также в: Slavica: Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. 2013. T. XLII. P. 69–76).
- Диссиденты и диссидентствующие. Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 610–625.
- Конфликт «низов» и «верхов» в венгерской литературе наших дней. Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 112–138.
- Статьи: Балинт Балашши (С. 50–57), Михай Вёрешмарти (С. 94–111), Ференц Кёльчеи (С. 112–117), Шандор Петефи (С. 118–127), Янош Арань (С. 138–145), Мор Йокаи (С. 146–153), Имре Мадач (С. 154–161), Кальман Миксат (С. 162–165), Лайош Кашшак (С. 236–243), Дюла Ийеш (совместно с Н. М. Куренной) (С. 262–271), Тибор Дери (С. 298–309), Ференц Шанта (С. 322–329), Дёрдь Конрад (С. 350–355), Имре Кертес (С. 376–386). История венгерской литературы в портретах / отв. ред. Ю.П. Гусев (совместно с А.С. Стыкалиным и О.В. Хавановой). М.: Индрик, 2015.
- Война, победа, поражение. Взгляд с той стороны (Вторая мировая война в венгерской литературе). Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 253–262.
- Переводимость и непереводаемость поэзии (с привлечением венгерского материала). Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 217–230.
- Рецензия на: П. НАДАШ. Книга воспоминаний. Роман. Тверь, 2014. 769 с. Славяноведение. 2017. № 5. С. 98–102.

- Воланд в Будапеште. Михаил Булгаков и славянская культура / отв. ред. Е.А. Яблоков. М.: Совпадение, 2017. С. 314–326.
- Постмодернизм без берегов? Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 26–38. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы).
- «Турецкие письма» Келемена Микеша (Имагологический аспект). Славяноведение. 2018. № 2. С. 83–93.
- Лайош Мештерхази: от финала к дебюту. Иностранная литература. 2018. № 4. С. 252–261.
- Статьи «О Яноше Хай», «Об Иштване Силади». Прочтение. География: интернет-журнал. 2018. Вып. 2. URL: http://prochтение_geography_hungary.tilda.ws/ (дата обращения: 02.04.2023).
- Факт и вымысел в литературном произведении (на материале исторических романов Дёрдя Шпиро). Вектор *non-fiction* в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 248–267. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). <https://doi.org/10.31168/0411-4.5.1>
- «Книга Грабала» венгерского писателя Эстерхази. Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. Н.Е. Ананьева, О.А. Остапчук, Е.И. Якушкина. М.: МАКС Пресс, 2018.
- Аристократия и национальная история. Последние романы Петера Эстерхази. Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 77–94. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2019.2.1>
- Возможности реализма (размышления в связи с «новым» романом Лайоша Мештерхази). Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 399–411. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.06>
- Журнал «Беселё». Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст / отв. ред. Л.Ф. Широкова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 65–77. (Серия: Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2020.03>
- Символизм и авангард в венгерской литературе начала XX века (в сопоставлении с опытом русской литературы). Славяноведение. 2020. № 5. С. 74–88. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0011093-5>
- Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков / ред. Ю.В. Матвеева, Д.В. Спиридонов. Екатеринбург: Издательство УрФУ; СПб.: Алетейя, 2022. (Автор разделов «Этюд о поколениях в венгерской литературе XX века» (С. 298–302); «Венгерский литературный авангард глазами современного поколения венгерских литературоведов и писателей» (С. 303–315)).

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ (ДЕКАБРЬ 2022 — АПРЕЛЬ 2023)

Наталья Александровна Лунькова

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Аннотация

На последних двух заседаниях Дискуссионного клуба литературоведов — постоянного научного семинара Института славяноведения РАН — прозвучали доклады, продолжившие освещение темы «Литературные контуры современной Центральной и Юго-Восточной Европы: события, реалии, тренды». Первое заседание этого цикла прошло в июне 2022 г. и было посвящено текущей литературной ситуации в Болгарии, Румынии и Сербии. Участники ДКЛ обсудили ряд вопросов, имеющих отношение к многочисленным постановкам русской литературы на словацкой сцене, которые свидетельствуют о перманентном интересе к «русской теме» у словацкой театральной публики; восприятию образа России и русских в инославянской художественной литературе, отражению российских реалий и раскрытию проблемы контакта культур, формирования и бытования национальных стереотипов (на материале одного из современных чешских романов), а также переводам славянских фантастических произведений на русский язык, современному состоянию фантастической литературы в России и других славянских странах. Кроме того, шла речь и о некоторых тенденциях, наблюдаемых в актуальном литературном процессе Словакии и Чехии. В докладах было уделено внимание наиболее значительным книжным новинкам, механизму присуждения литературных премий, таким явлениям, как неизбежное влияние политики и общественной жизни на литературу, коммерциализация последней. Участники ДКЛ размышляли о том, какие факторы внелитературного процесса могут сказаться на престиже института литературы, что может привлечь / отпугнуть читателей, почему они отдают предпочтение мировой классике, а не произведениям современных славянских авторов, а также сравнивали ситуацию в Словакии и Чехии с состоянием литературного процесса в других славянских странах.

Ключевые слова

Славянские литературы, литературоведение, литературные премии, художественный перевод

Статья поступила в редакцию 25 июня 2023 г.

Статья доработана автором 27 июня 2023 г.

Статья принята в печать 2 июля 2023 г.

Цитирование: *Лунькова Н.А.* Дискуссионный клуб литературоведов (декабрь 2022 — апрель 2023). Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 215–225. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.12>

DISCUSSION CLUB OF LITERARY CRITICS (DECEMBER 2022 — APRIL 2023)

Natalia A. Lunkova

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: lunkova_n@mail.ru

Abstract

At the last two meetings of the Discussion Club of Literary Critics — a permanent scientific seminar of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences — the reports continued to cover the topic “Literary contours of modern Central and South-Eastern Europe: events, realities, trends”. The first session of this cycle took place in June 2022 and was devoted to the current literary situation in Bulgaria, Romania and Serbia. The DCL participants discussed a number of issues related to the numerous productions of Russian literature on the Slovak stage, which testify to the permanent interest in the “Russian theme” among the Slovak theater audience; perception of the image of Russia and Russians in Slavic fiction, reflection of Russian realities and disclosure of the problem of contact of cultures, the formation and existence of national stereotypes (based on a contemporary Czech novel), as well as translations of Slavic fantastic works into Russian, the current state of science fiction literature in Russia and other Slavic countries. In addition, some of the trends observed in the current literary process in Slovakia and the Czech Republic were discussed. The reports focused on the most significant new book releases, the mechanism for awarding literary prizes, such phenomena as the inevitable influence of politics and public life on literature, and the commercialization of the latter. The DCL participants reflected on what factors of the non-literary process can affect the prestige of the institute of literature, what can attract / scare off readers, why they prefer world classics over the works of modern Slavic authors, and also compared the situation in Slovakia and the Czech Republic with the state of the literary process in other Slavic countries.

Keywords

Slavic literature, literary criticism, literary awards, literary translation

Received 25 June 2023

Revised 27 June 2023

Accepted 2 July 2023

How to cite: Lun'kova, N.A., 2023. Diskussionnyi klub literaturovedov (dekabr' 2022 — april' 2023) [Discussion Club of Literary Critics (December 2022 — April 2023)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 215–225. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.12>

На встречах Дискуссионного клуба литературоведов, прошедших в декабре 2022 г. и апреле 2023 г. и продолживших серии заседаний по теме «Литературные контуры современной Центральной и Юго-Восточной Европы: события, реалии, тренды», были рассмотрены два тематических блока, первый из которых имел отношение к теме России (вопросы инсценировки произведений русской литературы в инославянской среде, перевода славянской фантастики на русский язык, Россия и русские сквозь призму чешского восприятия); второй — к наиболее актуальным вопросам литературного процесса в Словакии и Чехии.

Доклад А.Ю. Песковой (ИСл РАН) «Россия на словацкой театральной сцене 2020-х гг.» был посвящен актуальной ситуации на словацкой театральной сцене в аспекте присутствия здесь русской составляющей. Докладчица показала, как именно представлены в словацких театрах русские авторы и произведения, образ России и русского человека, для этого ею был изучен репертуар всех основных профессиональных театров Словакии, включая детские и кукольные театры.

Основу балетных репертуаров всех трех крупнейших музыкальных театров страны (Словацкий национальный театр в Братиславе, Государственный театр Кошице, Государственная опера в Банской Быстрице) составляют постановки балетов П. Чайковского («Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спящая красавица») и С. Прокофьева («Золушка», «Ромео и Джульетта»). Одной из последних постановок Кошицкого театра стал балетный спектакль «Нуреев» (2021), соавтором которого выступил российский хореограф-постановщик В. Малахов, также исполнивший в спектакле главную роль. В Опере Банской Быстрицы в марте 2023 г. готовятся представить балет «Анна Каренина» в постановке П. Дединского.

Одним из самых популярных и инсценируемых русских авторов на драматических сценах страны является Н. Гоголь. Постановки его пьес в разных интерпретациях — от классических до осовремененных — присутствуют в репертуаре Театра Й.Г. Тайовского в Зволене («Ревизор»), Тренчинского городского театра («Женитьба»), Словацкого камерного театра в Мартине («Игроки»), братиславского Театра Асторка Корзо 90 («Ревизор»). В январе 2023 г. в Словацком национальном театре запланирована премьера спектакля «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Заметной театральной премьерой прошлого сезона стали «Три сестры» А. Чехова в Словацком камерном театре в Мартине (реж. М. Амслер). Исполнительница роли Маши А. Пайтинкова была удостоена за нее высшей театральной награды Словакии премии *Dosky* за лучшую женскую роль. На этой же сцене в июне 2022 г. состоялась премьера спектакля по пьесе А. Камю «Справедливые убийцы» (реж. Л. Брутовский), написанной по мемуарам террориста Б. Савинкова и рассказывающей об убийстве террористом И. Каляевым в 1905 г. великого князя Сергея Александровича.

Одновременно в нескольких словацких театрах идут спектакли по произведениям Л. Толстого. Городской театр в Жилине в качестве юбилейной постановки к своему тридцатилетию в 2021 г. выбрал «Анну Каренину» (реж. М. Амслер), представив на сцене одноименную пьесу немецкого режиссера и драматурга А. Петраса, написанную по мотивам романа Толстого. Одна из последних премьер Жилинского театра (май 2022) — спектакль «Крейцерова соната / Чья вина?» по новеллам и дневникам Л. Толстого и С. Толстой. Со сцены Словацкого Национального театра уже несколько лет не сходит постановка «Война и мир» (реж. М. Амслер), за основу которой была взята наиболее известная в Америке и Европе инсценировка Э. Пискатора. В год своей премьеры (2018) спектакль был отмечен премией *Dosky* за лучшую сценографию и костюмы.

К 200-летию юбилею Ф.М. Достоевского на сцене Государственного театра в Кошице была представлена премьера спектакля «Бесы» (ред. А. Коренчи). Это самое популярное инсценируемое произведение Достоевского в Словакии в последние десятилетия. Интересное решение авторов инсценировки было связано с выбором персонажа на роль рассказчика: здесь ею стала девочка Матреша из главы «У Тихона», которую играет молодая артистка балетной труппы театра В. Шевченко, произносящая свой текст с заметным русским акцентом, что, по мнению критиков, придает особую, милую «русскую окраску» данной постановке.

Что касается современного материала, то здесь особенно привлекает словацких режиссеров драматургия И. Вырыпаева. Сразу два спектакля по его произведениям можно сейчас увидеть на братиславских сценах: «Бытие № 2» в театре *Stúdio 12* и «Иллюзии» в Словацком Национальном театре. Докладчица рассказала и о спектакле «Русские дневники» (реж. Р. Полак), с 2019 г. не сходящем с подмостков Словацкого Национального театра. В основу постановки легла ранняя дневниковая проза русской эмигрантской писательницы Али Рахмановой, а именно роман «Студенты, любовь, ЧК и смерть» (1931), повествующий о событиях русской революции и гражданской войны 1916–1920 гг. Романы Рахмановой, переведенные в Словакии в 2010-х гг., привлекают словацких читателей и зрителей своей аутентичностью, непосредственностью изложения и искренностью высказывания, ее тексты часто сравнивают там с прозой С. Алексиевич.

Одна из самых свежих премьер Словацкого национального театра (май 2022) — спектакль «24» (реж. В. Шульцова), который был написан самим режиссером-постановщиком и актерским коллективом театра и имеет подзаголовок: «История, которая уже стала нашей» (словац. *Príbeh, ktorý je už aj náš*). В первую очередь авторы стремятся рассказать о том, как события весны 2022 г. затронули саму Словакию, с какими вопросами и проблемами пришлось столкнуться им самим. Авторы называют это терапевтической драмой, которая помогает и им, и зрителям справиться с ощущением растерянности и страха.

В целом, по мысли А.Ю. Песковой, обилие в репертуарах словацких театров русских классических названий, а также присутствие в них ряда современных российских драм и произведений, в которых так или иначе затрагивается тема России, свидетельствуют о том, что хороший драматургический материал актуален и интересен всегда, во все времена, а «русская тема» не перестает вызывать интерес у словацкой театральной публики.

Е.Н. Ковтун (ИСл РАН) в докладе «Современная славянская фантастика в русских переводах» проанализировала современное состояние фантастической литературы в России и других славянских странах. Несмотря на то, что политические и культурные перемены, произошедшие в Центральной и Юго-Восточной Европе в конце XX в., существенно изменили векторы развития славянской фантастики, переориентировав ее преимущественно на западные (англо-американские) образцы, и в нынешние времена национальные фантастические традиции региона сохраняют как типологическую общность, так и достаточно активное контактное взаимодействие. Об этом, в частности, свидетельствуют переводы произведений славянских фантастов на русский язык. Хотя они не имеют ныне того планомерного и комплексного характера, который был присущ социалистической эпохе, тем не менее их изучение позволяет сделать ряд интересных выводов о содержательной и художественной специфике новейшей фантастической литературы, ее жанровых модификациях и проблемно-тематических приоритетах.

Термин «фантастика» в российском литературоведении, как правило, применяется к двум достаточно различным художественным явлениям. Чаще всего под фантастикой понимается область литературы, объединяющая произведения со схожей проблематикой и поэтикой. В этом смысле фантастику нередко именуют особым «жанром». В границах «жанра» различают научную фантастику, в которой фантастическая посылка или лежащая в основе сюжета гипотеза имеет рациональное объяснение и соотносится (хотя порой и весьма условно) с научной картиной мира, и волшебную фантастику (сегодня устойчиво именуемую фэнтези), фантастическая посылка и образность в которой основаны на представлениях о сверхъестественном и невозможном в рамках «обыденной реальности».

В рамках «жанрового» понимания фантастики в сфере переводов на русский язык устойчиво лидирует фантастическая проза польских писателей. За последние 20–30 лет в России переведено по крайней мере несколько десятков произведений, принадлежащих как к научной фантастике, так и к фэнтези. В выступлении были представлены наиболее интересные образцы польских фантастических романов и романых циклов, ставших доступными российскому читателю («Сага о Рейневане» А. Сапковского, «Последняя речь Посполитая» Т. Колодзейчака, «Владыка ледяного сада» Я. Гжэндовича). Интересной чертой современной польской фантастики является синтез художественных приемов, характерных для научной фантастики и фэнтези, подчеркнутое стремление «вписать» фантастический

элемент в реальную историю Европы или воссоздать будущее европейского континента, в котором есть место и техническому прогрессу, и магии. Из других переводов интересна появившаяся недавно антология современной болгарской фантастики («Третье пришествие». М.: Вече, 2021). Национальные фольклорные элементы в «малой» прозе болгарских фантастов искусно сочетаются с социально-философской и социально-критической проблематикой в духе лучших образцов советской фантастики 1960–1980-х гг.

Второе понимание фантастики представляет ее как универсальное художественное средство — особый способ изображения реальности, характеризующийся пересозданием (перекомбинированием) присущих реальности признаков и явлений. В подобном обличье фантастика функционирует далеко за пределами рассмотренной выше «жанровой» формы и вполне присуща произведениям, относящимся к так называемому «мейнстриму», или «высокой» литературе. В последние 30 лет в славянских литературах она ярко проявляется в рамках постмодернистской прозы. Здесь также можно выделить интересные тенденции. Например, постепенный отказ писателей от ярких вымышленных конструкций, карнавализации повествования, фантазмагии и гротеска, свойственных в 1990–2000-е гг. таким авторам, как М. Айваз, И. Кратохвил, Г. Петрович и др. В новейших славянских литературах вымысел нередко выступает в неброской, почти скрытой форме, оставляющей читателю возможность для собственной, как «фантастической», так и «реалистической» трактовки сюжетных событий. В выступлении это было показано на примере романа чешской писательницы А. Болава «Во тьму» (2015, переведен на русский язык в 2018 г.).

В докладе «Россия и русские в романе Яны Гулюшкиной «Йолка»» (2022) Д.К. Полякова (РГГУ, ИСл РАН) был рассмотрен дебютный роман чешской писательницы, вышедший в 2022 г. Главной сюжетной линией романа является пребывание его главной героини (и одновременно повествователя) — чешской студентки Йоланы — на стажировке в Санкт-Петербургском университете. Текст Гулюшкиной наполнен российскими реалиями и раскрывает проблемы контакта и конфликта культур, формирования и развенчания национальных стереотипов.

Приезд в далекую Россию стал для Йоланы, изучавшей в Чехию русскую филологию, попыткой уйти от груза прошлой жизни. Оказавшись в Петербурге, героиня романа испытывает потрясение. Она сталкивается со многими известными и типичными проявлениями России, пугающими европейца: бытовой неустроенностью в общежитии, волокитой в начальственных кабинетах, внезапными визовыми проблемами и др. Роман Гулюшкиной иногда приобретает черты физиологического очерка: автор устами главной героини будто составляет лексикон необычных для чеха российских реалий. Это и давка в метро, и обращение к собеседнику по имени-отчеству, и мода на искусственный загар среди женщин, и массовая безбилетная езда в пригородных поездах, и расхожесть максим в духе «бьет — значит любит».

Важнейшей в романе является роль языка. Именно с его помощью героиня романа преодолевает отчуждение по отношению к новому для себя месту и новым людям. Йолана представлена как классический аутсайдер, находящийся в конфликте с любым внешним, будь оно «чужое» (русское) или «свое» (чешское), но в первую очередь — в конфликте с самой собой. Конфликт с новым пространством усилен многочисленными коммуникативными неудачами, непониманиями, языковыми ошибками: язык героини поначалу «исковерканный», «неправильный». При этом обретение нового языка — то есть освоение русского — смиряет героиню с окружающей реальностью, втягивает в некую новую жизнь.

Несмотря на то, что текст Гулюшкиной сложнее, чем просто реализация оппозиции «свой – чужой», в романе, как отметил Д.К. Поляков, представлен ряд мотивов и топосов, характерных и для литературы путешествий вообще, и для травелогов о России, в том числе чешских. Это столкновение с непривычным пространством — имеющим огромные размеры и иначе организованным. Усиливает этот мотив само место действия — подавляюще большой, уже придуманный таким Петербург, где живет героиня, вынужденная каждый день преодолевать непривычно большие расстояния, добираясь в университет из Петергофа, где находится общежитие. Еще один ключевой мотив — толпа на улицах, в транспорте, невозможность установить дистанцию, потеря собственного пространства и тем самым подавление собственной воли героини, вынужденной все время двигаться в потоке людей, а иногда (в метро) и сливаться с ним, чтобы уцелеть. Героиню регулярно шокирует иррациональность привычек и традиций, необходимость соблюдать не официально действующие, но неписанные правила, которые могут отличаться от законов или даже быть им противоположными.

Ко второму тематическому блоку последних заседаний ДКЛ можно отнести доклады сотрудников Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСЛ РАН: Л.Ф. Широковой, С.А. Кожинной и А.В. Грасько.

Л.Ф. Широкова выступила с докладом на тему «Что нового в Словакии и в ее литературе?», ею были затронуты проблемы сегодняшней словацкой политики и общественной жизни: правительственный и парламентский кризис с вероятной отставкой правительства Э. Хегера и досрочными парламентскими выборами, энергетические трудности, требования медиков, снижение уровня жизни, проблемы миграции и др. Упомянула Л.Ф. Широкова и предметы национальной гордости словаков, достижения в промышленности и в сфере нематериального культурного наследия. При этом сегодняшняя атмосфера в обществе опосредованно отражается и на культуре; это может проявляться не столько тематически, сколько в субъективных ощущениях угрозы, одиночества, отчуждения, что заметно в ряде произведений литературы.

Еще одной из тенденций последнего времени, по мнению докладчицы, является возвращение к старым текстам, переосмысление мифов, часто гро-

тесное, на материале современности. В качестве примера был приведен сборник рассказов 15 авторов «Прешпорские легенды оживают» (2022). За основу взяты две уже полузабытые книги М. Дюричковой «Прешпорский колокол» (1976) и «Дунайская королева» (1981), в которых собраны легенды средневековой Братиславы. Среди авторов — М. Гворецкий, П. Ранков, Д. Капитанева, Д. Фулмекова и др. Второй вариант реализации этого тренда — переиздание в более или менее переработанном виде опубликованных ранее произведений. Так, в 2021 г. вышла и пользовалась успехом новелла Э. Фаркашовой «Спасение мира по Г.» в расширенном и сюжетно более завершенном виде по сравнению с первым ее изданием 2002 г. Книга вошла в десятку лучших произведений словацкой прозы за 2021 г. в ежегодно проводимом в стране престижном литературном конкурсе «Анасофт литера».

Победителем конкурса стал С. Ракус со сборником рассказов «Жалостливость», герои которых сталкиваются с проблемами одинокой старости, болезней, смерти; их обыденная жизнь представлена в драматическом, а порой трагикомическом ключе. В пятерку лучших вошли также Балла («Среди руин»), И. Медеши («Вильки»), М. Вадас («Шесть чужаков») и, наконец, Н. Гохголцера («Эту комнату нельзя съесть»), чей роман вызвал неоднозначный отклик, прежде всего у педагогического сообщества.

Внимание С.А. Кожиной в докладе «“Читательский успех” или “маркетинговая чушь”: критики о чешской литературе последнего двадцатилетия» было сосредоточено на результатах анализа корпуса чешских критических статей, посвященных развитию чешской литературы после 1989 г., ставшего для нее своего рода рубежом: на протяжении 1990-х гг. литература находилась в процессе поиска новых эстетических платформ и способов выражения. К началу же нового тысячелетия чешская литература обрела более четкие грани, восстановив естественную (обоснованную внутренними тенденциями) линию развития и сохранив, развив плюрализм 1990-х гг. В значительной степени определяющими литературный процесс стали новые социальные явления (интернет, коммерциализация культуры), в связи с чем возобновились и дискуссии о его будущем.

Первым знаком трансформаций в характеристике новейшей чешской литературы стала статья Мирослава Блаштика, опубликованная в 2002 г. на страницах «Докоржан», где автор отметил негативный результат попыток современных чешских авторов избавиться художественные тексты от внетекстовых функций. По мысли критика, литература избавилась от связей с действительностью и перестала существовать «под давлением» внеэстетических функций, вследствие чего утратила многих образованных читателей. С. А. Кожина подчеркнула, что, согласно М. Блаштику, литература, почувствовав свободу от идеологии, впустила политику в область жизненных ценностей и, следовательно, в сферу художественного, что в значительной степени снизило ее ценность. В 2008 г. на страницах «А2» вышел текст Штефана Швеца «Немного маркетинговой чуши», вызвав-

ший бурную реакцию критиков и литераторов. Чешский критик полагает, что проблемы современной чешской литературы кроются в том, что она публикуется десятками маленьких тиражей, сами литературные журналы бедствуют, их шеф-редакторы работают учителями и подрабатывают корректурой, популярностью же у читателей пользуются произведения зарубежных, а не чешских авторов. Докладчица обратила внимание на то, что Швец говорит и о кризисе критиков и специализированных литературных изданий, которые пишут только кичевые статьи с броскими названиями. Павел Яноушек в статье «Ангелы» (2009) придерживается похожей позиции, поскольку убежден, что современную чешскую литературу не читают и не испытывают потребности читать, т.к. в ней нет произведений, заслуживающих внимания.

Статья П.А. Билека «Десятилетие чешской литературы: много балласта и мало великих произведений, исключение только Топол и Сидон» (2019) отличается достаточно агрессивным тоном. Критик упомянул (в основном в негативном ключе) всех современных авторов. Стоит, однако, отметить, что одной из характеристик «плохого» литературного произведения для Билека является большое количество страниц, написанных автором за месяц. Проблема заключается даже не в самих авторах, а в читателях, которые такой продукцией вполне довольны, оставляя в стороне чешскую «жанровую прозу», которую не понимают. Исключением являются для Билека К. Сидон и Й. Топол, публикующие одно произведение примерно в 10 лет. Их тексты, по Билеку, являются примером качественной литературы, результатом творческого усилия автора. Интернет, коммерциализация культуры, открытость медиа, доступность культурных институтов широкой общественности, по замечанию К. Пиорецкого в статье «Вторжение дилетантов» (2015), способствовали тому, что профессиональную литературу заполнили непрофессиональные авторы и, как следствие, непрофессиональные литературные произведения. Это понизило престиж института литературы и отпугнуло чешских читателей, предпочитающих мировую классику произведениям современных чешских авторов.

В заключение докладчица упомянула и нескольких критиков, не разделяющих столь негативную трактовку современного литературного процесса. Например, вышеупомянутый М. Блаштик в более новой статье «Будущее чешской литературы в эксперименте» (2020) отмечает позитивные тенденции на книжном рынке, где авторы отводят все больше места эксперименту, в нем критик и видит будущее литературы. Тем не менее Блаштик не упоминает ни одного автора, на творчество которого необходимо равняться. Я. Немец, главный редактор крупного литературного журнала «Гост», так же позитивно смотрит на современное состояние литературы, будучи убежденным, что читатель нашел в литературе партнера, с которым у него есть общий язык, опыт, и который способен понять его эмоции. Примечательно, что и Немец в своей статье, как и Блаштик, поднимает

вопрос именно будущего развития. По мнению критика, в литературу возвращаются старые (забытые или же ранее невозможные типы конфликта), например, индивидуум VS. власть, формируется устойчивый мейнстрим, в рамках которого возможно формирование экспериментальной литературы, самобытных авторов и особых произведений.

А.В. Грасько в докладе «“Премия с пузырьками”»: победители и номинанты *Magnesia litera* 2021–2022» обратилась к самой престижной чешской литературной премии, которую иногда в шутку называют «премией с пузырьками», поскольку ее официальным спонсором является компания минеральной воды *Magnesia*. «Магнезия литера» была основана в 2002 г., она вручается ежегодно и охватывает все литературные жанры в восьми жанровых категориях: проза, поэзия, детская книга (с 2004 г.), нехудожественная литература, эссе/журналистика (с 2007 г.), перевод, издательские достижения, книжный дебют. Также в рамках премии ежегодно выбирается «Чешская книга года». Присуждается премия независимой ассоциацией *Litera*, которая объединяет членов всех чешских литературных организаций или организаций книжного рынка: Академии наук Чешской Республики, Ассоциации книготорговцев и издателей, Чешского центра международного ПЕН-клуба, Чешской секции IBBY, Общества чешских писателей, Гильдии чешских переводчиков. Учредителем премии является журналист, редактор, литературный критик Павел Мандис.

Осветив историю создания премии, А.В. Грасько кратко охарактеризовала чешские художественные книги, номинировавшиеся на премию *Magnesia Litera* в секции «Проза» за 2021 и 2022 гг., при этом более подробно ей была рассмотрена книга-победитель 2022 г. — роман Станислава Билера «Деструкция» (чеш. *Destrukce*).

Станислав Билер — молодой современный автор, социолог, журналист — пишет для чешских журналов и газет *A2larm*, *Deník N*, *Finmag*, *Respekt*, *Hospodářské noviny*, также он работал драматургом на Чешском телевидении. Роману «Деструкция» предшествовал дебютный роман («Самый лучший кандидат» (чеш. *Nejlepší kandidát*, 2017), в котором уже присутствуют отличающая Билера любовь к сатире, иронии, интерес к социальным проблемам ближайшей современности. Вместе с тем, основной тон первого романа, как отмечают читатели, гораздо в большей степени юмористический, чего нельзя сказать о «Деструкции», где автор использует гротеск и характерный для чешской культуры черный юмор.

Роман сочетает в себе элементы различных жанров (социальный, экологический роман, роман-притча, присутствуют и элементы детектива). По словам докладчицы, манера повествования, с одной стороны — реалистическая, с другой — в романе присутствует большая доля условности, притчевости, ощущается абсурдистская поэтика. Неслучайно чешские читатели сравнивают роман с произведениями Ф. Кафки, а также с драмой абсурда В. Гавела. Об актуальности романа свидетельствуют многочислен-

ные читательские отзывы на интернет-порталах, таких, как databazeknih.cz, goodreads.com.

Повествование в романе ведется от первого лица, от лица главного героя — молодого учителя, который из города решает перебраться в деревню. В основе сюжета первой половины романа лежит путь героя от веры в деревню как оплот традиционных ценностей до разочарования в ней. Во второй половине романа, когда герой уже не пытается найти опору в устоях деревни, сюжет развивается вокруг разгадки тайны самой деревни, в которой царит засуха, катастрофы происходят одна за другой, жители которой напоминают актеров драмы абсурда. В конце романа обнаруживается формальный корень несчастий деревни — это завод минеральной воды, который выкачивает всю воду, но от его работы в то же время зависят жители, поскольку все работают на нем. Конечно, таким образом автор ясно заявляет об экологической проблематике. Однако в романе отчетливо проходит и другая мысль — о том, что опасность несет в себе не только экологическая катастрофа, но и деформация человеческих взаимоотношений, в которых много равнодушия, невежества, конформизма. В заключение доклада А.В. Грасько отметила, что роман Билера представляет собой рассуждение автора о проблемах современности, вместе с тем писатель, выступая «диагностом» болезней общества, не предлагает конкретный вариант их излечения, о чем сам признается в интервью.

Сделанные авторами докладов наблюдения позволят в дальнейшем определить специфику новейшего литературного процесса в Центральной и Юго-Восточной Европе, наметить типологические сходства и важные отличия в его развитии у разных славянских народов.

**XXXIX ВСЕРОССИЙСКОЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ
«ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ – 2023»**

Татьяна Владимировна Шалаева

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Аннотация

Хроника посвящена конференции «XXXIX Всероссийское диалектологическое совещание “Лексический атлас русских народных говоров – 2023”», ежегодно проходящей в Санкт-Петербурге в Русском географическом обществе и состоявшейся 30–31 января 2023 года. На ней преимущественно обсуждались вопросы русской диалектной лексикологии, лексикографии и лингвогеографии, связанные с составлением «Лексического атласа русских народных говоров», работа над которым ведется в Институте славяноведения РАН, Институте лингвистических исследований РАН и в ведущих вузах Российской Федерации. Рассматривались как лексические особенности конкретных диалектов, так и явления, характерные для русских говоров в целом. Кроме того, в докладах анализировались общие проблемы лингвогеографии и диалектной лексикографии, в том числе на материале ЛАРНГ. Также в отдельных докладах были затронуты вопросы топонимии, антропонимии, этимологии, ономастики, грамматики, лингвофольклористики и этнолингвистики. Некоторые доклады были посвящены изучению русской диалектной лексики на славянском фоне. А отдельные аспекты лингвогеографии и лексикографии были продемонстрированы на материале неславянских языков, в частности коми-пермяцкого. В совещании приняло участие большое количество исследователей из более чем двадцати городов России, в том числе молодые ученые. Тексты докладов будут опубликованы в ежегодном сборнике «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования», издаваемом в Институте лингвистических исследований РАН под редакцией С.А. Мызникова. По итогам совещания было принято решение о поддержке и поощрении сотрудников ЛАРНГ, а также интенсификации их работы над составлением карт и по сбору материала.

Ключевые слова

Лексический атлас русских народных говоров, русская диалектология, лексикология, лингвогеография, лексикография

Статья поступила в редакцию 6 марта 2023 г.

Статья доработана автором 28 мая 2023 г.

Статья принята в печать 2 июня 2023 г.

Цитирование: *Шалаева Т.В.* XXXIX Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2023». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 226–230. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.13>

XXXIX ALL-RUSSIAN DIALECTOLOGICAL MEETING “LEXICAL ATLAS OF THE RUSSIAN FOLK DIALECTS – 2023”

Tatiana V. Shalaeva

Ph. D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Abstract

The chronicle is devoted to the conference “XXXIX All-Russian Dialectological Meeting «Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2023»” which annually takes place in Saint Petersburg and this time was held on January 30–31, 2023. The questions of the Russian dialect lexicology, lexicography and linguistic geography were mainly discussed. These disciplines are concerned with “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects” compiling which has been done by the Institute of Slavic Studies RAS, the Institute of Linguistic Studies RAS and leading universities of Russian Federation. Concrete dialect lexical characteristics as well as features of the Russian dialects in general were considered. Moreover, general problems of linguistic geography and dialect lexicography were analyzed, including the studies on “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects” materials. Also some papers dealt with toponymy, antroponymy, etymology, onomastics, grammar, linguistic folklore studies and ethnolinguistics. Some presentations were devoted to the study of the Russian dialect lexicon against the Slavic background. Some linguistic geography and dialect lexicography aspects were shown on the material of non-Slavic languages, in particular, Komi-Permyak. A great number of scientists, including young researchers, from more than twenty Russian cities took part in the conference. Presented papers will be published in the annual volume “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects. Materials and Studies” by the Institute of Linguistic Studies RAS, edited by S.A. Myznikov. As a result of the conference there was made a decision to support and encourage the Atlas authors and to intensify their work on maps and research.

Keywords

Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects, Russian dialectology, lexicology, lexicography and linguistic geography

Received 6 March 2023

Revised 28 May 2023

Accepted 2 June 2023

How to cite: Shalaeva, T.V., 2023. XXXIX Vserossiiskoe dialektologicheskoe soveshchanie «Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov – 2023» [XXXIX All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2023”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 226–230. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.13>

Сотрудники Центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН совместно с Институтом лингвистических исследований РАН и ведущими российскими вузами ведут работу над составлением «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). На сегодняшний день опубликованы два тома — «Растительный мир» (2017) и «Животный мир» (2022) (ответственный редактор — Т.И. Вендина). В рамках этой темы в Санкт-Петербурге проходит ежегодное совещание, которое на этот раз состоялось 30–31 января 2023 года в Русском географическом обществе (полное название — «XXXIX Всероссийское диалектологическое совещание “Лексический атлас русских народных говоров — 2023”»). Оно было посвящено разнообразным аспектам русской диалектологии, хотя основное внимание закономерно уделялось вопросам, связанным с подготовкой атласа.

Так, представлению результатов работы над ЛАРНГ в целом были посвящены доклады С.А. Мызникова, М.Д. Корольковой (Москва, Санкт-Петербург) («О ходе работы над проектом ЛАРНГ») и Т.И. Вендиной (Москва) («Лексический атлас русских народных говоров, третий том “Ландшафт”: итоги и перспективы»).

Общие вопросы диалектной лингвогеографии были затронуты в докладах В.И. Супруна (Волгоград) («Диалектологическая карта 1865 года: история создания и судьба автора»), Н.Л. Сухачева, М.Д. Корольковой (Санкт-Петербург) («Современное состояние лингвогеографических исследований (к обновлению “Библиографического указателя лингвистических атласов”»)), Е.Л. Федосеевой (Пермь) («Принципы отбора материала для лексического атласа коми-пермяцкого языка по теме “Растительный мир”»).

Анализ конкретных карт ЛАРНГ был отражен в сообщениях Л.А. Климовой (Арзамас) («Системные отношения в лексике русских народных говоров (на картографируемом материале»)), Т.Е. Баженовой (Самара) («Наименование торфяных кочек на болоте в русских говорах»)), Е.В. Кузнецовой (Волгоград) («Названия мелкой ряби и высокой волны в русских народных говорах (по данным “Лексического атласа русских народных говоров”»)), Н.А. Красовской (Тула) («Наименование дерна в русских говорах»)).

Также вопросы частных лексических явлений в русских говорах были затронуты в докладах Н.В. Шевченко (Санкт-Петербург) («Значения слова *вершина* в русских говорах»)), В.Б. Колосовой (Санкт-Петербург) («“Змеиные” растения в русских говорах»)), Е.В. Колесниковой (Москва) («Некоторые особенности семантики прилагательных *серый* и *седой* в русских говорах»)), Е.Б. Кузьминой (Санкт-Петербург) («Понятие “праздник” в русском народном сознании»)), Е.В. Колосько (Санкт-Петербург) («Диалектная идиоматическая лексика со словом *шар*»)), И.И. Русиновой (Пермь) («Семантико-мотивационное своеобразие русской глагольной лексики колдовства, знахарства»)), Т.А. Макшаковой (Екатеринбург) («Глаголы со значением

‘оцепенеть, остолбенеть’ в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект»).

Лексические особенности конкретных диалектов были описаны в докладах Н.С. Ганцовой, Г.Д. Негановой (Кострома) («Региональная лексикография и задачи отражения лексики различных тематических групп в ЛАРНГ»), Е.А. Ждановой (Ижевск) («Лексика, соответствующая разделам ЛАРНГ “Метеорология. Астрономия. Календарь” и “Ландшафт”, в русских говорах Удмуртии»), А.А. Соколовой (Санкт-Петербург) («Водные объекты в лексике русских говоров Северо-Запада (опыт создания электронного тематического словаря)»), М.А. Грановой (Пермь) («Структурно-семантические особенности собственных имен духа-“хозяина” леса (на материале мифологических текстов Пермского края)»), Е.А. Кириловой (Вологда) («Культура повседневности как сфера функционирования православной лексики в диалектном дискурсе (на материале “Словаря вологодских говоров”)»), Ю.В. Каменской (Саратов) («Лексика магической сферы в современной диалектной речи (на примере говоров Саратовской области)»), А.Д. Черенковой (Воронеж) («Новая диалектная лексика (на материале наименований одного сельскохозяйственного орудия труда в говорах Воронежской области)»), Н.Ю. Грибовской (Тверь) («Амбивалентность оценки характера и поведения человека в лексике тверских говоров»), А.Б. Коконовой (Москва) («Концепты “честь” и “закон” в номинациях незаконно рожденного ребенка и его матери (на материале архангельских говоров)»), Д.А. Добкиной (Москва) («Мифологическая хозяйка леса (женские демонологические персонажи в архангельских говорах)»), И.Б. Качинской (Москва) («Сват да брат да яшкина родня: распространение терминов родства на все сообщество (на материале архангельских говоров)»), О.А. Скобелева (Петрозаводск) («Хозяйственная лексика говоров Заонежья XIX–XX вв.»), Ю.В. Зверевой (Пермь) («Лексика обработки льна, прядения и ткачества в русских говорах Пермского края»).

Общие проблемы диалектной лексикографии стали предметом рассмотрения в докладах М.В. Бобровой (Санкт-Петербург) («БАС как сопоставительный источник: заметки диалектного лексикографа») и Ю.А. Шкураток (Пермь) («Проблемы лексикографического описания коми-пермяцкого языка и перспективы создания лексического атласа»).

На конференции прозвучали доклады, посвященные русской топонимии и антропонимии: с ними выступили Е.В. Цветкова (Кострома) («Костромские ландшафтные микропонимы (названия омутов)»), А.И. Буранова (Саратов) («Топонимы в речи жителей с. Белогорное Вольского р-на Саратовской области»), В.С. Картавенко (Смоленск) («Лимнонимы Смоленского края»), В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург) («Из библейского именослова в народной речи (*Адам*)»).

Отдельные доклады касались этимологии и ономастики: Т.В. Шалаева (Москва) («Ихтионим *пескозоб* и его фонетические варианты на карте»),

В.В. Шаповал (Москва) («*Шуня и клуня* в ситуации неполноты данных»), Е.В. Тишина (Москва) («Подзывные слова в русских народных говорах: этимологический аспект»), В.Л. Васильев (Великий Новгород) («Новый взгляд на топоним *Валдай*»).

Русская диалектная грамматика была темой докладов С.С. Токаревой (Воронеж) («Лексическая наполненность третьего типа склонения в диалектах (по материалам говоров Воронежской области)») и В.А. Закревской (Тюмень) («Употребление глагольных форм в афористичных высказываниях (на материале архангельских говоров)»).

Кроме того, были сделаны доклады о связи русских диалектов и фольклора: Е.Н. Ильина (Вологда) («Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности»), С.Б. Потемкин (Москва) («Сборник П.Н. Рыбникова как источник диалектизмов»).

Русская диалектная лексика на славянском фоне была рассмотрена в докладах М.М. Кондратенко (Ярославль) («Лексика, обозначающая время, в ярославских и ладого-тихвинских говорах»), Н.В. Большаковой (Псков) («Русско-белорусские лексические схождения в южнопсковских говорах»), А.В. Тер-Аванесовой (Москва) («Алломорфы глагольных префиксов *и-, *vъ-, *vъz- в одном южнорусском говоре и его восточнославянском окружении»).

Тексты докладов совещания будут опубликованы в ежегодном сборнике «Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования», издаваемом в Институте лингвистических исследований РАН под редакцией С.А. Мызникова. По итогам совещания было принято решение о поддержке и поощрении сотрудников ЛАРНГ, а также интенсификации их работы над составлением карт и по сбору материала.

**СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ
2023
Том 18
№ 1-2**

**SLAVIC WORLD
IN THE THIRD MILLENNIUM
2023
Volume 18
Issue 1-2**

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2023.18.1-2

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2023.18.1-2

Главный редактор:
Е. С. Узенева

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редакторы (русский язык):
И. С. Пекунова, В. С. Кучко

Russian Language Copy-Editors:
Irina S. Pekunova, Valeria S. Kuchko

Редакторы-корректоры:
Е. В. Дейкина, Т. К. Дейкина

Proofreaders:
Elizaveta V. Deykina, Tamara K. Deykina

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Computer layout:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:

On the cover:

Фрагменты фотографий из базы FORTEPAN
Лицензия Creative Commons CC-BY-SA 3.0

Photo fragments from FORTEPAN archive
Under Creative Commons CC-BY-SA 3.0 licence

Fortepan/Hanser Mária, No 120493
URL: <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=120493>

Fortepan/Hanser Mária, No 120493
URL: <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=120493>

Fortepan/Gyöngyi, No 12764
URL: <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=12764>

Fortepan/Gyöngyi, No 12764
URL: <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=12764>

Fortepan/Tóth József Füles, No 196988
URL: <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=196988>

Fortepan/Tóth József Füles, No 196988
URL: <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=196988>

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 21.07.2023. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,85.
Объем 14,5 печ. л.

Заказ № 34.
Тираж 500 экз.